

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Южный федеральный университет»

На правах рукописи

Французов Руслан Игоревич

ТЕОПОЭТИКА КАК ФЕНОМЕН АНТИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ

специальность 5.7.8. Философская антропология, философия культуры
(философские науки)

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание учёной степени кандидата философских наук

Научный руководитель:
Заслуженный деятель науки РФ,
доктор философских наук, профессор
Драч Геннадий Владимирович

Ростов-на-Дону – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. АНТИЧНАЯ КУЛЬТУРА И ТЕОПОЭТИКА	3
1.1. Древнегреческая античность как модель культуры: проблемное поле	19
1.2. Современная теопозитика как совокупность методологических принципов	47
1.3. Теопозитические основания древнегреческой культуры	72
ГЛАВА 2. ПЛАТОН И ТЕОПОЭТИКА: ОПЫТ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ АНТИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ.....	100
2.1. Миф: эстетика и сюжет	100
2.2. Диалог: поэтика и выражение.....	121
2.3. Метод Сократа: диалектика и ирония.....	141
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	168
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	172

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы

Феномен «греческого чуда», которым именуют процесс генезиса античной классической культуры, сложно переоценить. Обусловлено это как самим понятием «классики», определяемым в качестве этанола или образца, так и самим восприятием Эллады в качестве источника общеевропейского цивилизационного языка. Актуализация этого «идеального положения» античности происходит в контексте формирования идентичности Старого Света. Сопоставляя себя с эпохой культурного переворота и обращаясь к её истокам, европейское самосознание окончательно воспринимает себя в качестве явления уже состоявшегося. Явления, рефлексивным основанием которого выступает культурный мир Античной Греции.

Актуальность темы исследования, таким образом, обусловлена тем фактом, что европейская культура возводит своё происхождение к периоду греческой античности с её своеобразными канонами и формами. Возникновение таких культурных форм и канонов, с одной стороны, есть объективный процесс исторического развития общественного бытия и сознания, с другой стороны, он выражен в плодах деятельности крупных мыслителей, влияние которых и сегодня остаётся важным и существенным.

В рамках античной культуры такой фигурой стал Платон. Стилистические особенности диалогической формы и драматический характер процесса совместного поиска истины – вот путь, который указал Платон своим современникам, жаждущим постигнуть высоты незримого и неопишемого. Обращаясь же к самому взгляду Платона на феномен философии, можно увидеть, что в качестве его истока он называл «удивление»¹. Указав на такое начало, афинский мудрец раскрыл двойственную природу философии: рациональную (ведь она есть любовь к мудрости) и аффективную (ведь причина ей – удивление). Очень

---

¹ Платон. Сочинения в трёх томах (четырёх книгах). Под общ. ред. Лосева А.Ф., Асмуса В.Ф. / Пер. с др.-греч. / Т. 2. М.: «Мысль», 1970. С. 243.

часто про этот второй, возможно, более глубокий (в некотором смысле даже мистический) аспект философии забывают.

Даже Аристотель, самый знаменитый из учеников Платона, будучи отцом логики, соглашается со словами учителя о начале философии как иррациональном удивлении, подкрепляя их следующим комментарием: «...тот, кто любит мифы, есть в некотором смысле философ, ибо миф создаётся на основе удивительного»². Это единство позиции по данной проблеме людей столь близких по затрагиваемым темам, но далёких по методам, не случайно. Оно доказывает нам глубинное родство между разумом и эмоциями, мышлением и аффектом, логосом и мифом.

Но эта двойственность раздражает человеческий разум. Он стремится преодолеть этот «дуализм», однако не может вписать всё разнообразие мира в ряд строгих логических категорий и протокольных предложений. Потому, углубляясь в самый исток противоречивой реальности, раскрывая её содержимое и отделяя вечно сущее от случайного, разум прокладывает свой путь к царству «νοῦτός» и «ἀλήθεια» – царству того, что древние мудрецы называли «божественным».

Что же есть это божественное? Как его достигнуть? Как оно связано с человеком? Ответить на эти вопросы можно, только перейдя в область культуры, где содержатся различные способы обращения к теме божественного.

Один из самых распространённых путей такого обращения – путь поэтический, поскольку ещё со времён Платона считалось, что поэты, будучи «...существами лёгкими, крылатыми и священными»³, были представителями того «...божественного и вдохновенно поющего племени»⁴, благодаря которому люди и знают о богах. Однако репрезентация «религиозного воображения» афинского философа не ограничивается только особенностями поэтического откровения, как и поэтика не сводится лишь к анализу творчества поэтов. Смысловая нагруженность, многослойность, богатство метафор и полидискурсивность – всё это богатство диалогического стиля обуславливает широкий эвристический

² Аристотель. Сочинения в четырёх томах. Т.1. /Перев. и ред. А.И. Доватура / М.: Мысль, 1976. С. 69.

³ Платон. Сочинения в трёх томах (четырёх книгах). Под общ. ред. Лосева А.Ф., Асмуса В.Ф. / Пер. с др.-греч. / Т. 1. М.: «Мысль», 1968. С. 138.

⁴ Платон. Сочинения в трёх томах (четырёх книгах). Под общ. ред. Лосева А.Ф., Асмуса В.Ф. / Пер. с др.-греч. / Т. 3, Ч. 2. М.: «Мысль», 1972. С. 151.

потенциал обращения к теме платоновской теопозтики как с историко-философской, так и с культурно-антропологической точек зрения.

Поэтическая природа античной культуры, ярко выраженная у Платона, находит продолжение и воплощение во всей последующей европейской культуре вплоть до сегодняшнего дня. Отсюда – необходимость её изучения, поиска и нахождения в диалогах афинского философа теопозитических моментов, продолжающих оказывать влияние на современное исследовательское гуманитарное поле.

Степень научной разработанности темы исследования

Особенность темы диссертационного исследования заключается в её недостаточности разработанности в российской и зарубежной гуманитарной среде. При этом раскрытие данного конструктивного элемента древнегреческой культуры обладает высоким эвристическим потенциалом⁵.

Тем не менее, в силу широты контекста культурологических исследований, а также характеристики теопозтики, как области междисциплинарной⁶, различные проблемные аспекты указанного феномена затрагивались отечественными авторами. Исходя из данной ситуации, необходимо выделить несколько групп работ, охватывающих различные аспекты объекта диссертационного исследования.

Первая группа посвящена древнегреческой культуре. Она, во-первых, включает в себя работы сугубо исторического характера, используемые в качестве демонстрации общего фона эпохи. Поскольку историография указанной темы обширна⁷ даже в отечественных рамках⁸, то среди русскоязычных авторов выделяются следующие: Р.Ю. Випер, С.Я. Лурье, С.С. Сергеев, Э.Д. Фролов, Ю.В. Андреев.

---

⁵ Кириллов А.А. Французов Р. И. Феномен религиозного воображения и теопозтика в анализе диалогической философии Платона // Научная мысль Кавказа. 2021. №4. С. 31.

⁶ Smit C.N., Meylahn J-A. 'Теороэтика (radikale Godstaal) en I.L. de Villiers et gedigte', *Verbum et Ecclesia* 41(1), a2140. <https://doi.org/10.4102/ve.v41i1.2140>. P. 509.

⁷ Кузищин В.И. (ред.). *Историография античной истории*. М., 1980. 415 с.

⁸ Фролов Э.Д. *Русская наука об античности: историографические очерки*. СПб.: Гуманитарная акад., 2006. 608 с.

Среди зарубежных исследователей особенно важны: Э. Курциус, К.Ю. Белох, Н. Хаммонд.

Во-вторых, исследования, посвящённые непосредственно древнегреческой культуре:

1. Как взятой с точки зрения целостного восприятия: В.В. Латышев, Ф.Ф. Зелинский, М.К. Петров, А. Боннар, В. Дюрант, А.-М. Бюттен, К. Куманецкий, А.И. Зайцев, а также Л. и Р.А. Адкинсы.

2. Так и с точки зрения различных социокультурных аспектов: *Искусство* (Ю.Д. Колпинский, В.М. Полевой, Л.И. Акимова, И.А. Лисовый и К.А. Ревяко, Р.М. Кук, Дж. Харвит, С. Вудфорд, М.Д. Стансбери-О’Доннелл, Т.Д. Смит и Д. Плантзос); *Частная, общественная и повседневная жизнь* (П. Гиро, Р. Фласельер, А.М. Васютинский, Г. Лихт, П. Брюле Л. Винничук, И.В. Меланченко, В.Р. Грушин, Н.Ф. Джонс, Ф. Мэнвилл); *Суд и правосудие* (Л.А. Пальцева, А.М. Панокин, Т.В. Кудрявцева и В.К. Хрусталёв, Э.М. Харрис и Л. Рубинштейн); *Воспитание и образование* (В. Йегер, А.-И. Марру); *Праздники и празднества* (М.В. Скржинская, Л. Деубнер, К. Кереньи); *Физическая культура* (Б.А. Базунов, Ю.В. Шанин, М.А. Богданова, Э.Н. Гардинер, З. Папаконстантину); *Смерть и погребение* (С.И. Джонстон, К.С. Инвуд, Р. Гарланд, И. Моррис, Г. Холст-Уорхафт).

Отдельного внимания заслуживает многотомное исследование А.Ф. Лосева «История античной эстетики», затрагивающее всю совокупность выразительных отношений в жизни людей эпохи античности вообще и Древней Греции в частности. Повышенного внимания требуют также работы И.Е. Сурикова, которые посвящены как общему анализу Древней Греции в формате культурной целостности, так и конкретным аспектам: политическим, ментально-религиозным и литературно-историческим.

Однако репрезентативный аспект, связывающий артефактное разнообразие и целостное восприятие античности (основание для восприятия культуры как

модели⁹), остаётся недостаточно проработанным. Этот пробел должны восполнить исследования, сосредоточенные на интеллектуальной сфере древнегреческой цивилизации, её типах мышления¹⁰.

Сюда были введены, во-первых, работы тех авторов, которые занимались анализом древнегреческой мифологии, являющейся основанием античного религиозного воображения и мифологического сознания вообще: Ф.Ф. Зелинский, А.Ф. Лосев, А.И. Зайцев, Я.Э. Голосовкер, А.Б. Кук, В. Буркерт, В.Ф. Отто, К. Кереньи, М. Нильсон, П. Вен, Р. Хард, Э.Р. Доддс, У. Хансен, а также сопряжённые с ними ритуально-церемониальные и культово-мистические практики: В.С. Ленская, Ю.Н. Кузьмина, Б.Л. Богаевский, И.М. Камад, Р.Д. Вудард, Л.Б. Зайдман, Д. Райт, Э. Эйдиноу, Р. Митчелл-Бояск, Д. Ларсон, Г. Экрот.

Во-вторых, изыскания в области древнегреческой литературы, через которую происходит не только фиксация религиозных представлений (теопэтика), но также зарождение интеллектуальной культуры.

Сюда включаются, во-первых, работы, направленные на анализ *древнегреческой художественной литературы*, взятой с различных исследовательских аспектов: *Общих исторических тенденций* (Ф.Ф. Зелинский, А.Ф. Лосев, С.И. Радциг, И.М. Тронский, С.И. Соболевский, В.Г. Борухович, В.Я. Бахмутский, Ч.Р. Бей, Т. Уитмарш); *Элементов теории литературы: Поэтика* (С.С. Аверинцев, Т.Ф. Теперик, О.М. Фрейденберг, К. Кереньи, Дж. Укнер, С. Голдхилл, А. Газис и А. Готт); *Стиль* (С.В. Толстая-Меликова, А.И. Доватур, Н. Ворман); *Нарратив* (представлены серией сборников статей, которые посвящены различным темам нарративного исследования¹¹); *Тропы* (А. Новохатько); *Мотивы* (Н.Н. Казанский, Н.Р. Шопина, В.Г. Мостовая); *Образы* (С. Вудфорд, Л. Джулиани,

⁹ Мезянжинова А.В. К проблеме определения понятия «Модель культуры» // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. №3. С. 114-123.

¹⁰ Лосев. А.Ф. Типы античного мышления /Античность как тип культуры. М.: Наука, 1988. С. 78-104.

¹¹ Jong de I.J.F., Nünlist, R., Bowie, A. (eds.). *Narrators, Narratees, and Narratives in Ancient Greek Literature: Studies in Ancient Greek Narrative*. Vol. 1. BRILL, 2004. XV, 583 p; Boter G. J., Chaniotis A., Goleman K., Jong de I.J.F., Schrijvers P.H. (eds.). *Time in Ancient Greek Literature: Studies in Ancient Greek Narrative*. Vol. 2. BRILL, 2007. XI, 532 p; Boter G. J., Chaniotis A., Goleman K., Jong de I.J.F., Reinhardt T. (eds.). *Space in Ancient Greek Literature: Studies in Ancient Greek Narrative*. Vol. 3. BRILL, 2012. XIV, 610 p; Pieper C., Chaniotis A., Coleman K.M., Jong de I.J.F., Reinhardt T. (eds.). *Characterization in Ancient Greek Literature: Studies in Ancient Greek Narrative*. Vol. 4. BRILL, 2018. XIV, 705 p; Pieper C., Chaniotis A., Coleman K.M., Jong de I.J.F., Heller A., Reinhardt T. (eds.). *VOL. 5: Speech in Ancient Greek literature*. Vol. 5. BRILL, 2021. XI, 749 p.

А. Кампакоглу). Отдельного внимания заслуживают *жанры: Трагедия* (Ф. Ницше, С.К. Апт, В.Н. Ярхо, С. Голдхилл, Р. Скодел, Э. Холл, Н.С. Рабинович); *Комедия* (Ф.Ф. Зелинский, В.Н. Ярхо, К.П. Полонская, Г. Норвуд, А. Хьюз, М. Реверманн); *Лирика* (М.Л. Гаспаров, Р.Л. Фаулер, Б. Карри и Я. Резерфорд); *Басня* (М.Л. Гаспаров).

Во-вторых, исследования, раскрывающие, с одной стороны, *связь наследия греческих философов с мифопоэтическим творчеством*: Л. Бриссон, К. Рейнхардт, К. Морган, Р. Фаулер, К. Боттичи, К. Колоберт, О.М. Фрейденберг, А.А. Тахо-Годи и А.Ф. Лосев. Особенно важна в рамках данной группы работа О.В. Алиевой, демонстрирующая взаимосвязь между формой и содержанием философского текста античной эпохи.

С другой стороны, рассматривающие философию в качестве теологии: Ф.Б. Джевонс, С.Н. Трубецкой, Д.А. Хайланд, С. Броуди, Г.Р. Кароне, В. Йегер, Г.В. Хлебников, М.В. Грачев, С.Н. Нижников, Э. Эйдиноу, Дж. Киндт и Р. Осборн, а также авторы из сборника статей под редакцией В. Адлури.

Хотя ранее указанная сложность, связанная с целостным восприятием культуры, может быть разрешена через обращение к духовной сфере общества, большинство авторов подходят к этой перспективе довольно формально, ограничившись только констатацией наличия определённых культурных явлений, без исследования причин их генезиса. Это создаёт трудности в понимании взаимосвязи между человеком и культурой, которая не только придаёт социальной структуре историческую конкретность, но и продолжает воспроизводиться, но в снятом виде.

Указанная трудность в антропологическом контексте прорабатывается в исследованиях Ф.Х. Кессиди, которые направлены на демонстрацию общей линии развития античной интеллектуальной культуры, выразившейся в «...становлении греческой философии и её отделении от мифа, религии и художественного

творчества...»¹², а также Г.В. Драча, более тесно связавшего процесс генезиса античной философии с проблемой человека, – её конституирующего признака¹³.

Однако, авторы, имея собственные, отличные от наших исследовательские цели, не дают разрешения указанным сложностям. Обосновано это в том числе и выборкой материала, которая формирует основу их работы. Особенно важно это в контексте культуры греческой античности, где происходит переосмысление проблемного поля философии как постигнутой в мысли эпохи¹⁴. Это вынуждает обратиться к третьей группе исследований, которые посвящены, во-первых, личности Сократа: Ф. Ницше, Ф.Х. Кессиди, И.Е. Суриков, Г. Властос, Э. Готтлиб, Д. Смит и Т.С. Брикхаус. Во-вторых, различным аспектам *философско-литературного творчества Платона*: В. Виндельбанд, В.С. Соловьёв, В.Ф. Эрн, Ф.М. Корнфорд, Р.Д. Мор, С.П. Менн, А. Хейр, Л. Бриссон, А.А. Тахо-Годи и А.Ф. Лосев.

Авторы детально рассматривают Сократа и Платона, но их работы фокусируются на этих личностях, оставляя без внимания культурный контекст. Античная интеллектуальная культура предстаёт как разрыв между периодами «до Сократа» и «после Сократа». Чтобы устранить этот недостаток, нужно обратиться к теопозитике – методу анализа теологического дискурса, выраженного в поэтической форме обращения к божественному.

Идеи, оформляющие *теопозитические исследования*, составляют четвёртую группу, связанную со следующими авторами: С.Р. Хоппер, Д.Л. Миллер, А.Н. Уилдер, Р.А. Альвес, С. Холланд, Р. Фабер, К. Келлер, Дж.Д. Капуто, Ф.М. Гарнер, М.А. Мэй, Л.К. Киф-Перри, С.К. Краббе, Р.П. Соловий, А.А. Кириллов.

Теопозитика, разработанная для анализа христианского мышления, не может быть полностью применена в антиковедческих исследованиях. Однако, несмотря на её современное происхождение, ключевые принципы современной теопозитики

¹² Кессиди Ф.Х. От мифа к логосу (Становление греческой философии). М.: «Мысль», 1972. С. 3.

¹³ Драч Г.В. История античной философии и культуры: избранные труды. Том 1. / Часть 1. Рождение античной философии и начало антропологической проблематики. / РнД.; Таганрог: Изд. Юфу, 2023. С. 11.

¹⁴ Гегель Г.В.Ф. Сочинения. В 14 томах. Т.7. Философия права. Пер. Б.Г. Столпнера М., Л.: Государственное социально-экономическое издательство (Соцэкгиз), 1934. С. 16.

можно найти в античном мировоззрении, где она выполняла культурно-организующую и конструктивную функцию.

Объектом исследования выступает древнегреческая культура.

Предметом исследования является теопэтика как специфическая черта древнегреческой культуры, наиболее полно выраженная в творчестве Платона.

Цель исследования состоит в раскрытии античной теопэтики в качестве конструктивного элемента древнегреческой культуры.

Достижение поставленной цели предполагается через решение следующих **задач**:

1. Подвергнуть анализу исторически изменяющиеся видения «культуры» с целью формирования целостного представления о древнегреческой культуре как культурной модели, где теопэтика выступает в качестве конструктивного элемента.

2. Раскрыть особенности современной теопэтики как исследовательской стратегии посредством выделения и анализа организующих её методологических принципов.

3. Описать теопэтические основания древнегреческой культуры.

4. Проанализировать эстетические особенности и описательные возможности мифологического сюжета в диалогах Платона.

5. Рассмотреть феномен поэтического выражения в структуре платоновских диалогов.

6. Прояснить взаимосвязь между диалектикой и иронией в сократическом методе.

Гипотеза исследования такова: если рассматривать древнегреческую культуру как сложную и многослойную модель, то теопэтика, получившая наиболее полное своё выражение в творчестве Платона, может выступать в качестве источника репрезентации её ценностных оснований.

Теоретико-методологические основания исследования

Исследование культуры требует междисциплинарного подхода, так как термин «культура» многогранен и в рамках диссертации будет определяться как

способ организации социальной жизни людей («...любой аспект жизни, выходящий за пределы биологии»¹⁵, предполагающий усвоение форм поведения, что не передаются биологическим путём¹⁶), который объединяет «...мировоззрение, формы общественного сознания, базисные и надстроечные структуры, способы производства и т.д.»¹⁷. Данное понимание включает историческую конкретизацию представлений о культуре через характеристику анализируемой эпохи и её временных рамок (Древнегреческая культура ранней, средней и высокой классики¹⁸, заканчивающаяся (в силу ряда стилистических особенностей литературного наследия) Платоном¹⁹), а также подразумевает уточнение её терминологического содержания с целью проведения демаркации с понятием «цивилизация». Поскольку вопрос соотношения «культуры» и «цивилизации» является предметом отдельных полемик²⁰, в рамках исследования будет использоваться словосочетание «модель культуры» – разнообразно выраженное, но сложно структурированное единство функциональных (механизмы кодирования и передачи информации) и смысловых (целостные представления и образы) элементов культуры греческой античности.

Применение этого рабочего понятия требует анализа условий единства её элементов. Ответ на этот вопрос может дать теопэтика, понимаемая в широком смысле слова как поэтическое обращение к божественному, выражающее содержание религиозного (теопэтического) воображения в фиксированной форме, которое подразумевает ряд принципов:

Во-первых, акцент на поэтике как размышлении о природе создания и выражения смысла (К. Келлер).

Во-вторых, исторически заданная (А.А. Кириллов) полидискурсивность (Р. Фабер и Дж. Факенталь).

¹⁵ Паунтни Л. Антропология. Всё, что нужно знать о происхождении, становлении и развитии человека. М.: АСТ, 2025. С. 11.

¹⁶ Бенедикт Р. Модели культуры. М.: Изд.: «Альма Матер», 2024. С. 22.

¹⁷ Петров, М.К. Самосознание и научное творчество. РнД.: РГУ, 1992. С. 6.

¹⁸ Лосев А.Ф. История античной эстетики (в 8 томах). Т.3. Высокая классика. М.: АСТ; Х.: Фолио, 2000. С. 7.

¹⁹ Лосев А.Ф. История античной эстетики (в 8 томах). Т.4. Аристотель и поздняя классика. М.: АСТ; Х.: Фолио, 2000. С. 5-8.

²⁰ См. различные статьи в работе: Смирнов А.В., Касавина Н.А., Никольский С.А. (отв. ред. и сост.). Цивилизация: контрапункты теории. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2024. 404 с.

В-третьих, многообразие методов, которые с помощью различных выразительных средств (М.С. ЛоПрестли) организуют процесс (Л.К. Кииф-Перри) обращения к божественному (С.Р. Хоппер).

В-четвёртых, ориентация на религиозное воображение (Р. Кирни), обеспечивающая целостное восприятия реальности (М. Хейвуд).

В-пятых, полифонизм, подразумевающий множественность индивидуальных способов обращения к божественному (С. Лоран).

Данные принципы можно обнаружить и в античной культуре в качестве структурообразующих оснований древнегреческого мировоззрения. Мировоззрение там по сути своей является феноменальным (чувственно-воспринимаемым, где боги того времени ощущались как живые объекты), но по содержанию – ноуменальным (умозрительным)²¹. Наиболее отчётливо эта картина представлена в творчестве Платона. Обсуждаемые афинским философом темы, объединённые не только общим поиском универсальной истины в мире изменчивых частных, но также общей тенденцией развития интеллектуальной культуры (Ф.Х. Кессиди) и связанной с ней антропологической проблематикой (Г.В. Драч), дают материал для раскрытия античной теопэтики как конструктивного элемента античной культуры.

Таким образом, *теопэтика как феномен античной культуры, определяется* как структура, формирующая (А.Ф. Лосев) общественное сознание (К. Маркс) и включающая общеэллинские религиозные представления и разнообразные формы их культурной репрезентации. Эти элементы не только осознаются (В.И. Пантин), но и воспроизводятся человеком (В.Е. Давидович, Ю.А. Жданов). В условиях мифологического мировоззрения, где божественное проникает в повседневность, теопэтика играет ключевую роль в целостном восприятии античной культуры.

Переходя к формам, репрезентации античной теопэтики необходимо оговориться, что исследование будет сконцентрировано на интеллектуальной культуре, выраженное в письменной форме т.е. литературе, так как

---

²¹ В понимании определения данных понятий мы солидарны с И. Кантом. См: Кант И. Сочинения в шести томах. Т. 4. Ч. 1. Прологомены ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука. [Под общ. ред. В.Ф. Асмуса. А.В. Гулыги, Т.И. Ойзермана], М.: «Мысль», 1965. С. 134-137.

археологические артефакты не могут полноценно передать «эллинский дух». Их уникальность и историческая принадлежность эпохи задаётся предварительным восприятием Древней Греции как ценности. Качественная же характеристика археологических находок описываемой культурно-исторической общности характеризуется однородностью, как замечает М.К. Петров «...если попытаться построить модель античности по черепкам предметов материальной культуры, то такая модель ничем существенным не будет отличаться от черепковых моделей иных цивилизаций»²².

Таким образом, в исследовании акцент делается на литературной репрезентации интеллектуальной культуры через диалоги Платона. Мы придерживаемся атомистического подхода, рассматривая каждую диалогическую единицу как самостоятельное произведение. Это обусловлено малой продуктивностью эволюционного подхода²³ и дискретной представленностью творчества Платона. Такой подход снимает «проблему» Сократа, представляя его лишь ведущим персонажем в произведениях Платона.

В контексте диалогической представленности творчества Платона важную роль будут играть методы, которые относятся скорее к теории литературы, а не к академической философии. Это связано с широким содержанием понятия «поэтика», которое в рамках исследования будет пониматься как совокупность стилистических особенностей, определяющих эстетическое своеобразие, сюжетное повествование и жанровую характеристику произведений²⁴. В контексте теопэтики, это понятие может приобрести более широкое культурное значение.

Более всего это связано с повествовательно-фабульной и дискурсивно-выразительной составляющей анализа диалогов, в определении и взаимосвязи которых мы согласны с У. Эко²⁵, а в рамках исследования будем воспринимать через призму поэтики.

²² Петров М.К. Античная культура. М.: РОССПЭН, 1997. С. 12.

²³ Бугай Д.В. Платоновская концепция справедливости и её исторические предпосылки: автореферат дис. ... доктора философских наук: 09.00.03. Москва, 2019. С. 8.

²⁴ Тамарченко Н.Д. ПОЭТИКА / ПОЭТИКА: словарь актуальных терминов и понятий / Тамарченко Н.Д. (Глав. науч. ред.). М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. С. 182.

²⁵ Эко У. О зеркалах и другие истории. Между поэзией и прозой. Кн II. М.: Слово / Slovo, 2020. С. 226.

Таким образом, в диссертационном исследовании используются следующие методы и подходы:

Во-первых, культурно-исторический анализ, направленный на раскрытие ключевых диссертационных понятий и различных форм представления о божественном в Древней Греции.

Во-вторых, историко-философский подход, рассматривающий философию как часть интеллектуальной культуры.

В-третьих, сравнительно-исторический метод, позволяющий провести комплексный анализ элементов античной интеллектуальной культуры, выявить их специфические характеристики и условия, значимые для целостного восприятия исследуемой культурно-исторической общности.

В-четвёртых, феноменологический подход, который направлен на восприятия божественного через представленный в диалогах Платона человеческий опыт.

В-пятых, теопозитический метод, ориентированный на выявление структур религиозного воображения в контексте античной (древнегреческой) интеллектуальной традиции, основанный на культивировании поэтической чувствительности к божественному как к способу восприятия и выражения сакрального.

В-шестых, структуралистский подход, направленный на анализ повествовательной структуры и выразительных средств анализируемого материала с целью раскрытия неявных элементов поэтического творчества, таких, как ценностные установки, тематические аспекты и стилистические приёмы.

Научная новизна диссертационного исследования выражается в том, что в нём:

1. Конкретизировано представление об античной (древнегреческой) культуре как о сложной и многослойной модели, где теопозитика выступает в качестве конструктивного элемента.

2. Раскрыты общие методологические принципы современной теопэтики, неоднородно представленной в гуманитарной исследовательской среде.

3. Описаны особенности античной (древнегреческой) теопэтики и установлена её культурно-организационная роль.

4. Проведён анализ мифологических сюжетов в диалогах Платона и выявлен их эвристический потенциал в качестве одного из элементов теопэтики афинского философа.

5. Исследована связь между поэтической формой и философским содержанием диалогов Платона. Также было введено понятие «система беседы», которая отражает ценностную значимость содержащегося в произведениях афинского философа полифонизма – основы для теопэтики.

6. Прояснен культурно-репрезентативный потенциал сократического метода, посредством раскрытия взаимосвязи между его ключевыми элементами – диалектикой и иронией.

Положения, выносимые на защиту:

1. Античная (древнегреческая) культура – сложный феномен, требующий целостного осмысления. Понятие «модель культуры», объединяющее функциональный и смысловой уровни культуры, позволяет структурировать ключевые элементы описываемой культурно-исторической общности. В рамках этой модели важна теопэтика – поэтическое обращение к божественному, выраженное в мифах и литературе, где божественное и человеческое переплетаются, отражая гармоничное единство космоса. Такой подход позволяет сформировать целостное восприятие жизненного пространства древних греков.

2. Современная теопэтика – неоднородная междисциплинарная исследовательская стратегия, единство которой обусловлено рядом методологических принципов: акцентом на поэтике как способе выражения религиозных переживаний и смыслов, исторически заданной полидискурсивностью, разнообразия методов при обращении к божественному, ориентацией на анализ религиозного воображения и полифонизм.

3. В древнегреческой культуре существовал собственный, отличный от современной, феномен теопэтики, который можно определить, как структуру, оформляющую общественное сознание, в рамках которой божественное (возвышенное) было включено во все пласты обыденного восприятия. Она имела две ключевые особенности. Первая – поэтическая, связанная с представлением общественного бытия в литературном пространстве – основание для жанровой дифференциации интеллектуальной культуры. Вторая – функционально-организующая, где теопэтика – условие целостности культуры.

4. Мифологический сюжет, как способ обращения Платона к традиционным религиозным представлениям эпохи, в диалогах представлен двояко. Во-первых, критически, в связи с их переосмыслением для реализации поставленных в каждом диалоге задач. Во-вторых, нарративно-поэтически, в качестве способа выражения сложных идей. Выбор подхода зависит от представленных в диалогах собеседника и темы обсуждения.

5. Поэтическая форма философского творчества Платона – драматический диалог, не случайна. Выбор данной формы позволяет привлечь обычных людей к философскому поиску истины, помогая им высказывать важные общественные идеи. Это изменило подход к философскому исследованию, подчёркивая важность полифонизма при обсуждении возвышенных тем.

6. Сократический метод, воспринимаемый в качестве синонима философии Платона, не универсален. Он зависит от контекста диалога и включает диалектику и иронию. Диалектика, представленная в форме отдельного сюжета, выражает философские идеи, а ирония связывает их с повседневной жизнью. Объединяя философские рассуждения, ценностные убеждения и личностные переживания, данный метод демонстрирует глубокие религиозные основания творчества Платона.

Теоретическая и практическая значимость

В диссертации исследуется феномен античной теопэтики с особым вниманием к творчеству Платона. Важность темы обусловлена значимостью эллинского наследия для общеевропейского мировоззрения. Данный факт задаёт

новые перспективы анализа исторического развития современного интеллектуального поля в культурном контексте.

Ряд сформулированных в процессе исследования выводов может быть использован для разработки курсов, организации научных семинаров и разработки лекционных материалов по гуманитарным специальностям. Это может быть полезным для демонстрации сложности и неоднозначности развития общеевропейской духовной культуры.

Достоверность выводов исследования обусловлена разнообразными методами, которые соответствуют теме, цели и задачам диссертационной работы, а также опорой на глубокий анализ широкой выборки научной литературы.

Применение междисциплинарного подхода, включающего философский, исторический и культурологический анализ, служит дополнительным обоснованием достоверности исследования и способствует более глубокому пониманию теологических, эстетических и поэтических элементов в диалогах Платона. Критическое изучение первоисточников, также широкого сектора исследовательской литературы обеспечивает целостное представление о предметной области.

Апробация результатов исследования

По теме исследования опубликовано 7 работ (в том числе 2 статьи в изданиях из перечня ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ и 2 статьи в издании, входящем в международную наукометрическую базу данных Scopus).

Ключевые результаты исследования также были представлены на следующих научных конференциях:

1. Всероссийская научная конференция XXXVI Петровские чтения. «Феномен М.К. Петрова: современные образы философии, науки и "онаучённого" общества (к 100-летию со дня рождения учёного)». (Ростов-на-Дону. 26-28 апреля 2023 г.).

2. Всероссийская научная конференция XXXVII Петровские чтения «Философские проблемы «науки о культуре (к 50-летию создания "Язык, знак, культура" М.К. Петрова)». (Ростов-на-Дону. 8-9 апреля 2024 г.).

3. Всероссийская научная конференция с международным участием «История повседневности: человек в истории». (Москва. 12 апреля 2024 г.).

4. IX Международная научная конференция «Национальный миф в литературе и культуре: множественность репрезентаций». (Казань. 6-8 мая 2024 г.).

5. XI Всероссийская научная конференция «Культура отмены и социальный остракизм в истории и современности». (Екатеринбург 16-17 мая 2024 г.).

6. Всероссийская научная конференция «Европейский способ мысли и русская философия: "Гегель и русская мысль" (к 255-летию со дня рождения Г.В.Ф. Гегеля, 205-летию со дня рождения С.М. Соловьёва, 155-летию со дня рождения Н.О. Лосского)». (Ростов-на-Дону. 20-21 мая 2025 г.).

Апробация результатов исследования на научных конференциях и публикация в рецензируемых изданиях подтверждают их научную значимость и практическую ценность. Таким образом, данное исследование представляет собой значительный вклад в осмысление феномена античной теопэтики и его отражение в произведениях Платона.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности

Тема и содержание соответствуют научной специальности 5.7.8. Философская антропология, философия культуры (философские науки), в том числе следующим пунктам паспорта специальности: 37. Философия культуры в системе знания. Философия культуры и культурология. Методы философии культуры и культурологии. Соотношение и формы взаимодействия философии культуры и культурологии с другими научными дисциплинами; 50. Философия культуры и история культуры; 53. Античные культуры как базовая модель западной цивилизации.

Структура диссертации

Диссертация состоит из 212 страницы. Она включает Введение, две главы, каждая из которых разделена на три параграфа, Заключение и Список литературы. В списке 520 источников: 343 на русском языке и 177 на иностранных языках.

ГЛАВА 1. АНТИЧНАЯ КУЛЬТУРА И ТЕОПОЭТИКА

1.1. Древнегреческая античность как модель культуры: проблемное поле

Культура – феномен сложный как с точки зрения словоупотребления, так и в качестве исследовательского понятия или концепта. Если отвлечься от первого момента и сконцентрироваться на втором, теоретическом, то указанное понятие ориентировано на концептуализацию всего разнообразия социальных отношений как сложной системы²⁶ через раскрытие условий единства культуры, объяснение причин культурных трансформаций, обнаружение закономерностей культурного воспроизводства – т.е. через решение основных задач любых культурологических исследований²⁷.

Такое функциональное обращение к объекту исследования предполагает в качестве предмета рассмотрения – человека в культурно-историческом контексте. Формируемая в рамках такого обсуждения логика повествования, несмотря на выраженное антропологическое основание, никак не проясняет саму суть феномена «культуры». Подобного рода восприятие, предполагающее неявное утверждение метафизической ценности, не раскрывает нам самих механизмов формирования человека «общественного», но предполагает некоторую ответственность за осуществление данного процесса.

Высказанное критическое замечание относительно выстраиваемой ещё с введения линии актуальности не направлено на радикальное переосмысление функционирования культуры. В рамках исследования делается акцент на феномене «культурной идентичности», описание которого в пределах анализируемого исторического периода – греческой античности – предполагает вскрытие характеристик анализируемой культурно-исторической общности. Осуществить это возможно только через реконструкцию сложного по устройству²⁸ и

---

²⁶ Флиер А.Я. Культура общества как системный феномен // Вестник ЧГАКИ. 2015. №4 (44). С. 21.

²⁷ Драч Г.В. Штомпель О.М. Идея культурологии: традиция, наука, образование // Научная мысль Кавказа. 2009. №4. С. 7.

²⁸ Бетильмерзаева М.М. Сущность общественного сознания: становление смыслов // Общество: философия, история, культура. 2023. №7 (111). С. 15.

проблемного в рамках обсуждения²⁹ теоретического конструкта – общественного сознания. Будучи феноменом, содержание которого детерминировано «...культурно историческим опытом»³⁰, его анализ предполагает исследование общезначимых смыслов³¹, повествовательных дискурсов³², аксиологических допущений³³ и даже предметных форм³⁴ – атрибутов духовной культуры.

Конкретизация указанного пласта социальной действительности осуществляется посредством её переноса в поле исторического контекста. Уточняя представления о «духовности», переходим к истории идей, к интеллектуальной истории – важного, но вызывающего споры аспекта историко-философских исследований³⁵. Формируемая таким образом методология анализа понятия «культура» ориентирована на раскрытие особенностей архитектоники данного феномена. Органически объединяя в рамках своей универсальности³⁶ фундаментальные основания человеческого существования, выражаемого в социально-культурном³⁷, психологическом³⁸ и ценностно-смысловом³⁹ аспектах, исследуемое понятие не ограничивается сугубо рамками теоретического конструкта. Оно включает в себя более широкую сферу человеческих взаимоотношений. Область, где происходит не только самовоспроизводство социальных паттернов, но и наблюдаются сдвиги внутри самой культурной матрицы. Места, где область идеального и материального в единстве, выраженном

²⁹ Караева П.Т. Общественное сознание как объект социально-философского анализа. Автореферат дис. ... кандидата философских наук: 09.00.01. Черкесск, 2004. С. 4-5.

³⁰ Бетильмерзаева М.М. Сущность общественного сознания: становление смыслов // Общество: философия, история, культура. 2023. №7 (111). С. 15.

³¹ Кравец А.С. Соотношение личностных и общественных (общезначимых) смыслов // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. №2. С. 19.

³² Болотникова Е.Н. Дискурсивная формация в культуре: структура и содержание // Вестник СамГУ. 2006. №5-1. С. 29.

³³ Ракитянская А.И. Ценностные аспекты духовной культуры // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. 2022. №6. С. 169.

³⁴ Чижова И.А. Предметная форма духовной культуры. Автореферат дис. ... кандидата философских наук: 09.00.01. Нижний Новгород, 2010. С. 8-9.

³⁵ Власова О.А. Интеллектуальная история как поле методологического самосознания историков философии // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2020. №54. С. 107.

³⁶ Беломоева О.Г. Универсализм культуры. Автореферат дис. ... доктора культурологии: 24.00.01. Саранск, 2005. С. 9-10.

³⁷ Гафуров М.А. Человечность как социокультурное явление. Автореферат дис. ... кандидата философских наук: 09.00.01. Уфа, 2010. С. 6-7.

³⁸ Шувалов А.В. Методологические аспекты психологического человекознания // Национальный психологический журнал. 2014. №3 (15). С. 19.

³⁹ Почтарёва Е.Ю. Ценностно-смысловая сфера личности: сущность, детерминанты, механизмы развития // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. №4. С. 567.

в деятельности, сливаются, а категория «общественного сознания» расширяется до области «жизненного мира»⁴⁰ интересующей нас эпохи.

Иными словами, нас интересует не культура, понятая как совокупность функциональных структур, но культура как модель⁴¹: многогранная и сложноорганизованная целостность⁴², где внешний функциональный элемент является вторичным по отношению имплицитно присущему смысло-ценностному элементу, в целом отражающему феноменальную реальность⁴³. Второй элемент выступает в качестве основания для органического восприятия материального культурного разнообразия, задающего исторические рамки рассматриваемой модели. Указанное замечание подразумевает реконструкцию смыслового поля⁴⁴ эпохи, с которым соотносят и которое воспроизводят носители классического античного «цивилизационного языка».

Однако подобное размышление, будучи предвосхищением содержания всего параграфа, никак не раскрывает как суть «культуры» в формате феномена, так и «модель культуры» как понятия. А между тем определение данных понятий является проблемой. Неопределённость⁴⁵ и неоднозначность⁴⁶ представлений о культуре обусловлены её концептуальной нагруженностью⁴⁷, содержательной полифункциональностью⁴⁸ и исследовательской междисциплинарностью⁴⁹. Это предполагает множество подходов при использовании данного феномена в

⁴⁰ Паткуль А.Б (ред.). Феноменологическое понятие мира: коллективная монография / под ред. А.Б. Паткуля. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд-во РХГА, 2024. С. 31-32.

⁴¹ Месянжинова А.В. К проблеме определения понятия «Модель культуры» // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. №3. С. 114-123.

⁴² Драч Г.В. Просвещенческая модель культуры: уроки и предостережения // Научная мысль Кавказа. 2014. №2 (78). С. 5.

⁴³ Крёбер А. Избранное: Природа культуры. М.: РОССПЭН, 2004. С. 410.

⁴⁴ Караева П.Т. Общественное сознание как объект социально-философского анализа. Автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.02.19. Тверь, 2012. С. 9.

⁴⁵ Song S. «The Subject of Multiculturalism: Culture, Religion, Language, Ethnicity, Nationality, and Race?» / Zurn F (ed.). *New Waves in Political Philosophy*, Boudewijn de Bruin and Christopher. London: Palgrave Macmillan UK, 2009. P.177.

⁴⁶ Куссе Х., Чернявская В.Е. «Культура: объяснительные возможности понятия в дискурсивной лингвистике» // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2019. №3. С. 446.

⁴⁷ Казначеева Т.А. Основные концептуальные подходы к пониманию культуры в культурологии и межкультурной коммуникации // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2010. №3. С. 204.

⁴⁸ Жданов Ю.А. Проблемы теории и истории культуры / Жданов Ю.А., Давидович В.Е. *Сущность культуры*. 2-е изд., перераб. // отв. ред. Ю.Г. Волков. – Ростов н/ Д: Наука-пресс, 2005. С. 217.

⁴⁹ Жиленко М.Н. Междисциплинарность и системность как методологические основания в исследованиях культуры // Вестник славянских культур. 2020. №4. С. 101.

качестве выражения ценностных универсалий любой цивилизации⁵⁰.

Столь широкое и от того абстрактное очертание границ описываемого феномена ставит ряд проблем, которые являются определяющими в рамках философского осмысления культуры. Указанные обстоятельства создают основу для обращения к сфере гуманитарных исследований. В этой области обобщаются и концептуализируются различные аспекты общественной жизни, которые находят своё выражение как в связанных, но отличных от культуры понятиях, так и в уточняющих её. К первым относятся артефакты, социальные отношения и цивилизация, а ко вторым – теория культуры, культурология и философия культуры. Разработанные исследователями различные объяснительные модели дают свои интерпретации содержания данных терминов. Такая ситуация актуализирует обращение к истории, где анализируемый материал раскрывается во всей своей полноте.

Представления о культуре зародились давно. Уже в ранней античности, известной только через поэтическое творчество, можно найти первые попытки анализа, пусть и через призму мифологического мышления таких социальных явлений, как власть⁵¹, пение⁵², брак⁵³ и даже искусство гадания⁵⁴. В некотором смысле кульминацией такого осмысления социальной реальности является продемонстрированная Гесиодом идея пяти поколений – мифологический образ, что ещё ни раз встретится в античной литературной традиции⁵⁵. Поэт не только предлагает такое понимание истории, которое заключается в отдалении от «золотого века»⁵⁶, но и пытается объяснить причины такого упадка⁵⁷.

⁵⁰ Brown D. «Human Universals». McGraw-Hill Companies, Incorporated, 1991. 160 p.

⁵¹ Гомер. Одиссея / Гомер в переводе П.А. Шуйского // под общ. Ред. И.А. Летовой. 2-е изд., испр. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. С. 447.

⁵² Гомер. Илиада / Гомер в переводе П.А. Шуйского // под общ. Ред. И.А. Летовой. 2-е изд., испр. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. С. 46.

⁵³ Гомер. Одиссея / Гомер в переводе П.А. Шуйского // под общ. Ред. И.А. Летовой. 2-е изд., испр. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. С. 649.

⁵⁴ Гомер. Илиада / Гомер в переводе П.А. Шуйского // под общ. Ред. И.А. Летовой. 2-е изд., испр. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. С. 17.

⁵⁵ Рушкин И.П. Одно указание на распространенность мифа Гесиода о последовательных поколениях смертных // Проблемы истории, филологии, культуры. 2022. №1 (75). С. 186.

⁵⁶ Гесиод. Труды и дни / Полное собрание текстов // Вст. Ст. В.Н.Ярхо. Комм. О.П.Цыбенко и В.Н.Ярхо. Лабиринт, 2001. С. 54.

⁵⁷ Там же. С. 58.

В дальнейшем развитие представлений древних греков о том, что можно назвать «культурой», характеризовалось двумя созвучными тенденциями. Во-первых, акцентом на социальной структуре общества, в котором не только скрыт ритм человеческой жизни⁵⁸, но и общие этические регуляторы нравственной жизни народа – законы⁵⁹, направленные для установления всеобщего царства разума и порядка⁶⁰. Во-вторых, вниманием к вопросам образования, которое только при софистах приобрело более стандартизированную форму, именуемую пайдея⁶¹ и представляющую из себя, по замечанию А.-И. Марру, «...постепенный переход от культуры благородных воинов к культуре писцов»⁶². Эти две тенденции, получившие свою концептуализацию в творчестве Платона, с одной стороны, связывали идею блага с характеристикой человеческого поступка. С другой же стороны, допускали предположение о том, что для достижения достойной жизни можно и нужно организовать её в соответствии с божественными законами⁶³, что нашло своё отражение и в жизни⁶⁴, и в произведениях зрелого Платона: «Государство», «Политик» и «Законы».

Аристотель, развивая идеи своих предшественников, перевёл социальные проблемы на логоцентричный язык, разделив их на области, соответствующие различным наукам: воспитание стало частью этики и риторики, государственное устройство — политики, а организация хозяйства – экономики. Тем не менее, культура продолжала оставаться неотъемлемой частью общественной жизни.

В дальнейшем при обращении к явлениям социальным уже невозможно будет обойти заданное Стагиритом деление. Представление же о культуре всё также остаётся растворено в различных аспектах наличной общественной

⁵⁸ Античная лирика / Пер. с древнегреч. П. Латинского. Вст. Ст. С.Шервипского. Сост. и Прим. С Апт и Ю. Шульц // М.: Художественная литература, 1968. С. 118.

⁵⁹ Там же. С. 132-133.

⁶⁰ Там же. С. 133.

⁶¹ Йегер В. Пайдейя. Воспитание античного грека. Том 1. / Пер. с нем. А. И. Любжина / М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2001. С. 354.

⁶² Марру А.И. История воспитания в античности. Пер. с франц. А. И. Любжина, М. А. Сокольской, А. В. Пахомовой. М.: «Греко-латинский кабинет» Ю.А.Шичалина, 1998. С. 12

⁶³ Платон. Сочинения в трех томах (четырёх книгах). Под общ. ред. Лосева А.Ф., Асмуса В.Ф. / Пер. с дре. греч. / Т. 3, Ч. 1. М.: «Мысль», 1971. С. 465.

⁶⁴ Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. / Пер. М. Л. Гаспарова. М.: Мысль. 1979. С. 156.

действительности, которая объясняется либо через идею географического детерминизма как у Полибия – «...природные свойства всех народов неизбежно складываются в зависимости от климата»⁶⁵, либо через идеи прогресса в стиле Демокрита как у Тита Лукреция Кара⁶⁶. Особенно ярко данные идеи находят своё выражение в тексте Гая Юлия Цезаря «О гальской войне». В отрывке 1.1.3, описывая воинственность племени белгов, римский политик видит её основание в географической отдалённости от культурной (*cultu*) и просвещённой жизни (*humanitate*). Причина же такого превосходства описываемой общности над остальными выводится из неизнеженного характера членов племени (*ad effeminandos ánimos*), выраженного в их храбрости⁶⁷. Несмотря на то, что интерпретация текста осложнена инвариантностью понимания ряда моментов⁶⁸, важным остаётся тот факт, что понятия «*cultus*» и «*humanitas*» не только стоят рядом, но используются как самостоятельные лексические единицы, тем самым подтверждая особенность восприятия области социального.

Подобное отношение в рамках мифологически заданной картины мира⁶⁹, где причинно-следованное объяснение часто вытесняется смысло-ценностным, а генезис явления регулируется этическими постулатами, формируя эстетический и разумный порядок вещей⁷⁰, не даёт оснований для восприятия культуры как чего-то самодостаточного. В силу своей растворённости в социальной структуре, органически единой с человеческой природой, феномен культуры не может быть абстрагирован от целой и многоаспектной сферы общественных отношений.

Однако фундаментальность философского поиска и его антропологическая основа, породила необходимость в новом символическом языке, способном на

⁶⁵ Полибий. Всеобщая история в сорока книгах. Т. I. (Кн. I-V). Пер. с Греч. Ф.Г. Мищенко. СПб., 2005. С. 363.

⁶⁶ Клейн Л.С. История антропологических учений / под ред. Л.Б. Вишняцкого. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2014. С. 34.

⁶⁷ Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о Галльской войне, о Гражданской войне, об Александрийской войне, об Африканской войне / Пер. М.М. Покровского. (Серия «Литературные памятники») М.-Л., Изд-во АН СССР. 1948. С. 7.

⁶⁸ Голикова М.С. Что способствует изнеженности души? К вопросу об интерпретации фрагмента «*ea quae ad effeminandos animos pertinent*» (Цезарь. Записки о галльской войне 1.1.3) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. №9 (864). 136-142 с.

⁶⁹ Аверинцев С.С. Идеи эстетического воспитания. Античность (Вступительная статья) / Аверинцев С.С. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 1. Античность. М.: Изд-во ПСТГУ, 2024. С. 709.

⁷⁰ Тихонов А.В., Французов Р.И. Постановка проблемы о понимании божественного у Платона // Scholae, СХОЛЭ. 2023. №1. С. 223.

более полное отражение предельных характеристик человеческого существа. Тут и происходит рождение культуры. Вырвавшись из земледельческого дискурса, в качестве метафоры Цицерона, но пока предиката философии, культура оказалась неразрывно связана с представлением о человеке, его душе и её возвращении⁷¹.

В эпоху средневековья существовал свой контекст понимания культуры. Связано это с особенностью доминирующей в то время европейской мировоззренческой парадигмы, которую условно можно назвать теоцентризмом⁷². Данный аспект задаёт определённое восприятие людьми социальной действительности, которая выражается в том, что этот процесс направлен не на познание объектов, «...как они есть сами по себе, но на активное причащение их сверхсущему... Смысл причащающего разума был в актуализации ничтожности самобытия; в актуализации сверхсущего бытия...»⁷³ Описанная самобытность не ограничивалась сугубо областью духовной. Она также была актуальна для области практических отношений, в рамках которых, по замечанию М.К. Петрова – «профессиональное рабство олимпийского ритуала переходит в универсальное рабство»⁷⁴.

Совокупность описанных черт накладывает ряд ограничений на обсуждение культуры. Из этого не следует, что в средние века не было культурных явлений в силу темноты данной эпохи, но предполагается то, что «в период Средневековья понятия культуры как особого мира, создаваемого человеком, не существовало...»⁷⁵ Прямую причину этому можно найти у Амвросия Медиоланского, указавшего, что «...сие – деяния врага рода человеческого, ибо он всегда удерживает души на низменной земле...»⁷⁶, поэтому «...обычай и культура

⁷¹ Цицерон Марк Туллий. О природе богов. Тускуланские беседы. Речи /Пре. с лат. С. Блажеевского, М. Гаспарова, В. Горенштейна. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. С. 196.

⁷² Яворский Д.Р. Символическая репрезентация социокультурной целостности в средневековом теоцентризме // Известия ВГПУ. 2007. №3. С.55.

⁷³ Библер В.С. От наукоучения – к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век. М.: Политиздат, 1990. С. 5.

⁷⁴ Петров М.К. Античная культура. М.: РОССПЭН, 1997. С. 46.

⁷⁵ Виравчева В.А. Особенности смыслового понимания культуры в европейской философской мысли Средневековья и Возрождения // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2021. №3. С. 22.

⁷⁶ Антология средневековой мысли (Теология и философия европейского Средневековья): в 2 т. Т. 2 / под ред. С.С. Неретиной; сост. С.С. Неретиной, Л.В. Бурлака. СПб.: РХГИ, 2002. С. 538.

порождают гибель... ибо не от Бога, а от людей...»⁷⁷ Косвенное же подтверждение можно обнаружить в том, что ни в одной из доступных нам средневековых энциклопедий нет указанного понятия. Ни в «О бракосочетании Филологии и Меркурия» Марциана Капеллы, ни в «Институциях» Кассиодора, ни в «Этимологиях» Исидора Севильского. В результате процесса культурного выравнивания⁷⁸, средневековые интеллектуалы унаследовали от античности соответствующую форму изложения материала⁷⁹, где для обсуждаемой языковой единицы осталось крайне скромное место. Либо в качестве составной части «agriculture»⁸⁰, либо заменяли его родственным словом в ряде тематически сходных словосочетаний «religionis cultu»⁸¹ и «cultus Dei»⁸², либо полностью растворили в оформленном Марцианом Капеллой⁸³ круге дисциплин «Septem Artes Liberales». Только у П. Абеляра вновь встречается аллегорическое использование культуры (divina cultura), связанное с человеческой душой. Место, «...с которого Бог начинает нас совершенствовать»⁸⁴.

Не наблюдается распространения данного термина и в эпоху Возрождения. Хотя мировоззренческие акценты смещаются, и человек, будучи тварью, понимается ещё и как творец⁸⁵, считается, что такого состояния необходимо ещё достичь. Будучи, как подчёркивается в «манифесте гуманизма»⁸⁶, «...истолкователем природы в силу пронизательности ума, ясности мышления и

⁷⁷ Там же. С. 539.

⁷⁸ Бершин В. Греко-латинское Средневековье: от блаженного Иеронима до Николая Кузанского / Пер. А. Виноградова. М.: АСТ, 2024. С. 12.

⁷⁹ Lindberg D.C. The beginnings of western science: the European scientific tradition in philosophical, religious, and institutional context, prehistory to A.D. 1450. The University of Chicago Press, 2007. P. 137-144.

⁸⁰ Добиаш-Рождественской О.А., Бурский М.И (ред.). Агрικультура в памятниках Западного средневековья: [сборник статей] / пер. и ком. под ред. проф. О.А. Добиаш-Рождественской и проф. М.И. Бурского. Москва; Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1936 (2 тип. Изд-ва Леноблисполкома и Совета). XII, 364 с.

⁸¹ Августин Аврелий. О граде Божьем. Кн. I: [комплект из 2 кн.]. М.: Изд. «Омега-Л», 2022. С. 450.

⁸² Фома Аквинский. Сумма теологии. Т.IV. Первая Часть Второй Части. Вопросы 68-114 Под ред. проф. д.ф.н. Н. Лобковица, к.ф.н. А.В. Апполонова пер. к.ф.н. А.В. Апполонова М: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. С. 376.

⁸³ Шахов Ю.А. Марциан Капелла и его произведения. / Капелла М. Бракосочетание Филологии и Меркурия. / М.: СПб.: Центр гуманитарных инициатив, Петроглиф, 2019. С. 7.

⁸⁴ Абеляр П. Теологические трактаты. М.: Прогресс, Гнозис, 1995. С. 331.

⁸⁵ Мирандола де. Дж.П. Речь о достоинстве человека / В.П. Шестаков (сост.). Эстетика Ренессанса [2 тома]. Т. 1 // М., 1981. С. 249.

⁸⁶ Kirk R. Introduction / Giovanni Pico della Mirandola. ORATION ON THE DIGNITY OF MAN. Translated by A. Robert Caponigri. Introduction by Russell Kirk. Chicago: Gateway Editions: Distributed by Regnery Co., 1956. P. XIII.

пытливости интеллекта...»⁸⁷, человек нуждается в правильном образовании⁸⁸, уяснении гуманитарного цикла (тривиум) семи свободных искусств, получившего название *Studia humanitatis*⁸⁹.

Данная совокупность убеждений и формируемая на их основе педагогическая деятельность задали несколько тенденций в интеллектуальной среде Возрождения. Во-первых, несмотря на неоднозначность в понимании *Studia humanitatis*⁹⁰, возрастает частота упоминания существительных *hūmānus* и *humanitas* в работах описываемой эпохи⁹¹. Во-вторых, изменяется отношение к искусству. Дж Вазари, создаёт новый тип литературы⁹², где идея воскресения и улучшения наследия древности⁹³ сочетается с опытом «...концептуального закрепления искусства в научной литературной традиции...»⁹⁴

Тем не менее, понятие «культура» отсутствует. Только с наступлением периода разложения Ренессанса, предвестника новых форм художественного и теоретического постижения мира⁹⁵, представления о культуре начинают приобретать категориальную форму. Наиболее отчётливо эта склонность проявляется в творчестве Ф. Бэкона. В своём критическом осмыслении античного наследия⁹⁶ зачинатель эмпиризма констатирует различие между природой и культурой⁹⁷, связывая последнюю с образовательной и воспитательной обработкой личности⁹⁸. Английский философ считает, что такое влияние необходимо для раскрытия человеческого потенциала⁹⁹ в процессе противоречивого утверждения

⁸⁷ Мирандола де. Дж.П. Речь о достоинстве человека / В.П. Шестаков (сост.). Эстетика Ренессанса [2 тома]. Т. 1 // М., 1981. С. 248.

⁸⁸ Фичино М.О платоническом понимании природы философа, его воспитания и образа жизни / Пер с лат. и комм. И.Г. Гурьянова // Антология педагогического наследия Средних веков, Возрождения и Реформации / под ред. В.Г. Безрогова, В.В. Рыбакова. М.: ООО «Русское слово – учебник», 2021. С. 355.

⁸⁹ Kristeller P.O. Renaissance thought II: papers on humanism and the arts. New York: Harper & Row. 1965. P. 178.

⁹⁰ Kohl. B.G. The changing concept of the "studia humanitatis" in the early Renaissance. Renaissance Studies. V. 6, №. 2, 1992. 185-202 pp.

⁹¹ Только в одной речи Петрарки «Collatio laureationis» встречается три производных от данных понятий.

⁹² Яковлева Н.С. Влияние гуманистических идей на Джорджо Вазари – историка и теоретика искусства // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. №67. С. 325.

⁹³ Визари Д. Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих. Полное издание в одном томе /Пер. с. Итал. М.: АЛЬФА-КНГА», 2008. С. 5.

⁹⁴ Яковлева Н.С. Теоретические идеи Джорджо Вазари в контексте научного знания XVI века. Автореферат дис. ... кандидата искусствоведения: 17.00.09. Санкт-Петербург, 2012. С. 4.

⁹⁵ Лосев А.Ф. Эстетика Вырождения. М.: Академический проект; Культура, 2017. С. 451.

⁹⁶ Там же. С. 435.

⁹⁷ Бэкон Ф. О достоинстве и приумножении наук / Сочинения. В 2-х томах. Т.1. М.: Мысль, 1977. С. 186.

⁹⁸ Там же. С. 420.

⁹⁹ Там же. С. 383.

цивилизации¹⁰⁰, выражаемой в установлении нравственной¹⁰¹ и законной гражданской жизни¹⁰².

Таким образом, эпоха позднего Возрождения выступает связующим звеном между античным (*kalokagathos*) и средневековым (*Imago Dei*) идеалами человека в его взаимосвязи с обществом. Воспринятое в рамках зарождающегося новоевропейского интеллектуального поля¹⁰³, содержание понятия «культура» выражает раскрытие отличной от природы сущности человека, а также идею того, что осознание историчности любой социальной структуры будет выступать основанием для различных объяснительных теорий и описательных моделей цивилизационного процесса¹⁰⁴.

Новое время актуализирует собственный исследовательский интерес к различным формам социальной организации. В.К. Никольский указывает, что «...эпоха географических открытий, а также эпоха Просвещения... оставили глубокий след в исследовании доисторической культуры»¹⁰⁵. За XVI-XVII века накопилось множество свидетельств о носителях иных форм социальной жизни. Было получено большое количество артефактов, необходимость в систематизации, классификации и сопоставлении которых становится отправной точкой критического подхода к культуре.

В XVIII веке зарождается первый исследовательский метод (сравнительный) и историческая интерпретация его результатов¹⁰⁶, возникает¹⁰⁷ и вводится в академический дискурс¹⁰⁸ понятие «этнография», организуются научные

¹⁰⁰ Бэкон Ф. О мудрости древних / Сочинения. В 2-х томах. Т.П.М.: Мысль, 1978. С. 287.

¹⁰¹ Бэкон Ф. О достоинстве и приумножении наук / Сочинения. В 2-х томах. Т.І. М.: Мысль, 1977. С. 97.

¹⁰² Там же. С. 95.

¹⁰³ Harris M. The rise of anthropological theory: a history of theories of culture. New York: Thomas Y. Crowell, 1968. P. 10-11.

¹⁰⁴ Велижев М.Б. Цивилизация, или Война миров. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2022. С. 28.

¹⁰⁵ Никольский В.К. Начатки науки о первобытном обществе и его культуре / Тэйлор Э. Первобытная культура: в 2 кн. Кн. 1 // Пер. с. англ. Вступ. с. В. Никольского. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2009. С.11.

¹⁰⁶ Клейн Л.С. История антропологических учений / под ред, Л.Б. Вишняцкого. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2014. С. 107.

¹⁰⁷ Фермёлен Х.Ф. Герард Фридрих Миллер и становление этнографии в Сибири // Этнография. 2018. №1. С. 41.

¹⁰⁸ Vermeulen H.F. Early History of Ethnography and Ethnology in the German Enlightenment, 2008. Leiden. P. 199-202.

экспедиции¹⁰⁹, а также появляются первые этнографические альбомы¹¹⁰. Это период, где, по мнению ряда исследователей¹¹¹, происходит окончательное формирование представления о культуре. Отличительной чертой анализируемых в данной работе интеллектуальных изысканий является их обращённость к человеческой истории, понимание которой не ограничивается более объединёнными эсхатологическим восприятием будущего повествованиями о государствах, народах и их правителях. Исток такого интереса нужно искать в разработке идеи «естественного состояния» и возникшей вокруг неё полемики¹¹², поскольку уже С. фон Пуфендорф, предлагая трактовку указанного понятия, говорит о «человечестве в целом»¹¹³.

История, таким образом, переосмысливается и начинает восприниматься как самостоятельная и целокупная область мирового жизненного пространства с собственными законами и характеристиками. Подвергается философскому обобщению, становясь материалом для разработки идей всеобщей истории и цивилизации.

Переходной фигурой между «старым» и «новым» подходами является Ж.-Б. Бюссиэ. В труде «Рассуждение о всеобщей истории», несмотря на то, что автор предлагает последнее чисто теологическое понимание исторического процесса¹¹⁴, связанное с «тайными указами Божественного Провиденья»¹¹⁵, можно найти ряд важных для Просвещения идей. Во-первых, в мире с течением времени происходят изменения¹¹⁶, которые необходимо учитывать. Во-вторых, важность фиксации указанных изменений обосновывается тем, что все «...человеческие дела связаны

¹⁰⁹ Например, экспедиция Д.Г. Мессершмидта в Сибирь 1719-1726 и Вторая Камчатская экспедиция 1733-1743.

¹¹⁰ Knight N., Kasinec E. Faces of Russia's Empire. The Bergholtz collection of ethnographic images from the early 18th century. *Baltic Worlds BW* 2021:1-2, 2021. P. 92-93.

¹¹¹ Будагов Р.А. История слов в истории общества. М., „Просвещение“, 1971. С. 108; Клейн Л.С. История антропологических учений / под ред. Л.Б. Вишняцкого. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2014. С. 101; Kroeber A.L., Kluckhohn C. Culture; a critical review of concepts and definitions. Cambridge, Mass., The Museum, 1952. P. 145.

¹¹² Субботина Н.Д. Проблема «Естественного состояния» в истории философии // Вестник ТГУ. 2009. №10. 321-326 с.

¹¹³ Pufendorf S.F von. Samuel Pufendorf 's On the natural state of men: the 1678 Latin edition and English translation. Lewiston, N.Y.: E. Mellen Press, 1990. P. 114.

¹¹⁴ Кассирер Э. Философия Просвещения / Пер. с нем. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. С. 230.

¹¹⁵ Bossuet J.B. Discourse on universal history. Chicago: University of Chicago Press, 1976. P. 376.

¹¹⁶ Там же. P. 3.

воедино»¹¹⁷ идеей универсального понимания истории¹¹⁸. В-третьих, изменения носят причинно-следственный характер¹¹⁹, демонстрация которых и становится условием «...отчётливого представления... всего хода веков»¹²⁰.

Призыв к научно-философскому осмыслению истории впервые появляется в труде Дж. Вико «Основание науки об общей природе нации». Считая, что цель разрабатываемой науки должна состоять в поиске оснований достоверных событий¹²¹ Всеобщей истории¹²², автор предлагает органически целостный¹²³, характеризующий циклической закономерностью¹²⁴ образ. Описываемая органичность складывается из различных Наций (культурно-исторических целостностей), которые характеризуются индивидуальным цивилизационным (благонравным)¹²⁵ развитием, определяемым временем и местом¹²⁶. Данным образованиям присущ имманентный закон развития, связанный с Божественным Провидением¹²⁷ и отражённый в возникающем «...порядке вещей человеческих»¹²⁸. Единство исторического движения от звериного состояния к общественному¹²⁹, выражаемому в том числе в истории идей, деяний и обычаев¹³⁰, подразумевает особое понимание «культуры». Воспринятое достаточно натуралистически¹³¹ данное понятие, во-первых, определяется как подчинение некоторому, организующему общность порядку. Во-вторых, характеризуется уже внутренне присущим каждой нации духом, который даёт «...форму и жизнь... Миру нации»¹³².

В дальнейшем ряд идей, высказанных итальянским интеллектуалом, будут

---

¹¹⁷ Bossuet J.B. Discourse on universal history. Chicago: University of Chicago Press, 1976. P. 6.

¹¹⁸ Там же. P. 4.

¹¹⁹ Там же. P. 376.

¹²⁰ Там же. P. 4.

¹²¹ Вико. Дж. Основания новой науки об общей природе наций. М., Киев, 1994. С. 72.

¹²² Там же. С. 143.

¹²³ Hamilton P. Knowledge and social structure: an introduction to the classical argument in the sociology of knowledge. By Peter Hamilton. Boston: Routledge & Kegan Paul, 1974. P. 5.

¹²⁴ Вико. Дж. Основания новой науки об общей природе наций. М., Киев, 1994. С. 31-34.

¹²⁵ Там же. С. 344.

¹²⁶ Там же. С. 109.

¹²⁷ Там же. С. 83.

¹²⁸ Там же. С. 298.

¹²⁹ Там же. С. 225.

¹³⁰ Там же. С. 127.

¹³¹ Hamilton P. Knowledge and social structure: an introduction to the classical argument in the sociology of knowledge. By Peter Hamilton. Boston: Routledge & Kegan Paul, 1974. P. 5.

¹³² Вико. Дж. Основания новой науки об общей природе наций. М., Киев, 1994. С. 378.

разрабатываться деятелями уже Эпохи Просвещения. Так Ш.Л. д. Монтескье, говоря о различных народах, размышляет о духе законов, сквозь климато-географическую¹³³ и цивилизационные призмы¹³⁴, вводит понятие «дух народа»¹³⁵. И.И. Винкельман видит в качестве основы всего культурно-исторического процесса¹³⁶ различных народов историю созданных ими форм искусства и стилей¹³⁷. Вольтер в «Очерке всеобщей истории, нравов и духа народов», призывая обратить внимания на изменения, которые произошли в мире¹³⁸, указывает на историчность различных явлений культуры¹³⁹. Развивая эту мысль, французский философ обращает внимание на иные народы¹⁴⁰, замечая схожесть культурных изменений и объясняя их единством природы¹⁴¹ и всеобщностью человеческого разума¹⁴².

Важным моментом в истории культуры является работа А.Р.Ж. Тюрго «Рассуждение о всеобщей истории (план двух рассуждений)». Автор не только задаёт, не используя соответствующего понятия, близкого для антропологии понимания культуры («...сокровище знаков, которое он [человек – прим. Р.Ф.] сумел приумножить почти до бесконечности, он может обеспечивать себе обладание всеми приобретёнными идеями, сообщать их другими людям...»¹⁴³), объединяя его с идеями всеобщей истории и прогресса, но также является предшественником зачинателей (А. Фергюсона, Дж. Милларда¹⁴⁴ и Ж.А.К. д. Кондорсе¹⁴⁵) социального эволюционизма.

Окончательно термин «культура» во всей своей многогранности получает

¹³³ Монтескье Ш.Л. О духе законов. М.: Мысль, 1999. С. 198-240.

¹³⁴ Там же. С. 295.

¹³⁵ Там же. С. 260.

¹³⁶ Бабанов И.Е. Очерк жизни и творчества Винкельмана / Винкельман И.И. История искусства древности. Малые сочинения // Изд. подготовил И.Е. Бабанов. СПб.: Алетейя, Государственный Эрмитаж, 2000. С. 484.

¹³⁷ Там же. С. 55-57.

¹³⁸ Voltaire. Essai sur les mœurs, / Œuvres complètes de Voltaire. Texte établi par Louis Moland. Garnier, 1883. / V. 11. Garnier, 1878. P. 3.

¹³⁹ Там же. Pp. 12-16.

¹⁴⁰ Там же. P. 158.

¹⁴¹ Там же. P. 16.

¹⁴² Там же. P. 23.

¹⁴³ Тюрго А.-Р.-Ж. Избранные философские произведения. Пер. с франц. И.А.Шапиро. М.: государственное социально-экономическое издательство, 1937. С. 78.

¹⁴⁴ Harris M. The rise of anthropological theory: a history of theories of culture. New York: Thomas Y. Crowell, 1968. P. 29-33.

¹⁴⁵ Клейн Л.С. История антропологических учений / под ред. Л.Б. Вишняцкого. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2014. С. 100.

оформление в труде Й.К. Аделунга «История культуры человеческого рода». Немецкий исследователь, давая философски обобщённое определение обсуждаемому термину «...это переход из более чувственного и животного состояния в тесные переплетения общественной жизни»¹⁴⁶, фактически переворачивает её отношение с всеобщей историей, утверждая, что «...история культуры должна иметь приоритет над так называемой универсальной историей; или, лучше сказать, последняя должна быть ничем иным, как тщательной историей культуры»¹⁴⁷. Этот смысловой переворот, который также связан с перечислением существенных характеристик культуры¹⁴⁸, задаёт иную линию концептуализации данного понятия, которая связана с философией немецкой классики.

И. Кант видел в культуре основание гражданской жизни¹⁴⁹. Человек же просвещённый, как субъект такой формы социальных отношений, пользующийся своим разумом¹⁵⁰ и умеющий не только ставить цели, но и использовать природу для их достижения¹⁵¹, являлся для немецкого философа квинтэссенцией и априорным основанием культурности.

Ученик И. Канта¹⁵² И.Г. Гердер, предшественник немецких романтических представлений об обществе¹⁵³, высказывая скептицизм в отношении европоцентристского понимания культуры¹⁵⁴, считал, что каждому народу свойственна та или иная культура, поскольку сама суть данного явления заключается в «...в образовании человека... традиции воспитания, ведущей к какой-нибудь определённой форме человеческого благополучия и образа

¹⁴⁶ Adeling J.C. Vorrede / Adeling J. C. Versuch einer Geschichte der Cultur des menschlichen Geschlechts. Von dem Verfasser des Begriffs menschlicher Fertigkeiten und Kenntnisse. Leipzig 1782. Digitale Edition von Jochen A. Bär. Vechta 2014. S. VI.

¹⁴⁷ Там же.

¹⁴⁸ Там же. S. XII-XIV.

¹⁴⁹ Кант И. Сочинения в шести томах. Т. 5. [Под общ. ред. В.Ф. Асмуса. А.В. Гулыги, Т.И. Ойзермана], М., изд-во «Мысль», 1966. С. 465-466.

¹⁵⁰ Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. В 4 томах. Том 1: Трактаты и статьи (1784 – 1796). М.: Издательская Фирма АО «Ками», 1993. С. 126.

¹⁵¹ Кант И. Сочинения в шести томах. Т. 5. [Под общ. ред. В.Ф. Асмуса. А.В. Гулыги, Т.И. Ойзермана], М., изд-во «Мысль», 1966. С. 464-465.

¹⁵² Jacob M.C. The Secular Enlightenment. Princeton: Princeton University Press 2019. P. 193.

¹⁵³ Гайм Р. Романтическая школа. Вклад в историю немецкого ума. Спб.: Наука, 2006. С. 15.

¹⁵⁴ Гердер И.Г. Идеи о философии истории человечества / Избранные сочинения Составитель В.М. Жирмунский. / Пер. Л.Ю. Виндта. // М.-Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. С. 244.

жизни»¹⁵⁵. Формируемый немецким исследователем образ мира, объединяющий и всеобщность человеческой культуры, и её конкретные формы, выражается в «...общей картине народов, заключающей в себе бесконечное множество оттенков, которые меняются в зависимости от времени и места»¹⁵⁶.

Философская система Г.В.Ф. Гегеля, будучи вершиной немецкой классики, объединяет во едино идею мирового развития, истории и культуры через понятия самопознающего себя духа¹⁵⁷. Идя от абсолютного бытия к абсолютной идее, от субстанции к субъекту¹⁵⁸, отчуждаясь через природу (инобытие)¹⁵⁹ и возвращаясь к себе через человека и историю¹⁶⁰, дух, раскрывается в различных культурно-исторических формах, становится логико-онтологическим основанием и условием культуры, которая понимается как «...имманентный момент абсолютного и обладает своей бесконечной ценностью»¹⁶¹.

Описанный универсализм произведёт и окажет влияние на последующие поколения европейских мыслителей. Наиболее повлиявший на традицию российских исследований К. Маркс, хотя и считал, что его метод радикально противоположен гегелевскому, опирался на ряд теоретических разработок системы абсолютного идеализма¹⁶². Стремясь к уничтожению отчуждения¹⁶³, но уже не в контексте движения абсолютного духа, а человеческого общества, где сама суть человека понимается, как «...совокупность всех общественных отношений»¹⁶⁴, основатели марксизма попытались дать материалистическое объяснение

---

¹⁵⁵ Там же. С. 245.

¹⁵⁶ Там же. С. 244.

¹⁵⁷ Гегель Г.В.Ф. Сочинения. В 14 томах. Т.4. Система наук. Часть первая. Феноменология духа. Пер. Г. Шпета. М.: Изд. социально-экономической литературы (Соцэкгиз), 1959. С. 368.

¹⁵⁸ Там же. С. 9.

¹⁵⁹ Гегель Г.В.Ф. Сочинения. В 14 томах. Т.2. Энциклопедия философских наук. Часть вторая. Философия природы. М.: Изд. социально-экономической литературы (Соцэкгиз), 1934. С. 20.

¹⁶⁰ Гегель Г.В.Ф. Сочинения. В 14 томах. Т.3. Энциклопедия философских наук. Часть третья. Философия духа. Пер. Б.А. Фохта. М.: Государственное издательство политической литературы, 1956. С. 32-33.

¹⁶¹ Гегель Г.В.Ф. Сочинения. В 14 томах. Т.7. Философия права. Пер. Б.Г. Столпнера М., Л.: Государственное социально-экономическое издательство (Соцэкгиз), 1934. С. 216.

¹⁶² Маркс К., Энгельс Ф. Капитал: Критика политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения в 50 т. Т.23 2-е изд. М.: Политиздат, 1960. С. 21-22.

¹⁶³ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения в 50 т. Т.3. 2-е изд. М.: Политиздат, 1955. С. 32-33.

¹⁶⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения в 50 т. Т.3. 2-е изд. М.: Политиздат, 1955. С. 3.

действительной истории¹⁶⁵, а ряд их последователей «...научно объяснить природу культуры...»¹⁶⁶.

Обобщённые в форме диалектического и исторического материализма идеи основателей марксизма ещё до революции легли на отечественную почву. Здесь была не только своя материалистическая традиция¹⁶⁷, но также особое внимание уделялось цивилизационно-культурным и политическим¹⁶⁸ разработкам¹⁶⁹, выразившимся в философской проблематизации культуры¹⁷⁰, в российской евразийской самобытности¹⁷¹.

Сложные изыскания философов советского периода¹⁷², вновь ставшие открытые после 1991 года работы русской дореволюционной философской традиции, а также доступность зарубежных исследований дали основания для синтеза в рамках формируемых культурологических исследований. Синтеза, который задаёт модель, которую можно применить для описания любой социально-исторической общности.

В свою очередь антропологическая линия в форме эволюционизма продолжала развиваться (Л.Г. Морган, Э.Б. Тайлор, Д.Д. Фрейзер). Важным моментом в становлении антропологии как дисциплины стала концептуализация понимания культуры, которая получила своё определение в труде Э. Тайлора, – «Культура, или цивилизация, в широком этнографическом смысле складывается в своём целом из знания, верований, искусства, нравственности, законов, обычаев и некоторых других способностей и привычек, усвоенных человеком как членом

¹⁶⁵ Лифшиц М. А. Маркс и Энгельс об искусстве / Лифшиц М. А. (сост. и автр. вст. стат.). Маркс К. и Энгельс Ф. в 2-х т. Т. 1. М.: Искусство, 1983. С. 20.

¹⁶⁶ Келле В. Ж (ред.). Проблемы философии культуры: Опыт историко-материалистического анализа. М.: Мысль, 1984. С. 5.

¹⁶⁷ Ленин. В.И. О значении воинствующего материализма // Ленин В.И. Полное собрание сочинений в 55 т. Т. 45. М.: Политиздат, 1970. С. 24.

¹⁶⁸ Колеров М.А. Интеллектуальная среда и живое дыхание Русской Атлантиды. Предисловие / Колеров М.А (сост. и предисл.). Антология журнала «Русская мысль» (1910-1918): философия и политика. Калининград Изд.: БФУ им И. Канта, 2024. С. 21

¹⁶⁹ Дидык М.А. Понятие культуры: от современных российских споров к концепции П.Я. Чаадаева // Философия права. 2012. № 6. С. 95-98.

¹⁷⁰ Жукова О.А. Философия русской культуры. Метафизическая перспектива человека и истории. Изд.: Согласие, 2017. 623 с.

¹⁷¹ Вахитов Р.Р. Предисловие / Евразия и человечество: антология произведений евразийцев 1920-1930-х годов. / Калининград: Изд.: БФУ им. И. Канта, 2024. С. 13.

¹⁷² Клейн Л.С. Культура и эволюция. Теоретические исследования. СПб: «Евразия», 2018. С. 53-119.

сообщества»¹⁷³. В дальнейшем эта терминологическая заданность в своих основных чертах будет не раз воспроизводиться в антропологических исследованиях, демонстрируя не столько терминологическую устойчивость важнейшего антропологического понятия¹⁷⁴, сколько его функционально-описательное назначение.

В будущем это станет основанием кризиса в понимании культуры. Так в британской социальной антропологии, основы которой были заложены Б. Малиновским, с самого начала делался акцент на социальной организации и функциональном понимании культуры. Люди организуются для реализации одной функции – «удовлетворение некоторой потребности путём деятельности...»¹⁷⁵. Такой подход ставит под вопрос саму необходимость использования «культуры». Уже А. Редклифф-Браун, единомышленник и соперник¹⁷⁶ Б. Малиновского, на которого оказал большое влияние социологический метод Э. Дюркгейма¹⁷⁷, в 1940 году объявит культуру туманной абстракцией¹⁷⁸, фактически поставив точку в разработке теории культуры в рамках британской социальной антропологии¹⁷⁹.

На американскую культурно-антропологическую традицию через её зачинателя Ф. Боаса повлияли идеи, разработанные в немецкой гуманитарной среде. Выразилось это в особенности методологических установок – «...не эволюция, а история, не законы, а причины в их многообразии, не аналогии, а специфические признаки и конкретные ситуации... не глобальный обзор, а судьба каждого отдельного народа... отдельного этнографического явления...»¹⁸⁰. Интерес к особенностям динамики исследуемой общности был воспринят в

¹⁷³ Тэйлор Э. Первобытная культура: в 2 кн. Кн. 1 // Пер. с англ. Вступ. С.В. Никольского. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2009. С.37.

¹⁷⁴ Энгельке М. Думай как антрополог / Пер. с англ. А. Арамян, К. Митрошеников. М.: Ад Маргинем Пресс, 2024. С. 29.

¹⁷⁵ Малиновский Б. Научная теория культуры. М.: ОГИ, 2005. С. 43.

¹⁷⁶ Harris M. The rise of anthropological theory: a history of theories of culture. New York: Thomas Y. Crowell, 1968. P. 545-547.

¹⁷⁷ Kuper A. Anthropology and Anthropologists: The Modern British School. London, Penguin, 1973. P. 36.

¹⁷⁸ Рэдклифф-Браун А. Структура и функция в примитивном обществе. Очерки и лекции. Пер. с англ. М: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. С. 221.

¹⁷⁹ Энгельке М. Думай как антрополог / Пер. с англ. А. Арамян, К. Митрошеников. М.: Ад Маргинем Пресс, 2024. С. 54.

¹⁸⁰ Клейн Л.С. История антропологических учений / под ред. Л.Б. Вишняцкого. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2014. С. 312.

общечеловеческом контексте от И.Г. Гердера¹⁸¹, определяющая мировоззрение роль языка – от В. фон Гумбольдта¹⁸² и умеренный¹⁸³ диффузионизм – от критики школы культурных кругов¹⁸⁴.

Важность деталей, абсолютизация частных дел сделали своё дело; отец американской антропологии «...не был систематическим теоретиком. Он не оставил... теорию культуры»¹⁸⁵. Это отразилось в том, что и он сам, и его последователи – представители школы «исторического партикуляризма» (М. Мид, Р. Бенедикт, А. Кербер, Э. Сепир и т.д.) – более значимы для современности в роли представителей «этнографии спасения»¹⁸⁶, а не как теоретики.

Разность методологических установок двух школ, которая тем не менее не мешает их современному сближению¹⁸⁷, не меняет их функциональное понимание культуры.

К. Леви-Стросс, например, акцентируя внимание на ментальных структурах, которые едины для всего человечества¹⁸⁸, определяет культуру как «...любое этнографическое множество, обнаруживающее при его исследовании существенные различия по сравнению с другими множествами»¹⁸⁹. Французский антрополог обращает внимание на единство функционального элемента различных социальных явлений – «...если мы припишем религиозным идеям такую же значимость, как и любой другой концептуальной системе, иначе говоря, если сделать акцент на механизме мышления, то религиозная антропология будет узаконена в своих действиях, но она утратит свою автономию и специфику»¹⁹⁰.

В дальнейшем тренд в исследовании культуры будет задаваться

¹⁸¹ Кузнецов И.В. История "Истории антропологии" Франца Боаса // Этнографическое обозрение, 2002. № 6. С. 87.

¹⁸² Кернер Э.Ф.К. Вильгельм фон Гумбольдт и этнолингвистика в Северной Америке от Боаса (1894) до Хаймса (1961) // Вопросы языкознания. 1992. № 1. С. 106-109.

¹⁸³ Подзюбан Е.В. Методологические положения Франца Боаса и его школы // МНКО. 2014. №2 (45). С. 330.

¹⁸⁴ Бидни Д. Культурная динамика и поиски истоков // Антология исследований культуры. Интерпретация культуры. СПб., 1997. Т. 1. С. 393.

¹⁸⁵ Stocking G. W. Jr. Race, culture, and evolution; essays in the history of anthropology. New York, Free Press, 1968. P. 196.

¹⁸⁶ Calhoun C. J. Dictionary of the Social Sciences. New York: Oxford University Press, 2002. P. 424.

¹⁸⁷ Энгельке М. Думай как антрополог / Пер. с англ. А. Арамян, К. Митрошеников. М.: Ад Маргинем Пресс, 2024. С. 23-24.

¹⁸⁸ Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: Академический проект, 2008. С. 80.

¹⁸⁹ Там же. С. 342.

¹⁹⁰ Леви-Стросс К. Первобытное мышление. М.: Республика, 1994. С. 108.

сложноопределяемым¹⁹¹ постмодернистским интеллектуальным течением. Начиная с объявления А. Кожевым человека в качестве негативности, идущей на смерть¹⁹², проходя через «критическую теорию»¹⁹³, где цель культуры состоит в стандартизации серийного производства¹⁹⁴ и организации массовости потребления¹⁹⁵, а также исследования М. Фуко, где объявляется, что «...Человек... – изобретение недавнее. И конец, быть может, недалёк»¹⁹⁶, постмодерн «...настаивает на полном очищении социальной теории от реликтов антропоцентризма... и опирается на игнорирование отличий между человеческими и нечеловеческими объектами, на критику выстроенных вокруг человека иерархических онтологий, противопоставляя им онтологии децентрализованные...»¹⁹⁷. Вершиной такой деконструкции, может выступать статья Л. Абу-Лугход – «Письмо против культуры». Исследовательница (на базе феминистических исследований¹⁹⁸) призывает отказаться от концепции «культуры», состоящей из «...фундаментальных методов, утверждающих неравенство»¹⁹⁹ в пользу методов «этнографических частных»²⁰⁰, окончательно деконструирующих культуру до разрозненных «...повествовательных этнографических описаний...»²⁰¹

Представление о культуре замкнулось. Понятие, связанное с «вращиванием» человека, стало признаваться формой отчуждения «нас» от «них», а устремлённость на поиск универсальной теории, объявляется угрозой индивидуальности. И в стремлении к утверждению личности «...расширению

¹⁹¹ Плакроуз Х; Линдси Дж. Циничные теории: Как все стали спорить о расе, гендере и идентичности и что в этом плохого. М.: Individuum, 2022. С. 23.

¹⁹² Кожев А. Введение в чтение Гегеля. Лекции по Феноменологии духа, читавшиеся с 1933 по 1939 г. в Высшей практической школе. СПб.: Наука, 2003. С.635-636.

¹⁹³ Джеффрис С. Гранд-отель «Бездна». Биография Франкфуртской школы. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. С. 25-26.

¹⁹⁴ Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. / Пер. с нем М. Кузнецова. / М.СПб.: Медиум, Ювента, 1997. С. 158.

¹⁹⁵ Там же. С. 174.

¹⁹⁶Фуко М. СЛОВА и ВЕЩИ. Археология гуманитарных наук. М.: Прогресс, 1994. С. 404.

¹⁹⁷ Хестанов Р.З., Сувалко А.С. Факультативные группы, невидимые индивиды: Трансформация социальных отношений в новой технологической реальности // Социологическое обозрение. 2022. №3. С. 180.

¹⁹⁸ Abu Lughod L. Writing Against Culture. / Fox R.G. Recapturing Anthropology: Working in the Present. / Santa Fe, N.M.: School of American Research Press: Distributed by the University of Washington Press, 1991. P. 137.

¹⁹⁹ Там же. С. 143.

²⁰⁰ Там же. С. 138.

²⁰¹ Там же. С. 153.

внутреннего пространства... интимного мира тайных желаний и культурных предпочтений... человек теряет привязанности...»²⁰² и самого себя.

Таким образом, проведённый анализ исторического изменения представлений о культуре задаёт проблемное поле, учёт которого является необходимым для раскрытия древнегреческой античности как культурной модели. Составные элементы описываемого поля выражены следующими проблемами.

Во-первых, соотношение материального основания и идеального содержания в культуре греческой античности, которое выражено в легитимизирующей социальную действительность практике – ритуале²⁰³.

Во-вторых, особенности совмещение теоретического (объяснительного) и практического (действительного) аспектов культуры в рамках собственно заданного (внутренне присущего самой культуре) объяснительного дискурса²⁰⁴, который может быть назван общественным сознанием.

В-третьих, сложность механизмов кодирования и передачи социально значимой информации, выраженной как в общей культурной динамике²⁰⁵, так в и более конкретных и устойчивых формах социального ритуала²⁰⁶ и традиции²⁰⁷.

В-четвёртых, условия единства универсальных культурных структур и разнообразие индивидуальных (региональных) особенностей²⁰⁸, демонстрирующих единство и многообразие ментального (смыслового) и материального (артефактного) разнообразия древнегреческого образа жизни.

В отечественном гуманитарном поле существует множество исследований, которые в соответствии с указанными признаками могут быть восприняты в качестве модели. Однако, в силу диссертационных ограничений нами будут рассмотрены три автора: А.Ф. Лосев, Ф.Х. Кессиди и Г.В. Драч.

²⁰² Драч Г.В. Просвещенческая модель культуры: уроки и предостережения // Научная мысль Кавказа. 2014. №2 (78). С. 14.

²⁰³ Камад И.М. Обрядовая сторона культов Древней Греции. М.: «Институт общегуманитарных исследований», 2006. С. 161.

²⁰⁴ Энгельке М. Думай, как антрополог / Пер. с англ. А. Арамян, К. Митрошеников. М.: Ад Маргинем Пресс, 2024. С. 39.

²⁰⁵ Попова Т.В. Информационная культура в контексте социокультурной динамики // ЭСГИ. 2018. №2 (18). С. 142.

²⁰⁶ Петров, М.К. Самосознание и научное творчество. РнД.: РГУ, 1992. С. 161.

²⁰⁷ Зильберман Д.Б. К пониманию культурной традиции. М.: Российская политическая энциклопедия, 2015. С. 61.

²⁰⁸ Лосев А. Ф. Мифология древних греков и римлян. М.: Мысль, 1996. С. 40-41.

Модель античной культуры, которую предлагает А.Ф. Лосев в самом общем смысле может быть охарактеризована в качестве «...”эстетической гегемонии”, подразумевая абсолютизацию выразительной составляющей онтологической стороны культуры...»²⁰⁹. Данное описание обусловлено особенностью понимания советским исследователем атрибуции античности – рабства и основанного на нём телесного восприятия космоса²¹⁰. В силу того, что исследование А.Ф. Лосева по своей фундаментальности может быть определено как парадигма²¹¹, затрагивающая всю античность, в рамках данного исследования необходимо сделать акцент на греческой античности периода от ранней классики к высокой²¹².

Итак, в соответствии с выделенными элементами проблемного поля «культурной модели» проведём анализ «лосевской» античности. Оговоримся: несмотря на то, что советский исследователь считает вопрос соотношения материальных условий общества и возникшей из неё культуры кардинальным²¹³, основной интерес учёного сосредоточен на эстетике. На выразительной стороне античной культуры, которую в конечном счёте можно свести²¹⁴ к феноменологии мифического сознания²¹⁵. Упоминание мифа тут не случайно. В модели А.Ф. Лосева это культурное явление принимается в качестве «...точки пересечения самых различных социальных сил»²¹⁶, которая не только связана со становлением индивидуального сознания²¹⁷, но и самого мифа как комплекса²¹⁸. Мифы, таким образом, не являясь чистым плодом фантазии²¹⁹, представляют собой органичный взгляд на мир, выраженный в форме «...повести о человеческой жизни... о вечном

²⁰⁹ Драч Г.В., Богданова М.А., Французов Р.И. Проблема образа человека телесного в философии Платона: исследовательский контекст // Научная мысль Кавказа. 2024. №3 (119). С. 116.

²¹⁰ Лосев А.Ф. История античной эстетики. Т.8. Итоги тысячелетнего развития. Кн. I. М.: АСТ; Х.: Фолио, 2000. С. 400.

²¹¹ Драч Г.В. А.Ф. Лосев об античной культуре. / История философии и теория культуры: избранные труды. / РнД.: Изд.: Юфу, 2017. С. 116.

²¹² Лосев А.Ф. Тахо-Годи А.А. Классическая эстетика. / История эстетической мысли. В. 6-ти т. Т. 1. Древний мир. Средние века в Европе. М.: Искусство, 1982. С. 158-193.

²¹³ Лосев А.Ф. Мифология греков и римлян. М.: Мысль, 1996. С. 12.

²¹⁴ Лосев А.Ф. История античной эстетики: в 8 т. Т. 1. Ранняя классика. М.: АСТ; Х.: Фолио, 2000. С. 88-89.

²¹⁵ Карпицкий Н.Н. А.Ф. Лосев: феноменология мифологического сознания // Наука о человеке: гуманитарные исследования. № 2(6). 2010. С. 123.

²¹⁶ Лосев А.Ф. Мифология греков и римлян. М.: Мысль, 1996. С. 24.

²¹⁷ Там же. С. 19.

²¹⁸ Там же. С. 23.

²¹⁹ Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М.: Мысль, 2001. С. 35.

стремлении к лучшему будущему»²²⁰, получившему своё развитие уже в философии²²¹. Данные повести, выраженные в форме преданий, в условиях слабой культовой организации древнегреческой религии становились основанием для социально значимых традиций, выступающих в форме «неписаных законов» древнегреческого общества²²².

Подобная нерасчленённость, не отрицающая при этом пластичность и подвижность как мировоззрения, так легимитизированных им социальных практик, задаёт особое восприятие мира как целостности, мира как живого космоса, выраженного художественным образом²²³ и получившего своё окончательное завершение в идее прекрасного (в выражении диалектического единства идеального и материального), в идее символа.

Таким образом, выстраивая объяснительную составляющую, связанную с раскрытием взаимосвязи между античным мировоззрением и её социальными основаниями, А.Ф. Лосев формирует целостную модель феноменальной реальности мифологического мировоззрения, где логичность соседствует с образностью, а художественность дополняет доказательство. Однако эта нерасчленённость, характерная вплоть до конца эпохи античной классики, не позволяет выделить человека как личность. Его отношения с божественным – безличны, а сам он растворён в выстроенной соразмерности²²⁴. Исходя из этого, единство представления о культуре, обеспечивается убеждённостью онтологического единства всей греческой ойкумены. Взаимосвязью богов и людей. Её символической завершённости. Указанная особенность сводит на нет аналитический подход к культуре, заменяя его феноменологическим описанием: единством текучей действительности и божественной постоянности. Жизненный мир культуры просто воспринимается в качестве наличной телесности, а вопрос его единства просто не может быть поднят в основанном на данном принципе

---

²²⁰ Лосев А.Ф. Мифология греков и римлян. М.: Мысль, 1996. С. 41.

²²¹ Лосев А.Ф. Античная философия истории. СПб.: Алетей, 2000. С. 26-27.

²²² Лосев А.Ф. Мифология греков и римлян. М.: Мысль, 1996. С. 928

²²³ Там же. С. 34-36.

²²⁴ Драч Г.В. А.Ф. Лосев об античной культуре. / История философии и теория культуры: избранные труды. РнД.: Изд. ЮФУ, 2017. С. 121.

мифологическом мировоззрении.

Органичность лосевской модели, таким образом, была достигнута за счёт феноменологического описания общественного сознания эпохи, которое хотя и меняется даже в рамках различных типов античного мышления²²⁵, но в силу своей принципиальной нерасчленённости оказалась замкнутой на своей выразительной содержательности. Становление внутри этой модели понимается как текучесть, как слияние, где даже философия предстала в форме «рационализированного мифа»²²⁶.

Такая ситуация ставит две проблемы. Первая – проблема разнообразия интеллектуальной культуры. Что обеспечивает жанровую дифференциацию древнегреческой литературной традиции в условиях такого общественного сознания? Вторая – проблема антропологическая, как в условиях такого однообразия возможно говорить о человеке и его инициальном жизненном мире?

Разрешение данных проблем, возможно при пересмотре основания всей модели древнегреческой культуры. Ф.Х. Кессиди предлагает иную модель. Советский антиковед отказывается видеть основание греческой культуры в рабовладении. Связано это как с экономической составляющей – рабский труд обеспечивался извне²²⁷, так и ценностной – трудиться было почётно²²⁸. Дискретно представленное социальное основание античной культуры²²⁹, с самого начала ставит людей перед лицом друг друга. Ставит их как равных, как граждан. Это «...открытие человека – идея гражданина... как самостоятельной ценности, признание за ним права на инициативу... – вот что является важнейшим достижением греческой культуры...»²³⁰ В столкновении таких личностей возникает особая черта греческого народа – агональная – основание феномена греческого чуда²³¹.

Подобная дискретность становится фундаментом для утверждения

²²⁵ Лосев А.Ф. Типы античного мышления. / Античность как тип культуры. М.: НАУКА, 1998. С. 78-104.

²²⁶ Драч Г.В. Феохарий Кессиди: В поисках формулы античности. / История античной философии и культуры: избранные труды. Т. 2. РнД; Таганрог: Изд.: Юфу, 2023. С. 274.

²²⁷ Драч Г.В. Ф.Х. Кессиди: открытие человека и становление греческой философии. / История античной философии и культуры: избранные труды. Т. 2 / РнД; Таганрог: Изд.: Юфу, 2023. С. 280.

²²⁸ Кессиди Ф.Х. От мифа к логосу (Становление греческой философии). М.: «Мысль», 1972. С. 8.

²²⁹ Там же. С. 14-15.

²³⁰ Там же. С. 26.

²³¹ Кессиди Ф.Х. К проблеме «греческого чуда. / К истокам греческой мысли. / СПб.: «Алетейя», 2001. С. 13.

индивидуального взгляда на мир – собственного жизнеутверждения и личной меры, выраженных в обсуждении «дел речами»²³², в логосе (постепенно сменяющем художественную образность развитого мифологического взгляда на мир). Это движение в рамках интеллектуального поля, связанное с самовыражением эллинов, с одной стороны, задавало пёстрое художественное восприятие мира²³³, получившее своё оформление в литературе²³⁴. С другой же стороны, данный процесс отражал становление нового легимитизирующего всё и вся авторитета – человеческого разума, для которого переход к философии, по замечанию Г.В. Драча, «...означал всеобщее интеллектуальное развитие и «самовозрастание логоса», но лишь в том смысле, что оно отвечало потребностям личностной ориентации человека, порвавшего с традиционными ценностями»²³⁵.

Таким образом, единство в рамках описываемой модели античной культуры обеспечивается общей для всех её носителей характеристикой – атональностью. Основанный на этой характеристике социальный институт – древнегреческая демократия – постепенно заменявший ценность освящённых мифом обычаев, важностью общего закона, долга гражданина²³⁶, задаёт амбивалентную характеристику мировоззрения греков, при которой «...политический рационализм сочетался с религиозным иррационализмом»²³⁷.

Исходя из указанной ситуации, становится возможным более свободно подойти к анализу условий целостного восприятия культуры. Не только описательно феноменологически, но аналитически. Исследователь демонстрирует, как в рамках цельного художественного мировоззрения в результате становления собственной меры рождается интеллектуальная культура. Культура, состоятельность которой, выраженная в диалектике, искала иные основания уходящего вместе с мифом художественного принципа восприятия единства мира. Единства рационального, связанного с «...переносом центра внимания с

²³² Кессиди Ф.Х. От мифа к логосу (Становление греческой философии). М.: «Мысль», 1972. С. 25.

²³³ Там же. С. 39.

²³⁴ Там же. С. 226.

²³⁵ Драч Г.В. Феохарий Кессиди: В поисках формулы античности. / История античной философии и культуры: избранные труды. Т. 2 / РнД; Таганрог: Изд.: Юфу, 2023. С. 289.

²³⁶ Кессиди Ф.Х. От мифа к логосу (Становление греческой философии). М.: «Мысль», 1972. С. 27.

²³⁷ Там же. С. 26.

олимпийских богов... на изучение явлений природы на поиски "архэ" всех вещей, определяющую "меру" всего существующего, "порядок" всего происходящего»²³⁸.

Таким образом, модель античной культуры, предлагаемая Ф.Х. Кессиди, разрешает вышеназванные недостатки, однако она также не лишена проблем. В рамках общего развития античного мышления миф воспринимается слишком образно в силу того, что он основан на «...воображении и фантазии»²³⁹. Несмотря на утверждение того, что миф позволял человеку мыслить себя не просто частью коллектива, но всем коллективом, конкретно сама его структура, обеспечивающая это единство даже в рамках социально заданной основы мифа, не раскрывается. Безусловно, это связано с глубинным основанием самого эллинского духа – атональности, однако в рамках модельного восприятия это оказывается недостаточным объяснением. Единство греческой культуры оказывается обеспеченным только характеристикой её носителей, которые сами являются результатом культуры. Круг замыкается, а социальная динамика сводится только к антропологической характеристике.

Описанная ситуация требует конкретизации представлений о человеке в более тесной связи с социальной структурой и в контексте философской традиции. Такой подход можно найти в исследованиях Г.В. Драча. Предлагая собственную модель культуры, Геннадий Владимирович обращает внимание, что антропологическая проблематика не просто связана с философскими изысканиями, она выступает её конституционным принципом²⁴⁰.

Философия, взятая в контексте античной культуры, где космологические представления признают человека в качестве части природы, задаёт антропологической теме особое место. Человек – мыслящая часть природы²⁴¹, «...сжатый, скомпонованный мир (микрокосмос)»²⁴², который необходимо

²³⁸ Кессиди Ф.Х. От мифа к логосу (Становление греческой философии). М.: «Мысль», 1972. С. 301.

²³⁹ Там же. С. 47.

²⁴⁰ Драч Г.В. Рождение античной философии и начало антропологической проблематики Ч. 1. / История античной философии и культуры: избранные труды. / Т. 1. РнД; Таганрог: Изд.: Юфу, 2023. С. 12.

²⁴¹ Драч Г.В. Триумф и трагедия античного разума. Ч. 2. / История античной философии и культуры: избранные труды. / Т. 1. РнД; Таганрог: Изд.: Юфу, 2023. С. 356.

²⁴² Драч Г.В. Рождение античной философии и начало антропологической проблематики Ч. 1. / История античной философии и культуры: избранные труды. / Т. 1. РнД; Таганрог: Изд.: Юфу, 2023. С. 58.

согласовать с макрокосмосом – жизненным пространством. Добиться этого возможно через образование – «пайдея», в рамках которого происходило приобщение не только к различным искусствам, но и к правильному образу жизни – гражданственности²⁴³. В таком становлении, подразумевающим целенаправленное согласование жизни человека с объективным логосом природы, и раскрывается его особенность. Видя в окружающей действительности начало и завершение всего, автор формирует общие рамки античной парадигмы, «...где в отношении «природа–человек–боги», приоритет отдаётся природе и человеку, как части природы»²⁴⁴. Человек, самостоятельно выстраивая свои отношения с миром, обнаруживает свою собственную свободу, становится мерой возможного и необходимого.

Такое объяснение уравнивает и взаимно обосновывает выделенные ранее компоненты античной культурной модели. Утверждая антропологическое основание античной культуры, Г.В. Драч акцентирует внимание на условии его социо-культурного воспроизводства, на «пайдею». В процессе приобщения к наследию цивилизации происходит объединение материального и духовного содержания культуры в контексте образования. Это обеспечивает относительное единство общественного сознания через общие ценностные представления, нравственные ориентиры и высокие идеалы.

Позиция исследователя, таким образом, оказывается логическим завершением двух предыдущих. Единство человека обеспечивается воспроизводством общих культурных паттернов, в контексте которых даже феномен «агональности» во всём своём спектре оказывается показателем «...личной и социальной динамики»²⁴⁵.

Однако, несмотря на целостность модели, один вопрос остаётся нераскрытым. Что оправдывало культурный порядок вещей в глазах древних греков? Что выступало смысловым основанием, скрепляющим личное желание и

---

²⁴³ Драч Г.В. Триумф и трагедия античного разума. Ч. 2. / История античной философии и культуры: избранные труды. / Т. 1. РнД; Таганрог: Изд.: Юфу, 2023. С. 362.

²⁴⁴ Там же. С. 368.

²⁴⁵ Там же. С. 361.

общественную необходимость? Как воспроизводство традиционных социальных структур в принципе приобретало ценностную характеристику и необходимость её сохранения? Или, если обратиться к Фукидиду, что заставляло греков говорить следующие вещи и именно таким образом – «Мы развиваем нашу склонность к прекрасному без расточительности и предаёмся наукам не в ущерб силе духа. Богатство мы ценим лишь потому, что употребляем его с пользой, а не ради пустой похвальбы...»²⁴⁶?

Агональная характеристика греческой личности есть результат усвоения этих ценностных оснований, стремление их лучше всех утвердить. Но с чем обеспечено их единство в рамках ментальной структуры носителей данного культурного кода – вот вопрос, ответ на который, по нашему мнению, должен замкнуть модель культуры, но не на самой себе, а на условии своего существования, условии собственной репрезентации, которая в основе своей, оказывается связанной с удивлением, с чудесным, с представлением о божественном, способах его выражения и постижения, связанных с теопозитикой²⁴⁷ и культурой – «...воплощённой и общей для людей реальности»²⁴⁸.

Подходя к заключению этой главы, сделаем несколько выводов.

Во-первых, культура – явление сложное и неоднозначное. Сложность обусловлена как ценностным содержанием данного понятия, так и его широким употреблением. Неоднозначность задаётся содержательной загруженностью и полидисциплинарным представлением данного понятия в гуманитарном исследовательском поле.

Во-вторых, при уточнении содержания обсуждаемой категории необходимо обратиться к истории, к конкретным историческим периодам, материальная и ментальная характеристики которых выступают предметом культурологического исследования, а временные границы – внешним ограничением.

В-третьих, при таком подходе к культуре, как рабочему понятию, важно строго разделить его с другим не менее ценностно окрашенным и распространённым

²⁴⁶ Фукидид. История. М.: Ладомир; ООО «Фирма «Изд.: АСТ», 1999. С. 107-108.

²⁴⁷ Драч Г.В., Французов Р.И. О «Теологии» Раннегреческих философов // Schole, СХОЛЭ. 2023. №2. С. 757-758.

²⁴⁸ Oden M. Toward a Christian theoepoetic, PhD thesis, Faculty of The School of Theology at Claremont, 1974. P. 46.

понятием «цивилизация».

В-четвёртых, сложность соотношений ранее указанных лексических единиц даёт основание для выработки менее ценностной, но более приспособленной для работы категории «модель культуры», под которой понимается сложная органическая целостность, состоящая из двух важных элементов: смысло-ценностного, задающего правильный, с точки зрения носителя культуры, порядок вещей в мире, и вторичный по отношению к нему, функциональный, связанный с созданием условий воспроизводства и поддержания указанного порядка.

В-пятых, использование понятия «культура» ставит вопрос об условиях единства культуры как модели, который можно выразить следующим образом: что выступает основанием восприятия культуры как единства материального (артефактного) разнообразия и ментальной (мировоззренческой) однородности (общественного сознания)? Конкретизируя понятие культуры определённым периодом, уточняем, что говорим об этом вопросе в контексте греческой античности.

В-шестых, для ответа на указанный вопрос, необходимо проанализировать историю представлений о культуре, чтобы на их базе выделить ключевые элементы проблемного поля «модели культуры» вообще.

В дальнейшем выведенные пункты в применении к анализу «культурным моделям античности», представленные различными исследователями, демонстрируют важность таких двух принципиальных моментов для древнегреческой культуры, как антропологичность и теологичность. Ориентация на человека, как на существо, обладающее разумом и способное согласовывать свою жизнь с природным порядком вещей, заставляет обратиться к тому, как, с одной стороны, сам этот порядок воспринимается древними греками, так и, с другой стороны, как он выражается древними эллинами.

Иными словами, необходимо обратиться к анализу ментальности древнего грека, которая, будучи доступная только в форме различных памятников, так или иначе проясняется через литературный канон, который поэтически выражен, демонстрирует художественное восприятия эллинами своей ойкумены. Единство

канона обеспечивается постоянной отсылкой на божественное – возвышенное основание всего греческого мира, требующего уважения и поклонения. Это единство поэтической формы и теологического содержания оправдывает обращение к феномену теопэтики, анализ которого будет представлен в следующем параграфе.

1.2. Современная теопэтика как совокупность методологических принципов

Современные тенденции в восприятии культурной реальности с приставкой «пост» могут быть охарактеризованы как кризисные²⁴⁹. Проявляется данный факт, как было продемонстрировано ранее, в отказе от той методологической установки, что при анализе социальных явлений предполагает их целостность и ценность. Причин такого изменения множество: недоверие к метарассказам²⁵⁰, отказ от фундаментальной характеристики истины²⁵¹, в логике развития капитализма²⁵², в укреплении идеи автономии человека²⁵³ и т.д. Разнообразие источников описываемой ситуации становится основанием для сложности в определении понятия «постмодерн»²⁵⁴, которое в указанном контексте может быть представлено в широком диапазоне: от рассматривания его в рамках общего исторического состояния²⁵⁵ до анализа его через призму социальной теории²⁵⁶.

Признавая, что указанные кризисные тенденции оказывают определяющее влияние на современные реалии, необходимость их характеристики (хотя бы в рамках наличного интеллектуального поля) не нуждается в обосновании. Такая

²⁴⁹ Волков В.Н. Постмодерн и его основные характеристики // Культурное наследие России. 2014. №2. С. 4-5.

²⁵⁰ Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.: Институт экспериментальной социологии; Спб.: Алетейя, 1998. С. 10.

²⁵¹ Пыхтина Т.Ф. Истина как социальная значимость (пути постмодернизма в трактовке познания) // Вестник НГУЭУ. 2012. №3. С. 291.

²⁵² Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма. М.: Изд-во Института Гайдара, 2019. С. 83-172

²⁵³ Драч Г.В. Просвещенческая модель культуры: уроки и предостережения // Научная мысль Кавказа. 2014. №2 (78). С. 14.

²⁵⁴ Олизько Н.С. Постмодернизм: к проблеме определения понятия // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. 2006. №6 (61). С. 49-52.

²⁵⁵ Харви Д. Состояние постмодерна: Исследование истоков культурных изменений. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. С. 519-565.

²⁵⁶ Павлов А.В. Постпостмодернизм: как социальная и культурная теории объясняют наше время. М.: Изд. Дом.: «Дело» РАНХиГС, 2023. С. 443-536.

работа уже была проделана Х. Плакроуз и Л. Джеймс, которые выделили два принципа и сюжета постмодернизма, в обобщённой форме сводимые к констатации относительности и размытости всего жизненного пространства общества²⁵⁷, вплоть до самого субъекта.

Не обошли эти тенденции и теологию, направленную на постижение самого потаённого и неизменного истока мироздания – Бога. Отметим, что место христианства (как религии) и теологии (как дисциплины) в рамках обсуждения постмодерна – особое, именно с признания того, что «Бог умер!.. и мы убили его!»²⁵⁸, и наше согласие с этой позицией²⁵⁹ полное. Начинается переоценка всех ценностей²⁶⁰, в рамках которой возвышенный, «сверхъестественный мир лишился своей силы...»²⁶¹ ради нового рождения нового человека²⁶².

В дальнейшем это стремление к пересмотру найдёт своё выражение в протестантизме XX в.²⁶³ – в теологии смерти Бога²⁶⁴ (Г. Ваганян, П.В. Бюрен, Т. Альтицер), которое, согласно «Теологическому словарю», «...Во-первых, свидетельствовало о несостоятельности современной теологии и, во-вторых... окончательно выразило давно зародившееся в западной философии и теологии представление о том, что в лучшем случае мы ничего не можем узнать о трансцендентном Боге, а в худшем – что Бога просто нет»²⁶⁵. Указные моменты не могли не потрясти христианское мировоззрение. Теология ещё со времён Платона, имея дело с конструктивными и жизнеопределяющими смыслами бытия

²⁵⁷ Плакроуз Х; Линдси Дж. Циничные теории: Как все стали спорить о расе, гендере и идентичности, и что в этом плохого. М.: Individuum, 2022. С. 36-37.

²⁵⁸ Ницше Ф. Полное собрание сочинений: В 13 томах. Т. 3. Утренняя заря. Мессинские идиллии. Весёлая наука. М.: Культурная революция, 2005. С. 440.

²⁵⁹ Ирицян Г.Э. Ф. Ницше как предтеча постмодернизма // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2004. №3. С. 4.

²⁶⁰ Потапова Н.А. "Переоценка всех прежних ценностей" в метафизике Ницше // Научный вестник Омской академии МВД России. 2005. №2. С. 4.

²⁶¹ Хайдеггер М. Слова Ницше "Бог мёртв" // Вопросы философии. 1990. № 8. С. 147.

²⁶² Ницше Ф. Полное собрание сочинений: В 13 томах. Т. 4. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого. М.: Культурная Революция, 2005. С. 13.

²⁶³ Золотухина-Аболина Е.В. Четыре пути протестантского модернизма в XX веке // Научная мысль Кавказа. 2017. №1 (89). С. 27-28.

²⁶⁴ Боков Г.Е. Философское наследие Фридриха Ницше и теология «Смерти Бога» // Философский журнал. 2015. №1. С. 67-87.

²⁶⁵ Теология смерти Бога / Теологический энциклопедический словарь / [Электронный ресурс] Режим доступа: https://1072.slovaronline.com/757-теология_смерти_бога (Дата обращения 28.12.2022).

человека²⁶⁶, на пороге пост современности оказалась нема и пуста. Нема в силу отсутствия надёжного «словаря», способного достигнуть «струн» человеческой души. Пуста, поскольку главный её объект – Бог, не только недостижим, но может даже «...интеллектуально излишен, эмоционально необязателен и морально неприемлем»²⁶⁷.

Подобный скептицизм, как одна из главных характеристик эпохи, предлагает радикально решить вопрос о Боге. Он должен быть растворён во всей совокупности социальных отношений, вновь принесён в жертву, ведь в соответствии с позицией Д. Бонхеффера «...только в полной посюсторонности жизни и можно научиться веровать»²⁶⁸. Но как эта наличная посюсторонность предстаёт для человека? Как она открывается в его сознании, в их, людских, сознаниях? Как можно говорить о растворённом в человеческих отношениях Боге, не имея ни представлений о Нём, ни языковых форм выражения Его ценности?

Неудовлетворённость современной теологией, перенос интереса на репрезентативные возможности языка; его смысловые и формальные аспекты; его поэтические (ποίησις – творение) возможности задают новые способы решение тех проблем, которые были поставлены радикальной протестантской теологией²⁶⁹.

Такой теопозический поворот к субъекту, его сознанию и языку, к формам, условиям и возможностям выражения религиозного переживания, а не к его содержанию и является предтечей того, что в дальнейшем будет именоваться «теопоэтикой».

Конкретизируя указанный термин, необходимо указать, что его определение – задача сложная. Обусловлено это как междисциплинарной представленностью теопоэтики в гуманитарном исследовательском поле²⁷⁰, так и разнообразием подходов, по разным причинам причисляемые к современному теопоэтическому

²⁶⁶ Платон. Сочинения в трёх томах (четырёх книгах). Под общ. ред. Лосева А.Ф., Асмуса В.Ф. / Пер. с др.-греч. / Т. 3, Ч. 2. М.: «Мысль», 1972. С. 379.

²⁶⁷ Oden M. Toward a Christian theo poetic, PhD thesis, Faculty of The School of Theology at Claremont, 1974. P. 26.

²⁶⁸ Бонхеффер Д. Сопротивление и покорность. М.: Прогресс, 1994. С. 271.

²⁶⁹ Krabbe S.C. A Beautiful Bricolage: Theo poetics as God-Talk for Our Time. Wipf and Stock, 2016. Pp. 109-122.

²⁷⁰ Кириллов А.А., Французов Р.И. Феномен религиозного воображения и теопоэтика в анализе диалогической философии Платона // Научная мысль Кавказа. 2021. №4 (108). С. 27.

движению²⁷¹. Исходя из данного факта, а также учитывая то, что в рамках отечественной исследовательской традиции теопэтика представлена не очень широко²⁷², данный параграф будет посвящён анализу творчества авторов, которых можно назвать «классиками» теопэтических изысканий. Среди них – С.Р. Хоппер, А.Н. Уайлдер, Р.А. Альвес, Р. Фабер, Р.М. Керни и Дж.Д. Капуто. Список, составивший данный «канон», включает далеко не все имена людей, определяющих сегодня теопэтическую традицию. Однако, и диссертационные ограничения, и ориентировка на целостные подходы, направленные на репрезентации содержания религиозного воображения, а не на исследования частного-уточняющего характера, определили выбор данного исследования.

Иные представители данного движения будут упомянуты, но в более частном порядке – для демонстрации их определения теопэтики и в качестве комментаторов уточняемых ими подходов. Итогом параграфа должно стать раскрытие общих для разработанных указанными авторами подходов методологических принципов, выражающих атрибутивные основания теопэтики как исследовательской стратегии.

Переходя в историческую плоскость и обращаясь к различным формам представления данного понятия, можно обнаружить, что оно появляется только в поздней античности и в связи с появлением христианства. К. Келлер, изучая интеллектуальное наследие того периода, связывает идею «теопэзиса» с христианским неоплатонизмом²⁷³. В дальнейшем термин «теопэзис» понимается в формате смысла «обоженье» и будет использоваться христианами авторами (восточного толка²⁷⁴, среди которых Климент Александрийский (θεολοιῶν²⁷⁵),

²⁷¹ Walton H. Theopoetics as challenge, change and creative making. *Literature & Theology*, V. 33. No. 3, September 2019. P. 229.

²⁷² Представлена только тремя авторами: Р.П. Соловий, А.А. Кириллов, Р.И. Французов и единственной, переведённой книгой: Миллер Д.Л. Ад и Святой дух. Теопэтика христианской веры. Изд.: «Кастилия», 2024. 230 с.

²⁷³ Keller C. Theopoetics and the Pluriverse: Notes on a Process. / Faber R. & Fackenthal J (eds.). *Theopoetic folds: philosophizing multifariousness*. / New York: Fordham University Press, 2013. P.181-182.

²⁷⁴ Западная традиция использовала латинский аналог данного термина и его производные – (deificatio). См напр.: Тертуллиан К.С.Ф. Апологетик. К Скапуле. СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2005. С. 134-135.: «Et hinc conceditis, opinor, illum deum **deificum** iustitia praecellere, qui non temere nec indigne nec prodige tantum praemium dispensarit».

²⁷⁵ Климент Александрийский. Увещание к язычникам. Кто из богатых спасётся. СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2006. С. 135.

Афанасий Великий (θεολογηθῶμεν²⁷⁶, θεολογῆσα²⁷⁷), Григорий Палама (θεολογός)²⁷⁸) в различных грамматических формах. Однако, будучи частью традиционного богословия, этот термин в соответствии с ранее указанными вызовами современности нуждался в переосмыслении.

Начался указанный процесс с основоположника современной теопозитики – С.Р. Хоппера, призывавшего современную теологию отказаться от традиционных интеллектуальных установок²⁷⁹; от того, «...чем мышление было традиционно...»²⁸⁰ занято. Считается, что впервые обновлённая теопозитика вошла в интеллектуальное поле в 1971 году во время публичной лекции этого американского исследователя²⁸¹. Однако раскрытие контекста рождения, содержания и эвристического потенциала указанного концепта, но без использования соответствующего слова, можно найти в написанном в 1967 году С.Р. Хоппером «Введении»²⁸² к сборнику статей, ставшим предтечей теопозитических исследований²⁸³.

Исследователь, участвуя в полемике, развернувшейся в гуманитарной среде того времени²⁸⁴, особое внимание уделил герменевтике. Данный метод является тем инструментом, что должен был помочь вскрыть проблемы религиозного дискурса и разработать новые способы осмысления и высказывания истины метафорическим языком²⁸⁵. Вопрос создания «гибкого» языка и основанного на нём привлекательного «живого» разговора о Боге, который включал бы не только

²⁷⁶ Афанасий Великий, свт. Арх. Александрийский. Творения (в 4-х частях). Ч.1. Изд.: Сергиев Посад, Свято Троицкая Сергиева Лавра, 1902. С. 260.

²⁷⁷ Афанасий Великий, свт. Арх. Александрийский. Творения (в 4-х частях). Ч.3. Изд.: Сергиев Посад, Свято Троицкая Сергиева Лавра, 1903. С. 312.

²⁷⁸ Григорий Палама. Сто пятьдесят глав. Краснодар: Текст, 2006. С. 127.

²⁷⁹ Hopper S.R. Symbolic Reality and the Poet's Task. Eranos-Jahrbuch, №34, 1965. P. 210.

²⁸⁰ Hopper S.R. The Literary Imagination and the Doing of Theology / Keiser R.M. & Stoneburner T. (eds.). The Way of Transfiguration: Religious Imagination as Theopoiesis. Louisville: Westminster/John Knox, 1992. P. 221.

²⁸¹ Кириллов А.А. Теопозитика и её тропология: анализ религиозного воображения в постсекулярном обществе. / Религия и постсекулярное мышление: российский контекст: монография. РнД.; Таганрог: Южный федеральный университет, 2021. С. 142.

²⁸² Hopper S.R. Introduction / Miller D. L (ed.). Interpretation: The Poetry of Meaning. New York: Harcourt Brace, 1967. Pp. IX–XXII.

²⁸³ Šimić. K. Teopoetika: genealogija i perspektiva. Diacovensia. 28.2, 2020. S. 251.

²⁸⁴ Keefe-Perry L.C. Way to water: a theopoetics primer. Eugene, Oregon: Cascade Books, 2014. Pp. 17-26.

²⁸⁵ Hopper S.R. Introduction. / Miller D. L (ed.). Interpretation: The Poetry of Meaning. New York: Harcourt Brace, 1967. P. XII.

механически²⁸⁶ заданные и математически выражаемые модели традиционной метафизической теологии²⁸⁷, но также отражал бы в повествовании факт реального существования человека на Земле²⁸⁸, факт мирового напряжения²⁸⁹, можно назвать основным во всём творчестве С.Р. Хоппера. Ставя радикальный вопрос: «Является ли теология в той мере, в какой она сохраняет методологическую верность традиционным методам, жизнеспособной вообще»²⁹⁰, исследователь призывает провести радикальную перестройку нарративных способов постижения божественного. Он обращается к поэзии как к форме «...постижения вещей в их сущности...»²⁹¹ и к творчеству поэтов, как тех, «...кто делает очевидным бытие»²⁹², чтобы с их помощью найти новые способы раскрытия сферы духовной жизни человека. Разработать новый способ репрезентации интуитивно данного откровения, основанного на совместном²⁹³ переживании, а не на личной аргументации, по-новому ставит вопрос о цели теологии. Не доказывать, но жить, не аргументировать, а экспрессировать, не думать, а выражать.

Перенос традиционного внимания с того, что и как есть «Бог» в рамках догматического богословия, на формы его представления в языке и интуиции человека²⁹⁴ – вот новизна, предложенная С.Р. Хоппером для преодоления кризисного состояния ума его времени. Традиционная теология же, по мнению автора, смешала научное и религиозное, «...внесла символическое в науки и свела тайны мироздания к знанию...»,²⁹⁵ оставив знание без конкретики, а веру без чуда. Омертвило живой опыт, представив его в форме общеизвестных и потерявших свою актуальность фраз и предложений, а между тем «...актуальный религиозный

---

²⁸⁶ Hopper S.R. The Literary Imagination and the Doing of Theology. / Keiser R.M & Stoneburner T (eds.). The Way of Transfiguration: Religious Imagination as Theopoiesis. Louisville: Westminster/John Knox, 1992. P. 224.

²⁸⁷ Там же. P. 251.

²⁸⁸ Hopper S.R. Introduction / Miller D. L (ed.). Interpretation: The Poetry of Meaning. / New York: Harcourt Brace, 1967. P. XV.

²⁸⁹ Там же. P. XVII.

²⁹⁰ Hopper S.R. The Literary Imagination and the Doing of Theology / Keiser R.M. & Stoneburner T. (eds.). The Way of Transfiguration: Religious Imagination as Theopoiesis. Louisville: Westminster/John Knox, 1992. P. 207.

²⁹¹ Hopper S.R. Introduction / Miller D.L (ed.). Interpretation: The Poetry of Meaning. New York: Harcourt Brace, 1967. P. XVII.

²⁹² Hopper S.R. Symbolic Reality and the Poet's Task. Eranos-Jahrbuch, №34, 1965. P.88.

²⁹³ Keefe-Perry L.C. Way to water: a theopoetics primer. Eugene, Oregon: Cascade Books, 2014. P. 29.

²⁹⁴ Там же. P. 27.

²⁹⁵ Hopper S.R. The Literary Imagination and the Doing of Theology / Keiser R. M & Stoneburner T (eds.). The Way of Transfiguration: Religious Imagination as Theopoiesis. Louisville: Westminster/John Knox, 1992. P. 208.

дискус связан с мифопоэтикой»²⁹⁶. Но что это такое? Признавая вслед за М. Хайдеггером поэтическую природу языка, С.Р. Хоппер утверждал, что «Теология должна быть поэзией Бытия»²⁹⁷, понимая под поэзией ещё и новый стиль выражения содержания религиозного воображения, формы репрезентации которого, будучи повествованием, могут быть названы мифом. Мифом – в том плане, что они отражают «со-бытие» Бога и человека в процессе речи, в акте совместного творчества²⁹⁸.

Таким образом, предлагая собственный ответ на «Смерть Бога», С.Р. Хоппер призвал к радикальному изменению способа нашего мышления²⁹⁹ о возвышенном. Акцентируя внимания на литературно-выразительных и герменевтических аспектах³⁰⁰ религиозного дискурса, автор стремился к перестройке теологической риторики. Не к чистой её критике, но к утверждению того, что она – «...не единственный и необязательно лучший способ думать и говорить о Боге...»³⁰¹ Этот пассаж предполагал пересмотр методологических основ самого языка, «...приведение в порядок с помощью риторических и поэтических приёмов...»³⁰²; переход с «...теологии, на теопоэзис»³⁰³, с рациональных аргументов в область религиозного воображения, где посредством мифа и поэтики рождается смысл³⁰⁴, определяющий перспективу развития теологического языка и его значимость для человека.

Религиозное воображение, будучи одним из самых важных элементов творчества С.Р. Хоппера, не могло остаться без внимания. А.Н. Уилдер был одним из первых, кто ввёл понятие «теопоэтика» в сферу гуманитарных наук³⁰⁵. В своих работах исследователь уделял особое внимание анализу функциональной и

²⁹⁶ Там же. P. 225.

²⁹⁷ Там же. P. 208.

²⁹⁸ Miller D.L. Theopoetry or Theopoetics? Cross Currents. 60.1, 2010. P. 6.

²⁹⁹ Hopper S.R. The Literary Imagination and the Doing of Theology / Keiser R. M & Stoneburner T (eds.). The Way of Transfiguration: Religious Imagination as Theopoiesis. Louisville: Westminster/John Knox, 1992. P. 207.

³⁰⁰ Соловьев Р.П. Теопоэтика и теополитика Джона Капуто // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отделения Рос. акад. наук, 2017. Т. 17, вып. 3. С. 9.

³⁰¹ Krabbe S.C. A Beautiful Bricolage: Theopoetics as God-Talk for Our Time. Wipf and Stock, 2016. P. 19.

³⁰² Keefe-Perry L.C. Way to water: a theopoetics primer. Eugene, Oregon: Cascade Books, 2014. P. 32.

³⁰³ Hopper S.R. The Literary Imagination and the Doing of Theology / Keiser R. M & Stoneburner T (eds.). The Way of Transfiguration: Religious Imagination as Theopoiesis. Louisville: Westminster/John Knox, 1992. P. 225.

³⁰⁴ Miller D.L. Theopoetry or Theopoetics. Cross Currents, 2010. P. 6-7.

³⁰⁵ Keefe-Perry L.C. Way to water: a theopoetics primer. Eugene, Oregon: Cascade Books, 2014. P. 28.

содержательно-символической составляющей указанного феномена³⁰⁶, считая, что «...именно на уровне воображения в первую очередь должны быть освоены судьбоносные вопросы нашего нового мирового опыта»³⁰⁷. Такой акцент на внутреннем мире, акте переживания и понимания не случаен. Исследователь, начав свой путь в профессиональной жизни как поэт, продолжал сохранять интерес к литературе, к её эвристическому потенциалу и к смысло-символическим составляющим во всём своём последующем научном творчестве. Воспринимая от своего предшественника терминологическую и проблематическую составляющие³⁰⁸, А.Н. Уилдер подходит к теопозитике иначе. Если для С.Р. Хоппера язык и его поэтико-репрезентативные возможности выражения содержания религиозного воображения были основным предметом исследовательского интереса, то для А.Н. Уилдера ключевым является проблема понимания выраженных в форме слов определённого текста элементов религиозного воображения.

Сама суть проблемы заключалась, с одной стороны, в том, что восприятие смысла, невозможно свести только к вопросу корректности перевода, ведь «...слова в лучшем случае являются лишь кратким изложением мысли, и что народные сказки рождаются в уме...»³⁰⁹ С другой же, само смысловое поле для нас остаётся скрытым – «...мы ограничены в работе со всей темой религиозного символа и религиозной риторики из-за наших современных категорий»³¹⁰. Для разрешения указанных затруднений автор призывает обратиться к гуманитарным наукам, опыт которых «...может оказаться полезным для более широкого гуманистического и риторического исследования»³¹¹. Учитывая такую методологическую ориентировку, понятным становится отрицание А.Н. Уилдером противопоставления логики и фантазии³¹². Более того, исследователь указывал, что «...теология справедливо принимает форму ясного мышления о Боге, вере и мире.

³⁰⁶ Šimić. K. Teopoetika: genealogija i perspektiva. Diacovensia. 28.2, 2020. S. 259.

³⁰⁷ Wilder A.N. Grace Confounding: Poems. Philadelphia: Fortress Press, 1972. P. IX.

³⁰⁸ Wilder A.N. Theopoetic: Theology and the Religious Imagination. Philadelphia: Fortress, 1976. P. IV.

³⁰⁹ Gaster T.H. Thespis: Ritual, Myth and Drama in the Ancient Near East. New York: Henry Schuman, 1961. P. 112

³¹⁰ Wilder A.N. Scholars, Theologians, and Ancient Rhetoric. Journal of Biblical Literature, V. 75, No. 1, 1956. P. 2.

³¹¹ Wilder A.N. Theopoetic: Theology and the Religious Imagination. Philadelphia: Fortress, 1976. P. 3.

³¹² Keefe-Perry L.C. Way to water: a theo-poetics primer. Eugene, Oregon: Cascade Books, 2014. P. 35.

В основе своей она имеет субстрат воображаемого понимания реальности и опыта... теологи всегда имели в своих мыслях этот пластичный и динамический элемент, который постоянно поддерживался общественным воображением их эпохи»³¹³.

Фактически развивая тезис С.Р. Хоппера о разнообразных формах репрезентации содержания религиозного воображения, автор поясняет, что связано это с тем, что мы «...неадекватно понимаем природу мифопоэтического языка»³¹⁴. Язык же, будучи «судьбой народа»³¹⁵, отражает историческую ограниченность³¹⁶ актуальности смысло-символического содержания. Указанный момент подводит к мысли о том, что исчерпывающее понимание религиозных текстов невозможно. Однако, единство религиозной традиции, «...связанное моментом откровения, в котором отражена непрерывность человеческой истории»³¹⁷, задаёт динамическое восприятия структур человеческого воображения. Фактически утверждая, что кризисное состояние является не «смертью», а «жизнью», исследователь говорит, что «Древний Завет... всё ещё остаётся в силе. Но его реальность надо видеть, слышать, ощущать, как истинную... в нашем языке. Эти представления должны воплотиться в жизнь в нашем собственном театре переживаний»³¹⁸. Добиться этого возможно посредством переноса смысло-символического содержания в наше собственное сознание «...в терминах христианской социологии»³¹⁹, посредством языка, отражающего изменения, происходящие в мире. Для этого и нужны поэты: «...истинные творцы и законодатели мира»³²⁰, творчество которых задаёт основание для целостного восприятия неорганизованного обыденного опыта посредством «...использования различных более старых слоёв-образов, приспособленных к новым целям»³²¹.

³¹³ Wilder A.N. *Theopoetic: Theology and the Religious Imagination*. Philadelphia: Fortress, 1976. P. 25.

³¹⁴ Wilder A.N. *Scholars, Theologians, and Ancient Rhetoric*. *Journal of Biblical Literature*, V. 75, No. 1, 1956. P. 8.

³¹⁵ Wilder A.N. *New Testament faith for today*. New York: Harper, 1955. P. 5.

³¹⁶ Wilder A.N. *Scholars, Theologians, and Ancient Rhetoric*. *Journal of Biblical Literature*, V. 75, No. 1, 1956. P. IX.

³¹⁷ Wilder A.N. *Theopoetic: Theology and the Religious Imagination*. Philadelphia: Fortress, 1976. P. 93.

³¹⁸ Wilder A.N. *Scholars, Theologians, and Ancient Rhetoric*. *Journal of Biblical Literature*, V. 75, No. 1, 1956. P. X.

³¹⁹ Wilder A.N. *Kerygma, Eschatology and Social Ethics* / Davies W. D & D. Daube. *The Background of the New Testament and its Eschatology: Studies in Honor of C.H. Dodd*. Cambridge: Cambridge University Press, 1956. P. 527.

³²⁰ Wilder A.N. *Early Christian rhetoric: the language of the Gospel*. Cambridge, MA.: Harvard University Press, 1971. P. 5.

³²¹ Wilder A.N. *Scholars, Theologians, and Ancient Rhetoric*. *Journal of Biblical Literature*, V. 75, No. 1, 1956. P. 10.

Исходя из сказанного, логично, что и сама «теопоэтика» А.Н. Уилдером понималась по-особому. Это не просто пересмотр языка теологии, это более широкий социальный проект³²², связанный «...не только с возрождением традиционного богословия, но и с установлением связи с новыми чувствами нашего времени, с его образами и культурами»³²³. Чтобы быть услышанным, надо быть понятым – это является главной идеей автора, если анализировать его позицию в контексте данного исследования. Так и в любой религии. Будучи основанной на представлении о божественном, она всегда стремилась выразить его различными образами, создавая собственную теопоэтику, которая изменялось вместе с движением времени³²⁴.

Ориентация на акт переживания религиозного опыта, выраженного в его концептуализации, всегда подразумевала приобщение к чему-то возвышенному. Некоторое совместное действие, при котором множество голосов призывали к Богу и жаждали его ответа. В этом всегда скрывалась тайна теопоэтики. Сокровенная цель, ради которой репрезентация и восприятие становились основанием для рассуждения. Однако, рассуждение подразумевает знание. Знание божественного. Знания о Боге. Знания того, что познать нельзя, но что окружает наше существование³²⁵. Признание «...наличия отсутствия...»³²⁶ – вот философская предпосылка всех размышлений Р.А. Альвеса. Начиная свою академическую карьеру с исследования, посвящённого теологическим основаниям человеческой надежды³²⁷, бразильский философ задаёт три тезиса, которые будут имманентно присутствовать во всех дальнейших размышлениях автора. Первый: «...язык рождается в теологической ситуации»³²⁸. Второй: «...язык человека является зеркалом его историчности»³²⁹. Третьей: «...цель языка состоит в освобождении

³²² Keefe-Perry L.C. *Way to water: a theopoetics primer*. Eugene, Oregon: Cascade Books, 2014. P. 38.

³²³ Wilder A.N. *Theopoetic: Theology and the Religious Imagination*. Philadelphia: Fortress, 1976. P. 7.

³²⁴ Wilder A.N. *Grace Confounding: Poems*. Philadelphia: Fortress Press, 1972. P. IX

³²⁵ Reblin I.A. *Waves of Liberation Theology: God non-science since Rubem Alves*. *Educar em Revista* 27, 2012. P. 4.

³²⁶ Alves R.A. *Transparencies of Eternity*. Convivium Press; First Edition, 2010. P. 15.

³²⁷ Диссертационная работа Р.А. Альвеса первоначально называлась «*A Theology of Liberation*» (Теология освобождения), однако потом была переименована в «*A theology of human hope*» (Теология человеческой надежды).

³²⁸ Alves R.A. *A theology of human hope*. New York, Corpus Books, 1971. P. XIII.

³²⁹ Там же. P. 4.

человека»³³⁰. В будущем, окончательно сформировавшись как философ и писатель, Р.А. Альвес будет извиняться за свой ранний академический стиль, что был использован ради науки³³¹. Избрав в дальнейшем иной способ изложения своих мыслей, один из зачинателей теологии освобождения³³² фактически демонстрирует тот факт, что свобода начинается с малого – со способа преподнесения себя и своего опыта, с признания себя в качестве равноценной части Вселенной³³³, что остаётся такой же прекрасной, как и была всегда³³⁴. В этом стремлении рождалась новая теология, новый поэтический способ говорения о Боге, новая теопэтика. Если С.Р. Хоппер и А.Н. Уилдер стремились подойти к данному феномену, как к определённой методологии, как к форме анализа средств репрезентации и интерпретации религиозного воображения и двигались от теории к поэзии, то Р.А. Альвес шёл в обратную сторону – не от традиционного «я мыслю, следовательно существую», но к поэтическому «где я думаю, там меня нет»³³⁵, т.е. от поэзии к теории, к «тео-поэтике»³³⁶.

Обращаясь к религии, исследователь утверждает, что данный феномен является «...потайным желанием, выражением ностальгии, надежды на удовлетворение... самых старых, сильных и неотложных желаний человека»³³⁷. Но что есть желание? По мнению бразильского исследователя – это мы сами³³⁸. Мы ничего не знаем, кроме того, того, что у нас есть тело³³⁹, а тело только ощущает, потому и Истина – Бог, Который «...пребывает во тьме тела, где не слышно слов»³⁴⁰, и более того, «Бог и есть тело человека»³⁴¹. Фактически утверждая религиозно-поэтический сенсуализм, Р.А. Альвес отказывается от онтологического

---

³³⁰ Там же. P. 159.

³³¹ Keefe-Perry L.C. *Way to water: a theopoetics primer*. Eugene, Oregon: Cascade Books, 2014. P. 47.

³³² Barreto R.C. *The Prophet and the Poet: Richard Shaull and the Shaping of Rubem Alves's Liberative Theopoetics*. *Religions* 12(4):251, 2021. Pp. 1-2.

³³³ Alves R.A. *The Poet, The Warrior, The Prophet*. Philadelphia: Trinity, 1990. P. 54.

³³⁴ Alves R.A. *I believe in the resurrection of the body*. Philadelphia: Fortress Press, 1986. P. 39.

³³⁵ Alves R.A. *The Poet, The Warrior, The Prophet*. Philadelphia: Trinity, 1990. P. 55.

³³⁶ Alves R.A. *Theopoetics: Longing and Liberation* / Getz L. M. & Costa R. O (eds.). *Struggles for Solidarity: Liberation Theologies in Tension*. Minneapolis: Fortress, 1992. P. 161.

³³⁷ Alves R.A. *What is religion?* Maryknoll, N.Y.: Orbis Books, 1984. P. 84.

³³⁸ Alves R.A. *I believe in the resurrection of the body*. Philadelphia: Fortress Press, 1986. P. 33.

³³⁹ Alves R.A. *Theopoetics: Longing and Liberation* / Getz L. M. & Costa R. O (eds.). *Struggles for Solidarity: Liberation Theologies in Tension*. Minneapolis: Fortress, 1992. P. 159.

³⁴⁰ Alves R.A. *The Poet, The Warrior, The Prophet*. Philadelphia: Trinity, 1990. P. 54.

³⁴¹ Alves R.A. *I believe in the resurrection of the body*. Philadelphia: Fortress Press, 1986. P. 30.

разделения субъекта и объекта. Бог обитает в нашем ощущении. В воспоминании, оставленном после акта; после ухода Ветра («Бог есть ветер»³⁴²). Но как выразить и использовать это ощущение? Вопрос выражения – вопрос историчный, ибо выражает тело, только личный опыт и собственные истории³⁴³. Указывая на то, что «...человеческий мир создан из слов»³⁴⁴, автор, с одной стороны, призывает к эсхатологической тишине³⁴⁵ – «...к пространству, где слова оживают и начинают звучать»³⁴⁶, с другой же, к поэтическому опыту – «...к магии, которая преобразует мир, вкладывая в него то невидимое, что раскрывается только в слове»³⁴⁷. К опыту, что, несмотря на свою красоту, обречён на невозможность полного вербального выражения своего содержания³⁴⁸. Что же касается использования, то тут автор более прозаичен. Считая в качестве истока своей теологии – «...эротическое изобилие жизни... за которое мы должны бороться, чтобы поделиться с миром...»³⁴⁹, Р.А. Альвес, как замечает Х. Кох, видит в Боге некоторый «...способ веры... который определяет особенность разговора о том, что требуется для создания и сохранения жизни...»³⁵⁰. Этот био-центризм, являющийся великой загадкой со множеством ответов³⁵¹, становится основанием для возвращения утерянного рая. Тут на земле, которую Бог предпочёл небесам³⁵².

Таким образом, Р.А. Альвес занимает особое место среди представителей теопэтики. Будучи теопэтом на практике, бразильский философ попытался применить принципы «невыразимого слова» для демонстрации своих идей, для их приготовления, подачи и потребления читателями³⁵³. Автор демонстрирует приоритет смысловой метафоры и яркого образа над логичным рассуждением и

---

³⁴² Alves R.A. *Theopoetics: Longing and Liberation* / Getz L. M. & Costa R. O (eds.). *Struggles for Solidarity: Liberation Theologies in Tension*. / Minneapolis: Fortress, 1992. P. 161.

³⁴³ Там же.

³⁴⁴ Alves R.A. *The Poet, The Warrior, The Prophet*. Philadelphia: Trinity, 1990. P. 3.

³⁴⁵ Там же. P. 25.

³⁴⁶ Там же. P. 30.

³⁴⁷ Alves R.A. *I believe in the resurrection of the body*. Philadelphia: Fortress Press, 1986. P. 8.

³⁴⁸ Alves R.A. *The Poet, The Warrior, The Prophet*. Philadelphia: Trinity, 1990. P. 96.

³⁴⁹ Puleo M. *The struggle is one: voices and visions of liberation*. Albany: State University of New York Press, 1994. P. 193.

³⁵⁰ Cox H. *Foreword* / Alves R. A. *A theology of human hope*. New York, Corpus Books, 1971. P. X.

³⁵¹ Alves R.A. *Tomorrow's child; imagination, creativity, and the rebirth of culture*. New York, Harper & Row, 1972. P. 195.

³⁵² Alves R.A. *Transparencies of Eternity*. Convivium Press; First Edition, 2010. P. 36.

³⁵³ Alves R.A. *Theopoetics: Longing and Liberation* / Getz L. M. & Costa R. O (eds.). *Struggles for Solidarity: Liberation Theologies in Tension*. Minneapolis: Fortress, 1992. P. 166.

концептуальным понятием в процессе раскрытия религиозного воображения. Веря, что «мысль требует пустоты...»³⁵⁴, Р.А. Альвес видит причину кризиса веры в том, что «... мы утратили способность находиться под влиянием того, что не понимаем. Любая тайна должна быть раскрыта...»³⁵⁵ Спасение теологии, которая стала наукой, состоит в том, что «логика «всемогущества мысли» продолжает толкать человека на создание видений, рождения движений и формирование жизни»³⁵⁶. Будущее принадлежит мечтам³⁵⁷, что дают импульс стремлениям к «эдемскому саду», «общине веры» – к образам, которые связаны с реализацией творческих способностей человека при организации социального пространства³⁵⁸ и при освобождении жизни.

Телесная ограниченность и индивидуальная замкнутость человеческого, опыта несмотря на то, что выступали основанием всех теоретических размышлений Р.А. Альвеса, находили своё разрешение в символизме в различных видимостях Бога, что представляли то, как Повар, готовящий слова к потреблению, то, как Ветер, оставляющий ощущение присутствия, то, как Садовник, что оформляет человеческое общежитие – Сад. В воображаемых образах, не сводимых к своему содержанию, что демонстрируют наличное отсутствие, отсылая к чему-то иному, недоступному. В данном подходе акцент делается не на содержании, а на форме. На стиле выражения, что должен оказывать влияние на человеческое мировосприятие, пробуждая общие ощущения при обращении различных людей к божественному.

Но мир сложен и разнообразен. Более того, он текуч и творчески изменяем. Именно эта становящаяся и самовоспроизводимая множественность, а также формируемое на её основании разнообразие религиозного опыта, является предметом интереса Р. Фабера. Признавая ограниченность языка, считая его «...лишь одной и форм символического взаимодействия... указывающей на

³⁵⁴ Alves R.A. *The Poet, The Warrior, The Prophet*. Philadelphia: Trinity, 1990. P. 27.

³⁵⁵ Alves R.A. *Theopoetics: Longing and Liberation* / Getz L. M. & Costa R. O (eds.). *Struggles for Solidarity: Liberation Theologies in Tension*. Minneapolis: Fortress, 1992. P. 166.

³⁵⁶ Alves R.A. *Tomorrow's child; imagination, creativity, and the rebirth of culture*. New York, Harper & Row, 1972. P. 77.

³⁵⁷ Alves R.A. *Theopoetics: Longing and Liberation* / Getz L. M. & Costa R. O (eds.). *Struggles for Solidarity: Liberation Theologies in Tension*. Minneapolis: Fortress, 1992. P. 167.

³⁵⁸ Alves R.A. *Tomorrow's child; imagination, creativity, and the rebirth of culture*. New York, Harper & Row, 1972. P. 198.

творческую сущность действительности»³⁵⁹, исследователь не только сохраняет академический стиль повествования³⁶⁰, но и призывает обратить внимание на наличную действительность, на «...непреодолимую неопределённость и прекрасную возможность её становления»³⁶¹. Испытав сильнейшее влияние А.Н. Уайтхеда³⁶², основателя «процессуальной теологии»³⁶³, Р. Фабер указывает, что «Бог формирует Вселенную, как процесс...»³⁶⁴, который можно рассматривать в качестве драмы, диалога и взаимного перехода противоположностей³⁶⁵. Сам же Бог в творчестве американского исследователя представлен по-особому – как «...событие творческого преобразования мира»³⁶⁶, выступающего и в качестве основания этого разнообразия³⁶⁷, и в роли условия единства процесса³⁶⁸ мирового становления, выраженного «...в уникальной множественности... разнообразных форм и тенденций космоса на всех уровнях...»³⁶⁹. Не являясь творцом, Бог гармонизирует разнообразные мировые процессы, оставаясь в согласии с ними³⁷⁰. Выступает в качестве Поэта³⁷¹, удерживающего Вселенную между универсальным стремлением к растворению в деятельности своего организатора и индивидуалистическими тенденциями к распаду на составные части³⁷². Тем самым

---

³⁵⁹ Faber R. *The becoming of God: process theology, philosophy, and multireligious engagement*. Eugene, Oregon: Cascade Books, 2017. P. 179.

³⁶⁰ Keefe-Perry L.C. *Way to water: a theopoetics primer*. Eugene, Oregon: Cascade Books, 2014. P. 72.

³⁶¹ Faber R. *Polyphilic Pluralism: Becoming Religious Multiplicities* / Boesel Ch. & Ariarajah W. (eds.). *Divine multiplicity: trinities, diversities, and the nature of relation*. New York: Fordham University Press, 2014. P. 64.

³⁶² Faber R. *The becoming of God: process theology, philosophy, and multireligious engagement*. Eugene, Oregon: Cascade Books, 2017. P. 1.

³⁶³ Keefe-Perry L.C. *Way to water: a theopoetics primer*. Eugene, Oregon: Cascade Books, 2014. P. 75.

³⁶⁴ Faber R. *God as poet of the world: exploring process theologies*. Louisville, KY: Westminster John Knox Press, 2008. P. 15.

³⁶⁵ Faber R. *The becoming of God: process theology, philosophy, and multireligious engagement*. Eugene, Oregon: Cascade Books, 2017. P. 178.

³⁶⁶ Faber R. *God as poet of the world: exploring process theologies*. Louisville, KY: Westminster John Knox Press, 2008. P. 15.

³⁶⁷ Keefe-Perry L.C. *Way to water: a theopoetics primer*. Eugene, Oregon: Cascade Books, 2014. P. 78.

³⁶⁸ Faber R. *The becoming of God: process theology, philosophy, and multireligious engagement*. Eugene, Oregon: Cascade Books, 2017. P. 180.

³⁶⁹ Faber R. *Introduction to Process Theology* / Diller J. & Kasher A. (eds.). *Models of God and Alternative Ultimate*. Springer Dordrecht Heidelberg. New York London, 2013. P. 313.

³⁷⁰ Faber R. *God as poet of the world: exploring process theologies*. Louisville, KY: Westminster John Knox Press, 2008. P. 163.

³⁷¹ Там же. P. 184.

³⁷² Faber R. *Bodies of the Void: Polyphilia and Theoplicity* / Boesel Ch. & Keller C. *Apophatic bodies: negative theology, incarnation, and relationality*. New York: Fordham University Press, 2010. P. 202.

Бог спасает её³⁷³, поддерживая процесс вечного становления³⁷⁴; выступая в роли «события... настойчивости в множественности...»³⁷⁵

Теология в таком контексте в качестве основания имеет не метафизическую конструкцию, объявляющую Бога своим предметом³⁷⁶, но акт реального переживания опыта Божьего откровения³⁷⁷. Мир также понимается иначе: не как множество онтологических сущностей, а как «...комплекс переживаний...»³⁷⁸. Исходя из сказанного, сам факт множественности бытия «...имеет религиозный характер»³⁷⁹. Признание плюрализма, выраженного автором в форме словосочетания «вкус к множественности», выступает гарантией свободы, «...порождает доверие, которое меняет смысл веры и священного»³⁸⁰, которое не может быть редуцировано³⁸¹ лишь к одному виду опыта или понимания³⁸². В рамках теологии, с одной стороны, это задаёт основу для «...оживления участия в конкретных духовных сообществах и их глубоких институциональных и текстуальных традициях...»³⁸³, а с другой, признаёт «...важность каждого отдельного взгляда и голоса»³⁸⁴ в репрезентации содержания религиозного воображения, задаёт отказ от закрытой ортодоксии с её монополией на истину в пользу исцеляющей неопределённости поэтики открытой Вселенной³⁸⁵.

Таким образом, теопэтика понимается Р. Фабером, «...как теология «перихорезиса» (взаимопроникновения, слияния всего сущего), где Вселенная есть

³⁷³ Faber R. *God as poet of the world: exploring process theologies*. Louisville, KY: Westminster John Knox Press, 2008. P. 163.

³⁷⁴ Там же. P. 181.

³⁷⁵ Faber R. *Bodies of the Void: Polyphilia and Theoplicity* / Boesel Ch. & Keller C. *Apophatic bodies: negative theology, incarnation, and relationality*. New York: Fordham University Press, 2010. P. 222.

³⁷⁶ Faber R. *On the Unique Origin of Revelation, Religious Intuition, and Theology*. *Process Studies*. V. 28, Fall-Winter, 1999. P. 203.

³⁷⁷ Там же. P. 195.

³⁷⁸ Faber R. *Introduction to Process Theology* / Diller J. & Kasher A (eds.). *Models of God and Alternative Ultimate*. Springer Dordrecht Heidelberg. New York London, 2013. P. 313.

³⁷⁹ Faber R. *Polyphilic Pluralism: Becoming Religious Multiplicities* / Boesel Ch. & Ariarajah W. (eds.). *Divine multiplicity: trinities, diversities, and the nature of relation*. New York: Fordham University Press, 2014. P. 59.

³⁸⁰ Там же. P. 68.

³⁸¹ Faber R. *Introduction to Process Theology* / Diller J., & Kasher A (eds.). *Models of God and Alternative Ultimate*. Springer Dordrecht Heidelberg/. New York London, 2013. P. 321.

³⁸² Faber R. *Polyphilic Pluralism: Becoming Religious Multiplicities* / Boesel Ch. & Ariarajah W. (eds.). *Divine multiplicity: trinities, diversities, and the nature of relation*. New York: Fordham University Press, 2014. P. 69.

³⁸³ Там же. Pp. 61-62.

³⁸⁴ Faber R. & Fackenthal J. *Introduction: The Manifold of Theopoetics* / Faber R. & Fackenthal J (eds.). *Theopoetic folds: philosophizing multifariousness*. New York London, 2013. P. 2.

³⁸⁵ Faber R. *Polyphilic Pluralism: Becoming Religious Multiplicities* / Boesel Ch. & Ariarajah W. (eds.). *Divine multiplicity: trinities, diversities, and the nature of relation*. New York: Fordham University Press, 2014. P. 74.

результат творческого приключения Бога...»³⁸⁶ Исполняющий роль Спасителя мира, Бог, воспринимаемый в силу наших дискурсивных ограничений, как поэтический образ³⁸⁷, также находится в вечном становлении и «...никогда не сопротивляется пересмотру»³⁸⁸. Более того, принятия историчности образа – ключевого элемента религиозного воображения, недостаточно. Нужно добиваться повторения откровения в современном мире, «...в новых условиях самораскрытия»³⁸⁹, свободных для восприятия и интерпретации³⁹⁰.

Однако, признание множественности и утверждение плюрализма всегда подразумевает некоторый дуализм. С одной стороны, восприятие себя в качестве субъекта, а с другой – принятие наличия «Другого», как равного, но отличного. Формируемый в такой гносеологической ситуации эпистемологический разрыв между «Я» и не «Я» выступает основанием для постановки проблемы об условиях восприятия этой чужеродности, для принятия её на равных правах. И если Р. Фабер разрешает указанное затруднение посредством онтологического статуса и функциональной заданности Бога, то для Р.М. Керни данный подход недостаточен. Исследователь делает акцент на восприятии, на Боге как на моменте присутствия другого³⁹¹ в сознании субъекта, который не только не может быть завершённым³⁹², но также подразумевает раскрытие целого измерения «иноковости»³⁹³; поэтического измерения как возможности «...стать на место «Другого»³⁹⁴. Соглашаясь с тем, что язык способен передавать наши представления о Боге³⁹⁵, автор обращается к опыту герменевтики³⁹⁶ и поэтики³⁹⁷ с целью реабилитации в

³⁸⁶ Faber R. *God as poet of the world: exploring process theologies*. Louisville, KY: Westminster John Knox Press, 2008. P. 179.

³⁸⁷ Faber R. & Fackenthal J. Introduction: *The Manifold of Theopoetics* / Faber R. & Fackenthal J (eds.). *Theopoetic folds: philosophizing multifariousness*. New York London, 2013. P. 4.

³⁸⁸ Faber R. *God as poet of the world: exploring process theologies*. Louisville, KY: Westminster John Knox Press, 2008. P. 318.

³⁸⁹ Faber R. *The becoming of God: process theology, philosophy, and multireligious engagement*. Eugene, Oregon: Cascade Books, 2017. P. 181.

³⁹⁰ Faber R. & Fackenthal J. Introduction: *The Manifold of Theopoetics* / Faber R. & Fackenthal J (eds.). *Theopoetic folds: philosophizing multifariousness*. New York London, 2013. P. 4.

³⁹¹ Kearney R.M. *Poetics of imagining Modern to Post-modern*. New York: Fordham University Press, 1998. P. 4.

³⁹² Kearney R.M. *Anatheism: returning to God after God*. New York: Columbia University Press, 2011. P. 114.

³⁹³ Kearney R.M. *Poetics of imagining Modern to Post-modern*. New York: Fordham University Press, 1998. P. 255.

³⁹⁴ Там же. P. 256.

³⁹⁵ Kearney R.M. *My way to theopoetics through Eriugena*. *Literature & Theology*. V. 33. №. 3, 2019. P. 234.

³⁹⁶ Keefe-Perry L.C. *Way to water: a theopoetics primer*. Eugene, Oregon: Cascade Books, 2014. P. 111.

³⁹⁷ Kearney R.M. *God making: an essay in theopoetic imagination*. *Journal of Aesthetics and Phenomenology*. V.4. №1. Pp. 34-36.

гуманитарном исследовательском поле «нарративного воображения»³⁹⁸ – атрибута человеческого существования³⁹⁹. Человек, таким образом, будучи обречённым на рассказывание историй⁴⁰⁰ (вариативных историй⁴⁰¹), в самой своей сути оказывается открытым для другого как «Чужого»⁴⁰². Это задаёт этическое основание для прощения⁴⁰³, выраженного в исповеди⁴⁰⁴, тем самым подразумевая чудо, что требует принятия⁴⁰⁵, а не знания⁴⁰⁶.

Такое интеллектуальное движение предполагает постоянное повторение, возвращения к самому животворящему⁴⁰⁷ и общему⁴⁰⁸ для всех людей образу – к Богу. Оставаясь в стороне от попыток формального определения Творца, Р.М. Керни анализирует поле экзистенциального переживания человека⁴⁰⁹; человека в мире, но не полностью от мира⁴¹⁰. В мире, где, можно наблюдать как проявления божественного в незначительном, а «...священного в мирском»⁴¹¹, видеть Бога в актах милосердия⁴¹², так и столкнуться с состоянием духовного кризиса или атеизма⁴¹³. Это наличная ситуация современной эпохи, «...которая наступает после смерти Бога»⁴¹⁴. Но это не конец. Исследователь, видя в кризисе надежду, предлагает путь возвращения к тому, «...что забыто, но что необходимо вспомнить»⁴¹⁵. Повторить опыт влюблённости в мир «...воплощённой бесконечности в конечном...»⁴¹⁶ и восприятия Бога, «...который только может

³⁹⁸ Kearney R.M. *Poetics of imagining Modern to Post-modern*. New York: Fordham University Press, 1998. P. 241.

³⁹⁹ Там же. P. 1.

⁴⁰⁰ Kearney R.M. *On stories*. Routledge. London and New York, 2002. P. 3.

⁴⁰¹ Kearney R.M. *Poetics of imagining Modern to Post-modern*. New York: Fordham University Press, 1998. P. 242.

⁴⁰² Kearney R.M. *Anatheism: returning to God after God*. New York: Columbia University Press, 2011. P. 22.

⁴⁰³ Kearney R.M. *Time, Evil, and Narrative*. Ricoeur on Augustine / Caputo J. D. & Scanlon M. J (eds.). *Augustine and postmodernism: confessions and circumfusion*. Bloomington: Indiana University Press, 2005. P. 156.

⁴⁰⁴ Там же.

⁴⁰⁵ Keefe-Perry L.C. *Way to water: a theopoetics primer*. Eugene, Oregon: Cascade Books, 2014. P. 114.

⁴⁰⁶ Kearney R.M. *Anatheism: returning to God after God*. New York: Columbia University Press, 2011. P. 170.

⁴⁰⁷ Kearney R.M. *My way to theopoetics through Eriugena*. *Literature & Theology*. V. 33. №. 3, 2019. P. 239.

⁴⁰⁸ Kearney R.M. *God making: an essay in theopoetic imagination*. *Journal of Aesthetics and Phenomenology*. V.4. №. 1. P. 33.

⁴⁰⁹ Kearney R.M. *On stories*. Routledge. London and New York, 2002. P. 38.

⁴¹⁰ Kearney R.M. *The God Who May Be: A Hermeneutics of Religion*. Indiana University Press, 2001. P. 109.

⁴¹¹ Kearney R.M. *Anatheism: returning to God after God*. New York: Columbia University Press, 2011. P. 166.

⁴¹² Kearney R.M. *The God Who May Be: A Hermeneutics of Religion*. Indiana University Press, 2001. P. 54.

⁴¹³ Kearney R.M. *God making: an essay in theopoetic imagination*. *Journal of Aesthetics and Phenomenology*. V.4. №. 1. P. 36.

⁴¹⁴ Там же.

⁴¹⁵ Kearney R.M. *God making: an essay in theopoetic imagination*. *Journal of Aesthetics and Phenomenology*. V.4. №. 1. P. 36.

⁴¹⁶ Kearney R.M. *Epiphanies of the Everyday: Toward a Micro Eschatology* / Manoussakis J. P (ed.). *After God*. Fordham University Press. 2006. P. 166.

быть... Экзотического Бога, что устраняет крайности атеистического и теистического... во имя тихого голоса, что шепчет и кричит в пустыне: Возможно...»⁴¹⁷

Указанное повторение (что позднее получит⁴¹⁸ название «анатеизм») наполняет представление о «теопозитике» новым содержанием. Понимаемая анатеизм, как «...приглашения для возвращения... на главную сцену религии: встрече с радикальным Незнакомцем, которого мы выбираем или не выбираем назвать Богом»⁴¹⁹, автор задаёт широкое поле взаимодействия божественного и человеческого. Бог, по идее автора, нуждается в человеке⁴²⁰, он призывает людей для того, «...чтобы обещанное слово Бытия было реализовано в воплощённых фигурах времени и пространства, в образах и плоти, в искусстве и действии»⁴²¹, для творческого переосмысления опыта прошлого⁴²². Такой подход характеризуется особой методологической установкой, направленной не на дискурсивное выражение религиозного воображения, но на собственную демонстрацию Бога⁴²³ посредством теопозитического искусства⁴²⁴. Способом, который предшествует любой спекуляции⁴²⁵ и является более воплощённым чем всякая догма⁴²⁶. Примером «...сотворчества человека и Бога, но... не... исключаящим (или элитарным). Ведь каждый призван участвовать в искусстве непрерывного поэзиса...»⁴²⁷, когда «Мы создаём Бога таким, каким Он создаёт нас...»⁴²⁸ Это игра⁴²⁹, «священное повторение»⁴³⁰ взаимного созидания, и является, по мнению Р.М. Керни

⁴¹⁷ Kearney R.M. *The God Who May Be: A Hermeneutics of Religion*. Indiana University Press, 2001. P. 85.

⁴¹⁸ Keefe-Perry L.C. *Way to water: a theopoetics primer*. Eugene, Oregon: Cascade Books, 2014. P. 113.

⁴¹⁹ Kearney R.M. *Anatheism: returning to God after God*. New York: Columbia University Press, 2011. P. 7.

⁴²⁰ Kearney R.M. *God making: an essay in theopoetic imagination*. *Journal of Aesthetics and Phenomenology*. V.4. №. 1. P. 32.

⁴²¹ Там же.

⁴²² Kearney R.M. *Time, Evil, and Narrative*. Ricoeur on Augustine / Caputo J. D. & Scanlon M.J (eds.). *Augustine and postmodernism: confessions and circumfusion*. Bloomington: Indiana University Press, 2005. P. 156.

⁴²³ Keller C. *Richard Kearney's Endless Morning*. *Philosophy & Social Criticism*, V. 30, №. 7, 2004. P. 890.

⁴²⁴ Kearney R.M. *God making: an essay in theopoetic imagination*. *Journal of Aesthetics and Phenomenology*. V.4. №. 1. P. 37.

⁴²⁵ Там же. С. 38.

⁴²⁶ Там же. С. 37.

⁴²⁷ Там же.

⁴²⁸ Там же. P. 42.

⁴²⁹ Там же. P. 32.

⁴³⁰ Там же. P. 36.

теопозитикой. Феноменом не только возвышенным, но и обыденным⁴³¹, ограниченным не только высоким искусством⁴³², но предполагающими бесконечные формы⁴³³ ответа на зов Творца.

Но что можно понимать под словами «Бог» или «Творец» в интеллектуальной среде, где, с одной стороны, произошёл отказ от тотальных нарративов (метанарративов)⁴³⁴, а с другой, совершился поворот к «риторической традиции»⁴³⁵ ради реализации этого отказа? Если упомянутые ранние исследователи не уделяли данному моменту особое внимание, то для Дж.Д. Капуто этот вопрос является определяющим. Рассматривая религию, как некоторое Событие, «...соглашение, что было заключено»⁴³⁶, а не как отдельную сферу человеческой жизни, возникшей в начале Нового времени⁴³⁷, исследователь обращается к опыту герменевтики⁴³⁸, чтобы глубже понять суть этого социального явления. Утверждая, что любая религия, в своих оформленных рамках является явлением историческим и случайным⁴³⁹, автор ищет общий знаменатель для всех религиозных парадигм⁴⁴⁰, «...иную универсальность... при которой возможно говорить с кем угодно... на любые темы...»⁴⁴¹ Ставя таким образом под сомнения даже собственные убеждения⁴⁴², Дж.Д. Капуто использует радикальную постмодернистскую теологию для деконструкции замкнутых на себе конфессиональных традиции⁴⁴³. Делает из деконструкции инструмент

⁴³¹ Kearney R.M. *Epiphanies of the Everyday: Toward a Micro Eschatology* / Manoussakis J.P. (ed.). After God. Fordham University Press, 2006. P. 3.

⁴³² Kearney R.M. *God making: an essay in theo poetic imagination*. Journal of Aesthetics and Phenomenology. V.4. №. 1. P. 38.

⁴³³ Kearney R.M. *Anatheism: returning to God after God*. New York: Columbia University Press, 2011. P. 32.

⁴³⁴ Волков В.Н. Постмодерн: недоверие к метанарративам // Культурное наследие России. 2015. №2. С. 3.

⁴³⁵ Трофимова И.В. Риторика и постмодерн // Записки Горного института. 2005. №1. С. 85.

⁴³⁶ Caputo J.D. *Spectral hermeneutics: on the weakness of God and the theology of the event* / Caputo J.D. & Vattimo G (eds.). After the Death of God. Columbia University Press, 2007. P. 70.

⁴³⁷ Капуто Дж. Как секулярный мир стал постсекулярным // Философско-литературный журнал «Логос», 2011. №3. С. 189.

⁴³⁸ Caputo J.D. *Theopoetics as Radical Theology* / Faber R. & Fackenthal J (eds.). *Theopoetic folds: philosophizing multifariousness*. New York London, 2013. P. 126.

⁴³⁹ Там же. P. 130.

⁴⁴⁰ Caputo J.D. *What to believe?: twelve brief lessons in radical theology*. New York: Columbia University Press, 2023. P. 130.

⁴⁴¹ Caputo J.D. *Theopoetics as Radical Theology* / Faber R. & Fackenthal J (eds.). *Theopoetic folds: philosophizing multifariousness*. New York London, 2013. Pp. 126-127.

⁴⁴² Caputo J.D. *The Insistence of God: a theology of perhaps*. Bloomington: Indiana University Press, 2013. P. 185

⁴⁴³ Соловьев Р.П. Теопозитика и теополитика Джона Капуто // Антиномии. 2017. №3. С. 11.

богословия⁴⁴⁴ ради раскрытия самого факта переживания веры, акта принятия Бога в свою жизнь и деятельность⁴⁴⁵, Бога, который просит и призывает к добру, но не принуждает к нему⁴⁴⁶; слабого или, возможно, даже убитого⁴⁴⁷ Бога.

Исходя из этого, исследователь говорит о необходимости формирования «слабой теологии», которая в противовес «сильной» вместо абсолютности догм, выражающих «...попытку закрепления единого... для всех религиозного опыта»⁴⁴⁸ и претендующих на «...привилегированный доступ к сущности вещей...»⁴⁴⁹, стремится «...преодолеть... идею Бога как о высшем существе»⁴⁵⁰, хочет оставаться в первоначальном контакте⁴⁵¹ с пёстрым материальным⁴⁵² миром, который не прячется за упрощающими жизнь метафизическими конструкциями⁴⁵³ сильного богословия, а настаивает на вопрошании⁴⁵⁴, позволяющем прорваться к тому, что стоит за именем Бога⁴⁵⁵ – к Событию.

Но что такое «Событие»? Объявляя данный феномен предметом радикального богословия⁴⁵⁶, исследователь видит в нём нечто сокровитное, нечто, с одной стороны, «вечно истинное»⁴⁵⁷, а с другой, постоянно формируемое, стремящееся к выражению и направленное на обозначение⁴⁵⁸. Событие является тем, «...что пробуждается как кипящая потенциальность, но не сводится к

⁴⁴⁴ Keefe-Perry L.C. *Way to water: a theoetics primer*. Eugene, Oregon: Cascade Books, 2014. P. 102.

⁴⁴⁵ Caputo J.D. *On religion*. New York London, 2001. P. 141.

⁴⁴⁶ Коначева С.А. "Бог без суверенитета" и "священная анархия" царства: "слабая" теология как теополитический проект // Социологическое обозрение. 2022. №2. С. 218.

⁴⁴⁷ Keefe-Perry L.C. *Way to water: a theoetics primer*. Eugene, Oregon: Cascade Books, 2014. P. 104.

⁴⁴⁸ Данненберг А.Н. Христианство между модерном и постмодерном: критические размышления // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2015. №4. С. 75.

⁴⁴⁹ Caputo J.D. *Theoetics as Radical Theology* / Faber R. & Fackenthal J (eds.). *Theoetic folds: philosophizing multifariousness*. New York London, 2013. P. 129.

⁴⁵⁰ Caputo J.D. *The Folly of God: a theology of the unconditional*. Polebridge Press, 2015. P. 3.

⁴⁵¹ Соловьев Р.П. Теопэтика и теополитика Джона Капуто // Антиномии. 2017. №3. С. 11.

⁴⁵² Коначева С.А. "Бог без суверенитета" и "священная анархия" царства: "слабая" теология как теополитический проект // Социологическое обозрение. 2022. №2. С. 221.

⁴⁵³ Caputo J.D. *Radical Hermeneutics*. Indiana University Press, 1988. P. 1.

⁴⁵⁴ Caputo J.D. *Theoetics as Radical Theology* / Faber R. & Fackenthal J (eds.). *Theoetic folds: philosophizing multifariousness*. New York London, 2013. P. 134.

⁴⁵⁵ Caputo J.D. *Spectral hermeneutics: on the weakness of God and the theology of the event* / Caputo J. D. & Vattimo G (eds.). *After the Death of God*. Columbia University Press, 2007. P. 65.

⁴⁵⁶ Caputo J.D. *Theoetics as Radical Theology* / Faber R. & Fackenthal J (eds.). *Theoetic folds: philosophizing multifariousness*. New York London, 2013. P. 132.

⁴⁵⁷ Caputo J.D. *Spectral hermeneutics: on the weakness of God and the theology of the event* / Caputo J. D. & Vattimo G (eds.). *After the Death of God*. Columbia University Press, 2007. P. 46.

⁴⁵⁸ Там же. P. 48.

актуальности»⁴⁵⁹. Некоторый беспокойный⁴⁶⁰ акт переживания добровольного «приглашения»⁴⁶¹ к истине, «...которую необходимо сделать реальной и осознать»⁴⁶². Иными словами, под «событием» Дж.Д. Капуто понимает неопределённое, нередуцируемое и недеконструируемое побуждение, призывающее к тому, что должно быть исторически оформлено – названо⁴⁶³. Происхождение его связано с «Откровением» недоступного для разумного понимания⁴⁶⁴ и неожиданного⁴⁶⁵ раскрытия мира⁴⁶⁶ во всём его многообразии, во множестве⁴⁶⁷ сингулярных⁴⁶⁸ откровений. Бог в таком понимании тоже является «Событием». Точнее, историческим словом или именем, за которым скрывается «Событие», как некая «...динамика в вещах, побуждающая их... быть такими, какими они могут быть... Бог – это самое реальное в них (вещах)»⁴⁶⁹.

Таким образом, меняя методологическую установку с поиска корректных средств выражения божественного на утверждение надежды о том, что за неопределённостью всё-таки Бог существует⁴⁷⁰, автор подвергает сомнению «концепцию непостижимого Бога»⁴⁷¹. Бог – это бесконечно интерпретируемое, но неопределённое желание⁴⁷², «...событие, посредством которого я становлюсь самим собой, и событие, посредством которого Бог становится Богом»⁴⁷³, призыв к справедливости. Слабая теология же в таком контексте говорит о том, как «...применить и перевести авторитетную фигуру Бога христианства к

---

⁴⁵⁹ Там же. P. 51.

⁴⁶⁰ Caputo J.D. The Theopoetic Reduction: Suspending the Supernatural Signified Literature and Theology. V. 33, №3, 2019. P. 249.

⁴⁶¹ Caputo J.D. The Weakness of God: A Theology of the Event. Bloomington: Indiana University Press, 2006. P. 32.

⁴⁶² Там же P. 16.

⁴⁶³ Caputo J.D. Spectral hermeneutics: on the weakness of God and the theology of the event / Caputo J. D. & Vattimo G (eds.). After the Death of God. Columbia University Press, 2007. P. 46.

⁴⁶⁴ Caputo J.D. Theopoetics as Radical Theology / Faber R. & Fackenthal J (eds.). Theopoetic folds: philosophizing multifariousness. New York London, 2013. P. 137.

⁴⁶⁵ Там же. P. 138.

⁴⁶⁶ Там же. P. 139.

⁴⁶⁷ Там же.

⁴⁶⁸ Коначева С.А. "Бог без суверенитета" и "священная анархия" царства: "слабая" теология как теополитический проект // Социологическое обозрение. 2022. №2. С. 137.

⁴⁶⁹ Caputo J.D. Spectral hermeneutics: on the weakness of God and the theology of the event / Caputo J. D. & Vattimo G (eds.). After the Death of God. Columbia University Press, 2007. P. 65.

⁴⁷⁰ Keefe-Perry L.C. Way to water: a theo-poetics primer. Eugene, Oregon: Cascade Books, 2014. P. 100.

⁴⁷¹ Caputo J.D. The Folly of God: a theology of the unconditional. Polebridge Press, 2015. P. 11.

⁴⁷² Сороколетов Н. В. Радикальная теология Джона Капуто: Бог как событие. Вопросы богословия, 1. 5, 2021. С. 137.

⁴⁷³ Caputo J.D. What to believe?: twelve brief lessons in radical theology. New York: Columbia University Press, 2023. P. 145.

современному миру...»⁴⁷⁴ В связи с этим, с одной стороны, христианству нужно переосмыслить своё отношение к секуляризации, поскольку современная европейская культура является порождением христианства, но где «...не рассказывают о трансцендентных событиях вечности, а говорят об историческом времени, где живут люди»⁴⁷⁵.

С другой же, необходимо изменить подход к разуму⁴⁷⁶: «...отсутствие надёжной метафизической теологии не было препятствием для веры и религии; это было характерной чертой библейской веры, как еврейской, так и христианской»⁴⁷⁷. Следовательно, надо организовать иные, не тотальные, но настойчивые⁴⁷⁸ и бессильные разговоры о Боге⁴⁷⁹. Необходимо обратиться к неограниченной поэтике⁴⁸⁰ – к «...созвездию дискурсивных стратегий и практик, в которых и посредством которых создаётся или формируется мир»⁴⁸¹ перед лицом страдания и для сострадания⁴⁸², «...открывая для нас альтернативный образ жизни»⁴⁸³. В этом и состоит теопэтика. Будучи воплощением слабой теологии⁴⁸⁴, где Бог – не более чем имманентное эхо событий⁴⁸⁵, она направлена на раскрытие истины, «...не столько объяснением события, сколько причастием... к этому событию... чтобы двигаться вместе с ним в том же ритме...»⁴⁸⁶, поэтизируя, формируя в этом движении жизненный мир⁴⁸⁷.

Разобрав таким образом основные подходы в рамках теопэтики, мы видим, что данная исследовательская традиция неоднородна. Можно видеть отличие как

---

⁴⁷⁴ Caputo J.D. Spectral hermeneutics: on the weakness of God and the theology of the event / Caputo J. D. & Vattimo G. (eds.). After the Death of God. Columbia University Press, 2007. P. 85

⁴⁷⁵ Там же. P. 75.

⁴⁷⁶ Caputo J.D. Radical Hermeneutics. Indiana University Press, 1988. P. 222.

⁴⁷⁷ Caputo J.D. On religion. New York London, 2001. P. 57.

⁴⁷⁸ Caputo J.D. The Insistence of God: a theology of perhaps. Bloomington: Indiana University Press, 2013. P. 176.

⁴⁷⁹ Caputo J.D. The Theopoetic Reduction: Suspending the Supernatural Signified Literature and Theology. V. 33, №3, 2019. P. 249.

⁴⁸⁰ Caputo J.D. Theopoetics as Radical Theology / Faber R. & Fackenthal J (eds.). Theopoetic folds: philosophizing multifariousness. New York London, 2013. P. 138.

⁴⁸¹ Там же. P. 139.

⁴⁸² Caputo J.D. Radical Hermeneutics. Indiana University Press, 1988. P. 272.

⁴⁸³ Caputo J.D. The Theopoetic Reduction: Suspending the Supernatural Signified Literature and Theology. V. 33, №3, 2019. P. 249.

⁴⁸⁴ Caputo J.D. Theopoetics as Radical Theology / Faber R. & Fackenthal J (eds.). Theopoetic folds: philosophizing multifariousness. New York London, 2013. P. 141.

⁴⁸⁵ Там же. P. 140.

⁴⁸⁶ Caputo J.D. The Folly of God: a theology of the unconditional. Polebridge Press, 2015. P. 71.

⁴⁸⁷ Caputo J.D. Theopoetics as Radical Theology / Faber R. & Fackenthal J (eds.). Theopoetic folds: philosophizing multifariousness. New York London, 2013. P. 139.

на уровне репрезентативно-методологическом, включающем аксиоматические установки, предмет исследования, стилистику описания, так и на уровне общеисследовательском, где определение теопозитики не является строго заданным. Так, обращаясь к представителям теопозитической традиции второго порядка, можно обнаружить широкий спектр определений интересующего нас понятия: Методологическая установка, направленная на признание неопределённости божественного⁴⁸⁸ – Л.К. Кииф-Перри; стратегия человеческого определения в ситуации отсутствия чётких значений, доступных разуму и вере⁴⁸⁹, – Д.Л. Миллер; эстетическая форма выражения духовного поиска⁴⁹⁰ – С.М. Шнайдерс; полифонический дискурс⁴⁹¹ – К. Келлер; особый жанр теологического размышления⁴⁹² – С. Холланд; целостный образ мышления⁴⁹³ – Дж.Д. Уивер; форма богословского размышления⁴⁹⁴ – Р. Фабер; стиль письма⁴⁹⁵ – М. Гинн; способ организации богословия⁴⁹⁶ – Р.Д. Макколл; метод интерпретации и форма религиозного мышления⁴⁹⁷ – Т.Ф. Дейли.

Такое широкое разнообразие определений, связанных с частными методологическими особенностями исследовательских установок, тем не менее находит своё единство в теопозитической исследовательской традиции. Данный факт даёт основания для поиска условий, обеспечивающих указанную целостность некоторых общих принципов, в рамках которых теопозитика может быть рассмотрена не просто как абстрактная традиция, но как неоднородная исследовательская стратегия, направленная на репрезентацию содержания религиозного воображения.

---

⁴⁸⁸ Keefe-Perry L.C. *Way to water: a theoetics primer*. Eugene, Oregon: Cascade Books, 2014. P. 130.

⁴⁸⁹ Miller D.L. *Theopoetry or Theoetics?*. *Cross Currents*. 60.1, 2010. P. 9.

⁴⁹⁰ Schneiders S.M. *Biblical Spirituality / Lincoln A. T. The Bible and Spirituality: Exploratory Essays in Reading Scripture Spiritually*. Eugene, OR: Cascade, 2013. P. 145.

⁴⁹¹ Keller C. *Theopoetics and the Pluriverse: Notes on a Process / Faber R & Fackenthal J (eds.). Theoetic folds: philosophizing multifariousness*. New York: Fordham University Press, 2013. P. 193.

⁴⁹² Holland S.A. *Theopoetics of Seeking Cultures of Peace*. *Theopoetics*. V.1. №.1, 2014. P. 84.

⁴⁹³ Weaver, J.D. *Foreword / Gundry J. G. Songs from an Empty Cage: Poetry, Mystery, Anabaptism, and Peace*. Telford, PA: Cascadia, 2013. P. 13.

⁴⁹⁴ Livingston R. *Roland Faber: Process theology as theoetics. Process perspectives*. Summer 2006. P. 12.

⁴⁹⁵ Guynn M. *Theopoetics: That the Dead May Become Gardeners Again*. *Cross Currents*, 2006. P. 99.

⁴⁹⁶ McCall R. *Liturgical Theoetic: The Acts of God in the Act of Liturgy. Worship*. № 71, 1997. P. 402.

⁴⁹⁷ Dailey T.F. *Eucharist & the Theoetics of Encounter according to St. Francis de Sales / Chorpenning J. (ed.). Human Encounter in the Salesian Tradition*. Rome, 2007. P. 63.

Обобщая вышеназванный исторический анализ, можно выделить следующую совокупность методологических принципов современной теопозетики:

1. Акцентирование внимания не на поэзии, а на поэтике как на размышлении о природе создания смысла (К. Келлер⁴⁹⁸), на его отражении (С. Холланд⁴⁹⁹) в теологических мыслеформах (Д.Л. Миллер⁵⁰⁰) и искусстве (Х. Уилтор⁵⁰¹);
2. Историческая заданность (А.А. Кириллов⁵⁰²) полидискурсивности (Р. Фабер и Дж. Факенталь⁵⁰³), выраженной в культуре (Дж.Д. Капуто⁵⁰⁴);
3. Многообразии методов, которые с помощью различных выразительных средств (М.С. ЛоПрестли⁵⁰⁵) организуют процесс (Л.К. Кииф-Перри⁵⁰⁶) поэтического обращения к божественному (Р.А. Альвес⁵⁰⁷, С.Р. Хоппер⁵⁰⁸);
4. Ориентация на воображение: общественное (А.Н. Уилдер⁵⁰⁹), религиозное (Д.Л. Миллер⁵¹⁰) или нарративное (Р.М. Керни⁵¹¹), в рамках которого онтологическое многообразие мира не только не может быть отделено от своих качественных характеристик, но и является условием целостного восприятия исторически заданной реальности (М. Хейвуд⁵¹²);
5. Выраженный полифонизм, который подразумевает множественность индивидуальных способов обращения к божественному (С. Лоран⁵¹³).

⁴⁹⁸ Keller C. *Theopoetics and the Pluriverse: Notes on a Process* / Faber R. & Fackenthal J (eds.). *Theopoetic folds: philosophizing multifariousness*. New York: Fordham University Press, 2013. Pp. 185-187.

⁴⁹⁹ Holland S. *Theology Is a Kind of Writing: The Emergence of Theopoetics*. Vol. 47, No. 3, *Understanding Václav Havel* (FALL 1997). P. 324.

⁵⁰⁰ Миллер Д.Л. *Ад и Святой дух. Теопоэтика христианской веры*. Изд.: «Кастилия». С. 12.

⁵⁰¹ Walton H. *Theopoetics as challenge, change and creative making*. *Literature & Theology*, V. 33. No. 3, September 2019. P. 229.

⁵⁰² Кириллов. А.А. *Теопоэтика и её тропология: анализ религиозного воображения в постсекулярном обществе / Религия и постсекулярное мышление: российский контекст: монография*. РнД; Таганрог: Изд: Юфу, 2021. С. 155.

⁵⁰³ Faber R. and Fackenthal J. *Introduction: The Manifold of Theopoetics* / Faber R. & Fackenthal J (eds.). *Theopoetic folds: philosophizing multifariousness*. New York: Fordham University Press, 2013. P. 2.

⁵⁰⁴ Caputo J.D. *Spectral hermeneutics: on the weakness of God and the theology of the event* / Caputo J. D. & Vattimo G (eds.). *After the Death of God*. Columbia University Press, 2007. P. 75.

⁵⁰⁵ LoPresti M.S. *Poiesis, Fides, et Ratio in the Absence of Relativism* / Faber R. & Fackenthal J (eds.). *Theopoetic folds: philosophizing multifariousness*. New York: Fordham University Press, 2013. Pp. 84-85.

⁵⁰⁶ Keefe-Perry L.C. *Theopoetics: Process and Perspective*. *Christianity & Literature*. V. 58, №. 4, 2009. P. 586.

⁵⁰⁷ Alves R.A. *Tomorrow's child; imagination, creativity, and the rebirth of culture*. New York, Harper & Row, 1972. P. 198.

⁵⁰⁸ Hopper S. *The Literary Imagination and the Doing of Theology* / Keiser M., Stoneburner T (eds.). *The Way of Transfiguration: Religious Imagination as Theopoiesis*. Louisville: Westminster John Knox, 1992. P. 207.

⁵⁰⁹ Wilder A.N. *Theopoetic: Theology and the Religious Imagination*. Philadelphia: Fortress, 1976. P. 25.

⁵¹⁰ Miller D.L. *Theopoetry or Theopoetics?* *Cross Currents*, 2010. Pp. 6-7.

⁵¹¹ Kearney R.M. *Poetics of imagining Modern to Post-modern*. New York: Fordham University Press, 1998. P. 241.

⁵¹² Halewood M. *Reality, Eternality, and Colors: Rimbaud, Whitehead, Stevens* / Faber R. & Fackenthal J (eds.). *Theopoetic folds: philosophizing multifariousness*. New York: Fordham University Press, 2013. Pp. 27-28.

⁵¹³ Schneider L.C. *Kierkegaardian Theopoiesis: Selfhood, Anxiety, and the Multiplicity of Human Spirits* / Faber R. & Fackenthal J (eds.). *Theopoetic folds: philosophizing multifariousness*. New York: Fordham University Press, 2013. Pp. 55-56.

Подходя к заключению, сделаем несколько выводов. Во-первых, современная теопэтика – явление, которое зародилось в рамках культуры постмодернизма. Выступая в качестве реакции на «человеческое убийство Бога», указанная исследовательская традиция стремится посредством осмысления культурной эпохи вывести христианство на новый разговор о Боге, добиться нового откровения в современных исторических условиях, воскресить умершего творца в культуре, тем самым обеспечивая её смысловую и историческую целостность. Во-вторых, постмодернистский контекст задаёт особенности теопэтики как феномена междисциплинарного, использующего для достижения своих целей инструменты из различных областей гуманитарного знания. В-третьих, теопэтика в исследовательском поле представлена неоднородно. Разнообразие методологических подходов к изучению религиозного воображения не позволяет дать ему однозначное определение. Это, с одной стороны, показывает активное развитие данной традиции, а с другой – создаёт главную сложность в исследовании данного феномена в контексте современной интеллектуальной культуры.

Таким образом, определяя теопэтику как исследовательскую стратегию и выделяя ряд принципов, обеспечивающих её единство, мы не только конкретизируем данное понятие в рамках гуманитарного знания, но также и задаём основания для её исторического анализа, для поиска её фундаментальных оснований, уходящих в более древние времена, чем эра Вселенских Соборов. В эпоху Древней Греции, культурные элементы которой так или иначе присутствуют как в христианской интеллектуальной традиции⁵¹⁴, так и в современной теопэтике, такой методологический ход, с одной стороны, обосновывает изменение исследовательской траектории, которая первоначально предполагала движение от современности к древности, а теперь утверждает путь от классической Греции к постмодерну; с другой стороны, данный шаг актуализирует обращение к греческой античности и к её пространству эллинской религиозности, её теологических и

---

⁵¹⁴ Lenz J.R. Deification of the Philosopher in Classical Greek / Christensen M. J., Wittung J. A (ed.). Partakers of the Divine Nature: The History and Development of Deification in the Christian Traditions. Madison, NJ: Fairleigh Dickson University Press, 2007. P. 62.

поэтических форм репрезентации, которые будут проанализированы в следующем параграфе.

1.3. Теопозитические основания древнегреческой культуры

Греческая античность представляет собой непреходящую ценность для европейской и российской культур. Это обусловлено местом, которое эллинская цивилизация занимает в мировой и европейской истории. Древнегреческая культура выступает в качестве своеобразной «точки опоры», в роли воспроизводящейся в истории⁵¹⁵ колыбели европейского самосознания. Подобное особое положение цивилизации эллинов окончательно превращает её в символическое⁵¹⁶ «зеркало», отражение в котором (с оговорками⁵¹⁷) порождает «таинство откровения» культуры перед самой собой.

После актуализирования моментов по эллинской культуре, теперь необходимо прояснить следующий вопрос: что представляет из себя данный феномен, воспринятый как целостность (модель)? Обращаясь к предельным и оттого философским характеристикам греческой античности, представленным в исследовательской литературе, можно столкнуться с утверждением, что данное явление определяется как чудо. Такую позицию высказал французский историк религий Э. Ренан в своих воспоминаниях. Исследователь не только поставил значимость греческой культуры в один ряд с иудео-христианской⁵¹⁸, но также определил её, как явление чудесное «...произведение, созданное лишь однажды, не имевшее себе образца в прошлом, произведение, которое уже не повторится, влияние которого будет жить вечно: это тип неумиряющей красоты, чуждый всякого местного или национального оттенка»⁵¹⁹.

⁵¹⁵ Драч Г.В. Античная культура и европейская цивилизация: идеи М.К. Петрова // Научная мысль Кавказа. 2023. №2 (114). С. 26.

⁵¹⁶ Кассирер Э. Избранное: опыт о человеке. М., 1998. С. 573.

⁵¹⁷ Матузкова Е.П. Культурная идентичность: к определению понятия // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2014. №2. 62-68 с.

⁵¹⁸ Ренан Э. Собрание сочинений Эрнеста Ренана: в 12 т.: Т. 10: Воспоминание детства и юности. / пер. с фр. под ред. В.Н. Михайлова. Киев: Б. К. Фукс, 1902. С. 34.

⁵¹⁹ Там же.

В дальнейшем, несмотря на то, что указанная точка зрения будет доминировать в отношении восприятия античности, вопросы причин, породивших это чудо, и условий восприятия обсуждаемой культурно-исторической общности, как феномена «чудесного», не раз становились предметом полемических обсуждений. Так, к примеру советский философ Г.Н. Волков не просто указывает, что «греческое чудо» – это «...внезапное возникновение и стремительное развитие такой философии, которая дала могучий толчок всему дальнейшему интеллектуальному развитию»⁵²⁰, но также считает, что раскрыть его загадку невозможно. Особенность данной позиции заключается в особенности выбранной автором формулировки. Греческое чудо, сведённое к одной из граней эллинского интеллектуального поля (философии), оказывается важным лишь потому, что прокладывает путь науке. Данная позиция, с одной стороны, основывается на утверждении плюрализма философий, а с другой, ограничивается научно-прогрессивным монизмом. Это неявным образом согласуется с идеей Э. Ренана о чуде, как о явлении единичном, но значимом для всего мира. Однако, воспринятый через «материалистическую призму» вопрос «внезапности возникновения» распространяется на область социального разнообразия эллинской ойкумены, как полисной цивилизации, как места, где Афины соседствовали со Спартой⁵²¹.

Другой советский исследователь иначе понимал греческое чудо. Акцентируя внимание на особенности греческой цивилизации Ю.В. Андреев писал, что «... "греческое чудо" было создано гением греческого народа. Но гений – это всегда неожиданность, всегда отклонение от нормы, всегда счастливый случай»⁵²². Данная позиция не только изменяет понимание чуда, ограничивая его только афинским образом жизни, но и легитимизирует его ценностным понятием «гений». Последнее скорее наделяет носителей эллинского цивилизационного кода необычными качествами, чем даёт ответ о причинах, которые сделали их «гениальными», а их культуру – особенной.

---

⁵²⁰ Волков Г.Н. У колыбели науки. М.: ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1971. С. 32.

⁵²¹ Там же. С. 38.

⁵²² Андреев Ю.В. Цена свободы и гармонии: несколько штрихов к портрету греческой цивилизации. СПб., 1998. С. 18.

По-другому к характеристике «особенности» жизненного уклада древних греков подходит Э.Ф. Фролов. Считая, что главная особенность греков состоит в «...сугубом рационализме, повышенной роли сознательного творческого начала»⁵²³, антиковед пытается найти социально-экономические основания данного явления. И находит их в свободном времени: «В античном мире отличительным качеством свободного человека считалось... обладание досугом... – условием для творческого труда свободных людей, для развития своеобразной духовной культуры...»⁵²⁴

Иначе своеобразие греческой ойкумены предстаёт в трудах А.И. Зайцева. Охватывая понятием чудо «...радикальные сдвиги всех сторон культуры...»⁵²⁵, антиковед видит их причину в широком внедрении железа в производственные и бытовые процессы, что привело к значительной трансформации греческого общества. В случае Древней Греции, данный процесс привёл к полисной организации социального пространства, характеризующегося политической децентрализацией, что задаёт основу для состязательной характеристики греческого народа – агональности⁵²⁶. Перенесённый из сферы общественной в область интеллектуальную, описываемый феномен привёл к формированию дедуктивного мышления, основанного на доказательстве и наблюдении, т.е. всего того, что является основой для научного знания⁵²⁷.

Иначе агональность, как отличительная черта эллинов, представлена у Ф.К. Кессиди. Как уже указывалось в прошлом параграфе, отличительная черта эллинской цивилизации – это открытие идеи гражданина⁵²⁸. Гражданина, как человека равного другим представителям полиса, т.е. согражданам. И эта идея самодостаточности, выраженной в равенстве, задавала особый состязательный тон общественных взаимоотношений, особую атональность в процессе отстаивания своих прав среди равных. Такое понимание агональности, рассмотренное не с

⁵²³ Фролов Э.Д. Факел Прометея: очерки античной общественной мысли. Изд-во Ленинград. ун-та, 1991. С. 10.

⁵²⁴ Там же. С. 12.

⁵²⁵ Зайцев А.И. Культурный переворот в Древней Греции VIII—V вв. до н. э. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2000. С. 244.

⁵²⁶ Там же. С. 245.

⁵²⁷ Там же. С. 245-246.

⁵²⁸ Кессиди Ф.Х. От мифа к логосу (Становление греческой философии). М.: «Мысль», 1972. С. 201.

точки зрения полисной детерминации, но в качестве менталитета⁵²⁹ или некоторого «национального характера»⁵³⁰, открывает пространство для антропологической проблематики человека, как условия и итога культуры – темы, подробнейшим образом, разработанной в специальном исследовании Г.В. Драча⁵³¹.

Особое место в антропологической интерпретации феномена греческого чуда занимает позиция М.К. Петрова. Определяя исследуемый феномен, как комплекс проблем, с которыми сталкивается исследователь при системном анализе античной эпохи⁵³², автор пытается раскрыть его посредством обращения к античному человеку как основанию анализируемой культурно исторической общности, к личности, как к «...исходному универсальному материалу всех философских конструкций»⁵³³. Эта конкретизация представления о чуде, как о проблеме с указаниями на путь её решения посредством «...выяснения средних характеристик среды... и... поиск таких феноменологических ситуаций, которые были бы достаточно типичны и вместе с тем силой навязывали бы человеку психологическую установку на самосознание»⁵³⁴, переносит исследовательский акцент с общности на личность, способную существовать среди таких же личностей⁵³⁵. Данный факт задаёт особые правила, ограничивающие общественную жизнь гражданскими законами⁵³⁶, превращая творчество в профессионализм⁵³⁷, а универсальное обыденное разнообразие деятельности в специализацию со своими собственными правилами активности⁵³⁸.

Таким образом, М.К. Петров переворачивает представление о чуде. Не греческая античность, как миг, сохранённый в веках, но универсальный человек, ставший основанием не только эллинской, но и современной цивилизации,

⁵²⁹ Кессиди Ф.Х. О «Греческом чуде» и менталитете древних греков // *Философия и общество*. 2003. №1. С. 135.

⁵³⁰ Суриков И. Е. Полис, логос, космос. Мир глазами эллина. Категории древнегреческой культуры. М.: Вече, 2014. С. 16.

⁵³¹ Драч Г.В. Рождение античной философии и начало антропологической проблематики Ч. 1. / *История античной философии и культуры: избранные труды*. / Т. 1. РнД; Таганрог: Изд.: Юфу, 2023. С. 7-352.

⁵³² Петров М.К. *Античная культура*. М.: РОССПЭН, 1997. С.7.

⁵³³ Петров М.К. *Искусство и наука. Пираты Эгейского моря и личность*. М.: РОССПЭН, 1995. С. 233.

⁵³⁴ Петров М.К. *Античная культура*. М.: РОССПЭН, 1997. С. 41.

⁵³⁵ Там же. С. 44.

⁵³⁶ Там же. С. 237.

⁵³⁷ Там же.

⁵³⁸ Там же. С. 238.

является чудом, никак не объяснимой и оттого и притягательной загадкой, но и как конкретной научной проблемой, связанной с объяснением возникновения человека-личности, обладающего «...личной собственностью на самого себя и окружающий мир...»⁵³⁹

Исходя из вышеприведённого анализа, видно, что парадоксальным образом идея «греческого чуда» сохранилась в исследовательской среде, где марксистская исследовательская парадигма была определяющей. Очевидно, что данное положение вещей не могло бы возникнуть без смещения исследовательского фокуса с религиозного аспекта понимания чуда на социально-культурный контекст, связанный с анализом причин уникальности и значимости эллинской цивилизации. По результатам данной работы, можно сказать, что сложившаяся ситуация не только не преуменьшает значимость древнегреческой культуры, но, наоборот, она в ещё большей степени актуализирует её, задаёт новое пространство исследований, как бы демонстрируя, что чудеса не только связаны с небом, но их присутствуют на земле.

Интересно, что в западной исследовательской среде с большим скепсисом подходили к оценке греческой цивилизации. Так, А. Боннар, считая эллинов самым обыкновенным народом, прямо утверждает, что их «...цивилизация распускалась и возвращалась на том же чернозёме суеверий и мерзостей, на котором выросли все народы мира, – в этом нет никакого чуда, но сказывается влияние некоторых благоприятных обстоятельств и тех изобретений, появление которых было вызвано повседневным трудом и нуждами самого греческого народа»⁵⁴⁰. Ключевой фактор, определяющий специфическое восприятие культуры античных эллинов, состоит в том, что «...именно этот народ... изобрёл цивилизацию – нашу с вами цивилизацию»⁵⁴¹. Такое нигилистическое нивелирование значимости особенного места Древней Греции в рамках общеевропейского основания цивилизации становится понятной при более подробном ознакомлении с биографией

---

⁵³⁹ Петров М.К. Античная культура. М.: РОССПЭН, 1997. С. 82.

⁵⁴⁰ Журавлёв Ю.В. Андре Боннар и чудо греческой цивилизации / Боннар А. Греческая цивилизация. Т. 1. Изд.: «Феникс», РнД, 1994. С. 27.

⁵⁴¹ Там же.

исследователя. С одной стороны, влияние ортодоксального марксизма, требующего развенчания всего чудесного⁵⁴²; объяснение его материальными причинами. С другой, – опыт первой мировой войны, сделавший из автора пацифиста⁵⁴³, что ярко выражено в эпиграмматическом комментарии позиции «греческого чуда»: «О Греция искусств и разума... как ты вымазана землёй, пахнешь потом и перепачкана кровью!»⁵⁴⁴ Без ответа эта позиция не осталась. И уже упомянутый советский исследователь Ю.В. Андреев справедливо подмечает, что, исходя из позиции А. Боннара, «...непонятно... почему именно греки изобрели настоящую науку, а вместе с ней и многое другое?..»⁵⁴⁵ Ведь невозможно особенность (отклонение) греческой цивилизации (чуда) «...вывести прямо и непосредственно из длинного ряда предшествующих ему предков. Именно поэтому греческая цивилизация не может считаться итогом... Древнего мира»⁵⁴⁶.

Немного иначе, но с таким же скепсисом к древней эллинской культуре подходит Л. Гернет, называя словосочетание «греческое чудо» «...литературной формулой»⁵⁴⁷. Исследователя интересует положительное содержание античной цивилизации, которое, за ветхостью письменных свидетельств возможно раскрыть через анализ социальной предыстории⁵⁴⁸.

Контекст указанного скептицизма ясен. Естественность происхождения неявно предполагает, что анализируемая культурно-историческая общность должна восприниматься как нормальное явление, может быть научно объяснена, охарактеризована с точки зрения тех прогрессивных тенденций, что определили место греческой культуры в истории общеевропейской цивилизации. Такой подход абсолютизирует аспект социальной данности и нивелирует ценностно-мировозренческую составляющую, разрывает их, помещая миф в область

⁵⁴² Журавлев Ю.В. Андре Боннар и чудо греческой цивилизации / Боннар А. Греческая цивилизация. Т. 1. Изд.: «Феникс», РнД, 1994. С. 7.

⁵⁴³ André Bonnard // Le Dictionnaire historique de la Suisse (DHS). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://hls-dhs-dss.ch/fr/articles/016026/2002-11-21/>. (Дата обращения 10. 10. 2022).

⁵⁴⁴ Журавлев Ю.В. Андре Боннар и чудо греческой цивилизации / Боннар А. Греческая цивилизация. Т. 1. Изд.: «Феникс», РнД, 1994. С. 27.

⁵⁴⁵ Андреев Ю.В. Цена свободы и гармонии: несколько штрихов к портрету греческой цивилизации. СПб., 1998. С. 17.

⁵⁴⁶ Там же. С. 18.

⁵⁴⁷ Gernet L. les grecs sans miracle. Éditions La Découverte, Paris, 1983. S. 21.

⁵⁴⁸ Там же. S. 22.

случайной фантазии, а общественные отношения – в среду общезначимой реальности, создавая однобокое и ограниченное представление о древнегреческом обществе. Между тем основа любой цивилизации – удивительное разнообразие социальных взаимодействий, обусловленное множеством факторов, совпадение которых в пространстве и времени действительно выглядит как чудо. Чудо, которое не выбивается из естественного хода вещей, но воспроизводит его в веках. Исходя из описанной ситуации, справедливо выглядит замечание С.П. Родоканачи, которая указала: «Греческое чудо, на первый взгляд, может показаться невозможным. Но стоит лишь прикоснуться к сухой земле, как перед нами раскроются влажные недра, где оно обретает жизнь»⁵⁴⁹.

Исходя из сказанного, следует, что заданная интерпретация подразумевает два момента. Во-первых, особое понимание чуда, обеспечивающее целостное восприятие греческой античности как культурной модели. Во-вторых, раскрытие особенностей духовной составляющей, что выражает мировоззренческие основания эллинского народа. В случае первого аспекта обратимся к А.Ф. Лосеву. Развивая в работе «Диалектика мифа» особую, однако достаточно спорную⁵⁵⁰, но подходящую для данного исследования концепцию чуда, автор утверждает, что описываемое явление не может быть оторвано от образа цельной личности⁵⁵¹. Оно представляет из себя «диалектический синтез двух планов личности, когда она целиком и насквозь выполняет на себе лежащее в глубине её исторического развития задание...»⁵⁵²

Иными словами, «чудо» будучи феноменом символическим⁵⁵³, а потому неминуемо связанным с мифическим сознанием⁵⁵⁴, выражает «...совпадение случайно протекающей эмпирической истории личности с её идеальным заданием...»⁵⁵⁵ Явленное в слове, в форме личностной истории чудо оказывается

⁵⁴⁹ Rodocanachi C.P. Athens and the Greek Miracle. The Beacon Press, 1951. P. 191.

⁵⁵⁰ Астапов С.Н. Личностно-символическая концепция чуда в философии А.Ф. Лосева // Гуманитарные и социальные науки. 2015. №2. С. 47.

⁵⁵¹ Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М.: Мысль, 2001. С. 190.

⁵⁵² Там же. С. 186.

⁵⁵³ О том, что такое символ у А.Ф. Лосева см подробнее: Оболевич Т. От имяславия к эстетике. Концепция символа Алексея Лосева. Историко-философское исследование. М.: Изд.: ББИ, 2014. С. 301-368.

⁵⁵⁴ Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М.: Мысль, 2001. С. 170.

⁵⁵⁵ Там же. С. 190.

частью мифа, выражающего единство самосознания субъекта с той исторической реальностью, которая дала фактологический материал для формирования описываемого повествования⁵⁵⁶.

Таким образом, сводя «чудо» не к сверхъестественному, но к особому символическому восприятию действительности, А.Ф. Лосев раскрывает область «мифологического сознания», где содержатся все атрибутивные характеристики античного мышления. Будучи априори заданным в рамках мифо-чудесного основания, всё его содержание оказывается теологически окрашенным. Возникающий на такой базе образ действительности является полным богов и одушевлённым⁵⁵⁷, местом, где эллин «...сумел вступить в душевное общение... с божествами, переломить их жизнь в своём сознании и влить в них живое понимание себя»⁵⁵⁸.

Такое пространство теопозитического восприятия, понимаемого как определённым образом организованного в историях мира, позволяет, наконец, перейти ко второму аспекту заданной интерпретации греческого чуда – к мировоззренческому. Вопрос раскрытия особенности эллинского мировоззрения подразумевает анализ источников, где содержатся его атрибутивные элементы, т.е. требуется переход в область интеллектуальной культуры как пространства литературы. Но греческая античность породила множество литературных жанров, где миф, как единичный повествовательный элемент, и мифология, как нарративная система, выражали различные функции и по-разному были представлены. Такое единство в разнообразии подразумевает, с одной стороны, признание того факта, что миф является не единственной формой репрезентации человеческого опыта, а с другой, требует конкретизации представлений о мифе и мифологии в контексте диссертационного исследования.

В случае первого замечания, необходимо вспомнить об отношении «логоса» к «мифу». Подробнее указанный аспект будет обсуждаться ниже. В данный

---

⁵⁵⁶ Там же. С. 173.

⁵⁵⁷ Вундт М. Греческое мировоззрение. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 20010. С. 3.

⁵⁵⁸ Зелинский Ф.Ф. История античных религий. Т. I — III. СПб.: Издательский проект «Квадриум»; Алетейя, 2017. С. 31.

момент укажем лишь солидарность с мнением Ж.-П. Вернана, призвавшего к осторожному⁵⁵⁹ и конкретно-текстологическому⁵⁶⁰ подходу при противопоставлении указанных понятий в контексте наличествующих в интеллектуальной культуре эллинов «...разных типов рациональности»⁵⁶¹.

В случае второго замечания необходимо отметить, что миф и мифология – это сложные явления культуры⁵⁶². Обусловлено это теми функциональными аспектами, которые данные явления затрагивают в любой культурно-исторической общности: психологические⁵⁶³, социально-политические⁵⁶⁴, идеологические⁵⁶⁵ и т.д. Указанная многоаспектность, с одной стороны, и различная смысловая нагрузка самого понятия «миф», с другой, задают проблему в рамках определения и использования данного понятия. Особенно оно осложняется при обращении к конкретному историческому периоду (Древняя Греция), где анализируемый пласт общественного сознания присутствует.

Первое, на что необходимо обратить внимание, так это на соотношения вышеназванных понятий. Если подойти с точки зрения филологии, то видно, что первое слово является частью второго. Кроме того, понятие «миф» (μῦθος)⁵⁶⁶ оказывается тесно связано с понятием «логос» (λόγος)⁵⁶⁷, которые со времён Ф.Х. Кессиди⁵⁶⁸ в антиковедении были строго разделены. Исходя из сказанного, описанная ситуация начинает приобретать особую значимость, выражение которой надо искать в контексте словоупотребления, а не индивидуального значения⁵⁶⁹.

Отдельно вопрос соотношения данных понятий, их смыслового содержания и употребления в рамках античной философской литературной традиции

⁵⁵⁹ Вернан Ж.-П. Происхождение древнегреческой мысли. М.: Прогресс, 1988. С. 21.

⁵⁶⁰ Там же. С. 23.

⁵⁶¹ Там же. С. 20.

⁵⁶² Марулис Д. История определения античной греческой мифологии // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2018. №1 (212). С. 151-162.

⁵⁶³ Лобок А.М. Психология мифа: дис. ... док. Псих. наук в форме науч. докл.: 19.00.11. Москва, 1998. 55 с.

⁵⁶⁴ Петров Н.В., Тимофеев В.Г. Миф как социокультурный феномен // Вестник ЧГУ. 2010. №4. С. 133-137

⁵⁶⁵ Цельковский А.А. Мифология и идеология: роль рациональности в их взаимодействии: Липецк: Изд.: Липецкого государственного технического университета, 2014. 180 с.

⁵⁶⁶ Μῦθος // Древнегреческо-русский словарь Дворецкого И.Х. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.woabula.ru/словари/древнегреческо-русский-словарь-дворецкий/μῦθος>. (Дата обращения 02.05.2023).

⁵⁶⁷ Λόγος // Древнегреческо-русский словарь Дворецкого И.Х. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.woabula.ru/словари/древнегреческо-русский-словарь-дворецкий/λογος>. (Дата обращения 02.05.2023).

⁵⁶⁸ Кессиди Ф.Х. От мифа к логосу (Становление греческой философии). М.: «Мысль», 1972. С. 107.

⁵⁶⁹ Тихо-Годи, А.А. Греческая мифология. М.: Искусство, 1989. С. 7-8.

исследовался множеством авторов: С.Н. Трубецким⁵⁷⁰, К. Морганом⁵⁷¹, Р. Фаулером⁵⁷², К. Боттичи⁵⁷³, Г.Р.Ф. Феррари⁵⁷⁴, М. Диксоном⁵⁷⁵, К. Колобертом⁵⁷⁶, А.Ф. Лосевым⁵⁷⁷. Но поскольку цель данного параграфа заключается в изучении мифа, как основы античной теопэтики, то наша предварительная работа будет сосредоточена на формировании ключевых понятий.

В связи с указанной целью раскроем содержание анализируемого понятия: «Мифология (от греч. μῦθος – предание, сказание и λόγος – слово, понятие, учение) – форма общественного сознания; способ понимания природной и социальной действительности, характерный для ранних этапов развития общества»⁵⁷⁸. В рамках указанного определения можно выделить два важных аспекта. Первый связан с общественным (коллективным) сознанием, содержащим различные, свойственные для рассматриваемой культуры ценности и смыслы⁵⁷⁹ – основа самосознания и самоидентификации субъекта⁵⁸⁰. Второй – историческая конкретика; качественная характеристика анализируемой эпохи, заданная разнообразием духовной и материальной культур, и выраженная, в общественном бытии людей⁵⁸¹.

Однако это определение недостаточно. Остаётся ограниченно раскрытым вопрос связи мифа, как единичной истории, и мифологии, как системы, где эти истории могут быть по-разному представлены. Уже исходя из этого отношения

⁵⁷⁰ Трубецкой С.Н. Учение о логосе в его истории / Сочинения. М.: Мысль, 1994. С. 44-204.

⁵⁷¹ Morgan K.A. Myth and Philosophy from the Presocratics to Plato. Cambridge University Press, 2000. 322 p.

⁵⁷² Fowlers R.L. Mythos and logos. The Journal of Hellenic Studies, V. 131, 2011. Pp. 45-66.

⁵⁷³ Bottici C. Mythos and Logos: A Genealogical Approach. Epoché: A Journal for the History of Philosophy 13 (1): (2008). Pp. 1-24.

⁵⁷⁴ Ferrari G.R.F. Plato and Myth. The Freedom of Platonic Myth / Collobert C., Destrée, P. Gonzales, F.J (eds.). Studies on the Use and Status of Platonic Myths. Leiden-Boston: Brill, 2012. Pp. 67-87.

⁵⁷⁵ Dixsaut M. Myth and Interpretation / Collobert C., Destrée, P. Gonzales, F.J (eds.). Studies on the Use and Status of Platonic Myths. Leiden-Boston: Brill, 2012. Pp.25-34.

⁵⁷⁶ Collobert C. The Platonic Art of Myth-Making: Myth as Informative Phantasma / Collobert C., Destrée, P. Gonzales, F. J (eds.). Studies on the Use and Status of Platonic Myths. Leiden-Boston: Brill, 2012. Pp.87-108.

⁵⁷⁷ Лосев А.Ф. История античной эстетики (в 8 томах). Т.7. К. 2. Последние века. М.: АСТ; Х.: Фолио, 2000. С. 442-478.

⁵⁷⁸ Мифология // Новая философская энциклопедия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://gufo.me/dict/philosophy_encyclopedia/МИФОЛОГИЯ (Дата обращения 28.12.2023).

⁵⁷⁹ Бетильмерзаева М.М. Сущность общественного сознания: становление смыслов // Общество: философия, история, культура. 2023. №7 (111). С. 14-20.

⁵⁸⁰ Чернявская Ю.В. Идентичность на фоне мифа // Антропологический форум. 2008. №8. С. 198-202.

⁵⁸¹ Payment S. Greek mythology. New York: Rosen Pub. Group, 2006. Pp. 6-7.

можно утверждать, что за мифами стоит определяющая роль⁵⁸² в рамках описываемой структуры⁵⁸³.

С другой стороны, непроясненными остаются вопросы форм проявления и конфигураций важнейших элементов мифологического сознания: богов, героев, людей, предсказателей, гадателей и т.д.⁵⁸⁴ Представленные в форме историй, мифы задают определённый сюжет, который, с одной стороны, соответствует логике наличной действительности, а с другой стороны – по сути своей является живым миром,⁵⁸⁵ воображаемым с особой системой смысловых отношений и связей⁵⁸⁶.

Переходя к мифу, соглашаемся со следующим определением: «Миф – форма целостного массового переживания и истолкования действительности при помощи чувственно-наглядных образов, считающихся самостоятельными явлениями реальности»⁵⁸⁷. В данном содержании есть две важные идеи. Первая – идея целостности. Мифологическая история – органически целостна и включает в себя как факт интуитивного переживания мира, так и формы его репрезентации. Совокупность таких историй выступают в роли строительного схематического материала⁵⁸⁸ для соответствующей формы общественного сознания – мифической⁵⁸⁹, выраженной в мировоззрении носителя, жившего в описываемой эпохе.

Вторая – реальность и чувственная наглядность описываемых в повествовании образов. Единство описываемой картины мира, обусловленное рядом повествовательных сюжетов⁵⁹⁰, где за каждым явлением природы или культуры стоит самостоятельная божественная сущность разного порядка⁵⁹¹.

⁵⁸² Армстронг К. Краткая история мифа. М.: Открытый Мир, 2005. С. 81

⁵⁸³ Kirk G.S. Myth: Its Meaning and Functions in Ancient and Other Cultures. University of California Press, 1973. P. 8.

⁵⁸⁴ Nagar S., Goldberg H.E. Myth-Ritual-Symbol / Bendix R. F, Hasan-Rokem G (eds.). A Companion to Folklore. Wiley-Blackwell Publishing Ltd, 2012. P. 125.

⁵⁸⁵ Зелинский Ф.Ф. История античных религий. Т.1-3. СПб.: Изд. про. «Квадриум»; Алетейя, 2017. С.29.

⁵⁸⁶ Голосовкер Я. Логика мифа. М.: Главная редакция восточной литературы из. «Наука», 1987. С. 18

⁵⁸⁷ Миф // Новейший философский словарь Грицанова А. А. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://gufo.me/dict/philosophy_encyclopedia/%D0%9C%D0%98%D0%A4%D0%9E%D0%9B%D0%9E%D0%93%D0%98%D0%AF. (Дата обращения 02.01.2023).

⁵⁸⁸ Буркерт В. Греческая религия. Архаика и классика / Пер. с нем. М. Витковской и В. Витковского. СПб.: Алетейя, 2004. С. 217.

⁵⁸⁹ Лосев. А.Ф. М. Из ранних произведений. М.: Правда, 1990. С. 396.

⁵⁹⁰ Голосовкер Я. Логика мифа. М.: Главная редакция восточной литературы. «Наука», 1987. С. 19

⁵⁹¹Найдыш В.М. Философия мифологии. От античности до эпохи романтизма. М.: Гардарики. 2002.С. 25-26.

Предвосхищая, таким образом, содержание рабочего определения, необходимо подчеркнуть, что оно должно включать в себя как факт общего для всех носителей определённого культурного кода, психологического переживания действительности⁵⁹², так и условие восприятия этого переживания как истинного⁵⁹³. Иными словами, данное понятие должно снимать вопрос о легитимизации какой-либо истории – условия её вхождения в мифологическое сознание, обусловленное древностью⁵⁹⁴, которая воспринимается не как далёкое и недостижимое прошлое, но как проверенная временем и наличная истина⁵⁹⁵.

Обобщая всё вышесказанное, определим мифологию, как «...форму общественного сознания, характерную для ранних этапов развития общества и представляющую собой сложную систему повествовательных и обонятельных сюжетов-схем (мифов), в которых содержатся исторические представления людей о себе, о мире, о своём положении в мире и об отношениях с миром и богами»⁵⁹⁶.

Переходя к мифологии, будем иметь в виду, что, являясь понятием собирательным⁵⁹⁷, оно включает в себя не только выразительные элементы, связанные с повествовательным выражением культурного смысла⁵⁹⁸, но также ещё и не скованные критическим восприятием гносеологические⁵⁹⁹ элементы. Тем не менее репрезентация мифологического содержания репрезентируется в определённом повествовании⁶⁰⁰, обладающем собственным сюжетом⁶⁰¹ и отражающем особое состояние нашего мира⁶⁰². Мифологические сюжеты для

⁵⁹² Отто В. Греческие боги: Картина божественного в зеркале греческого духа. СПб.: Владимир Даль, 2019. С. 57.

⁵⁹³ Вен. П. Греки и мифология: вера или неверие? Опыт о конституирующем воображении. М.: Искусство, 2003. С. 26.

⁵⁹⁴ Грималь. П. Греческая мифология / Зорько И.Б., Марголина Н.Я., Беляева М.М, Яновская Е.В (ред.). Искусство и миф. Сборник. М.: Издательство «Весь Мир», 2017. С.12.

⁵⁹⁵ Алымова Е.В. Начало греческой философии. Академия / Материалы и исследования по истории платонизма. Межвузовский сборник. Выпуск 2. Под ред. д-ра филос., наук Р. В. Светлова, канд. философ, наук А.В. Цыба СПб.: Изд. СПб. Унив., 2000. С. 110.

⁵⁹⁶ Французов Р.И. Философия Платона: разумный миф или мифический разум? Южный полюс. Исследования по истории современной западной философии, 2022. №1-2. С. 37-38.

⁵⁹⁷ Кереньи К. Что такое мифология? / Мифология // М.: Три квадрата, 2022. С. 32.

⁵⁹⁸ Каминская Е.А. Культурные смыслы мифов и их отражение в традиционном фольклоре // Вестник ЧГАКИ. 2015. №4 (44). С. 50.

⁵⁹⁹ Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. М.: Академический проект, 2021. С. 13.

⁶⁰⁰ Прилуцкий А.М. К вопросу о семиотическом анализе мифологических дискурсов // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2015. №3. С. 45.

⁶⁰¹ Голубева М.В. Главное в истории мифологии. Ключевые сюжеты, темы, образы, символы. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2024. С. 42.

⁶⁰² Morgan. K.A. Myth and Philosophy from the Presocratics to Plato. Cambridge University Press, 2000. P. 291.

людей, воспринимающих античность в качестве классики, знакомы всем с детства. Связано это с включенностью древнегреческого наследия в современную культуру⁶⁰³. Достаточно вспомнить работы Н.А. Куна⁶⁰⁴, Я.Э. Голосовкера⁶⁰⁵, М.Л. Гаспарова⁶⁰⁶ или Ф.Ф. Зелинского⁶⁰⁷, представляющие собой переработанные и обобщённые в форме завершённых рассказов и историй. Уже исходя только из этих, достаточно наивных пересказов, видна значимая роль божеств и «даймонов» (духи, гении, демоны, души) в жизни людей⁶⁰⁸. Семейная жизнь⁶⁰⁹, свадьбы⁶¹⁰, нравы и обычаи⁶¹¹, рождение детей⁶¹², война⁶¹³, расселение⁶¹⁴, интимная жизнь⁶¹⁵, повседневная жизнь⁶¹⁶, врачевание и медицина⁶¹⁷, правосудие⁶¹⁸, политическая жизнь⁶¹⁹, право наследования власти⁶²⁰, театральные постановки (причём как по функции очищения так и по сюжетам)⁶²¹, праздники⁶²², спорт⁶²³, похороны⁶²⁴, – вся жизнь представителей древнегреческого общества так или иначе была детерминирована⁶²⁵ различными мифологическими сюжетами, выступающими в качестве ценностно-смыслового основания (инобытия⁶²⁶) для социально значимых

⁶⁰³ Бакстон. Р. Греческая мифология, сформировавшая наше сознание. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2023. С. 265.

⁶⁰⁴ Кун Н. Легенды и мифы Древней Греции. Изд.: Эксмо, 2020. 579 с.

⁶⁰⁵ Голосовкер Я.Э. Сказания о титанах. М.: Нива России, 1993. 265 с.

⁶⁰⁶ Гаспаров М.Л. Занимательная Греция; Капитолийская волчица / М.: Изд.: «Э», 2017. 624 с.

⁶⁰⁷ Зелинский Ф.Ф. Сказочная древность. М.: Изд.: «Культура», 1994. 367 с.

⁶⁰⁸ Французов Р.И. Философия Платона: разумный миф или мифический разум? Южный полюс. Исследования по истории современной западной философии, 2022. №1-2. С. 39.

⁶⁰⁹ Там же. С. 19-20.

⁶¹⁰ Мавринская Т. В., Калашникова Е. Б. Брачно-семейные отношения в Древней Греции // Интерактивная наука. 2017. №13. С. 35-36.

⁶¹¹ Винничук Л. Люди, нравы и обычаи Древней Греции и Рима. М.: Высш. шк., 1988. 496 с

⁶¹² Гиро. П. Частная и общественная жизнь греков. М.: Вече, 2020. С. 33-34.

⁶¹³ Кулишова О.В. Война и религиозное сознание в Греции в V в. До н.э. // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2003. №1. 3-15 с.

⁶¹⁴ Фукидит. История / Пер. с др.-греч. Г.А Стратановского. Изд.: М.: Науч.-изд. Центр «ЛАДОМИР» АСТ, 1999. С. 204.

⁶¹⁵ Лихт. Г. Сексуальная жизнь в Древней Греции. М.: КРОН-ПРЕСС, 1995. С. 123-159.

⁶¹⁶ Flaceliere R. Daily life in Greece at the time of Pericles. New York, Macmillan, 1965. P. 73.

⁶¹⁷ Жебелев С.А. Религиозное врачевание в Древней Греции. Изд.: Александр и Константин, 2010. 98 с.

⁶¹⁸ Sealey R. The Justice of the Greeks. Ann Arbor: Univ. of Michigan Press. 1994. Pp. 96-97.

⁶¹⁹ Jones N.F. Politics and society in ancient Greece. Westport, Conn.: Praeger, 2008. P. 102.

⁶²⁰ Геродот. История / Пер. с др.-греч. Ф. Г. Мищенко. 2е. Изд.: М.: Академический проект 2016. С. 134.

⁶²¹ Позднев М.М. Психология искусства. Учения Аристотеля. Изд.: М. СПб.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. С. 140-209.

⁶²² Зелинский Ф.Ф. История античной культуры. М.: Вече, 2018. С. 218-224.

⁶²³ Богданова М.А. Парадигма смысловых регулятивов олимпийского движения в античной Греции // Вестн. Том. гос. ун-та. 2012. №356. С. 44-47.

⁶²⁴ Garland R. The Greek way of death. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1985. Pp. 53-54.

⁶²⁵ Бакстон. Р. Греческая мифология, сформировавшая наше сознание. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2023. С. 8.

⁶²⁶ Ноговицын О.М. Онтология художественной формы: реальность текста и призрачность реальности. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2016. С. 10.

обычаев⁶²⁷, культовых⁶²⁸ деяний⁶²⁹, словесных форм⁶³⁰, литературных жанров⁶³¹, обрядовых практик⁶³² и ритуального искусства⁶³³.

Поскольку, как было уже оговорено ранее, акцент делается на интеллектуальной культуре, то дальнейшая часть параграфа будет посвящена анализу литературного наследия эпохи – творчества философов и поэтов. Особое внимание будет уделено тем фрагментам их трудов, где атрибутивные характеристики мировоззрения эллинов не только выражены наиболее ярко, но раскрывают всю теопозитическую основу древнегреческой культуры как модели.

Предварительно необходимо раскрыть содержание термина, который, как и во времена Аристотеля⁶³⁴, так и в наши дни⁶³⁵ остаётся сложно определяемым – «литература». Сперва обратимся к «Литературной энциклопедии терминов и понятий»: «Литература (лат. litteratura – написанное, от littera – буква) – один из основных видов искусства – искусство слова. Термином «Л.» обозначают также любые произведения человеческой мысли, закреплённые в письменном слове и обладающие общественным значением. Различают Л. техническую, научную, публицистическую, справочную, эпистолярную и др. Однако в обычном и более строгом смысле Л. называют произведения художественной письменности»⁶³⁶. Широта данного определения выступает основанием его методологической состоятельности в рамках диссертационного исследования. Выражается это в ряде моментов: во-первых, в указанной связи между словом и искусством, где поэтическая составляющая является определяющей; во-вторых, в раскрытой взаимосвязи между закреплённой в письменной форме «памятников» человеческой

⁶²⁷ Грейвс Р. Мифы древней Греции в 2-х кн. Кн. 1. М.: Прогресс-Традиция, 2001. С. 33.

⁶²⁸ Токарев С.А. Ранние формы религии. М.: Политиздат, 1990. С. 531.

⁶²⁹ Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. С. 163.

⁶³⁰ Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. М.: Академический проект, 2021. С. 31.

⁶³¹ Зайцев А.И. Введение в античную литературу / Позднев М.М. (ред. и сост.). Хрестоматия по литературе Древней Греции: Эпоха культурного переворота. СПб.: Азбука-классика, 2004. С. 11.

⁶³² Камад И.М. Обрядовая сторона культов Древней Греции. М.: «Институт общегуманитарных исследований», 2006. С. 147-148.

⁶³³ Харрисон Дж.Э. Искусство и ритуал древности. М., 2022. С. 125.

⁶³⁴ Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т.4 / Перев. и ред. А.И. Доватура. М.: Мысль, 1983. С. 646.

⁶³⁵ Соболев Д.М. «Что такое литература?» и современная теория культуры // Международный журнал исследований культуры. 2011. №1 (2). С. 122-124.

⁶³⁶ Кожин В.В. Литература / Николоюкин А.Н. (Глав. ред. и сост.). Литературная энциклопедия терминов и понятий. М.: НПЦ «Интелвак», 2001. С. 453.

мысли и их общественной значимости – основа классического канона; в-третьих, широкой представленностью различных литературных видов и особой значимостью именно художественного аспекта. Указанные аспекты, с одной стороны, а также учёт поэтической формы выражения философских изысканий ранних греческих философов, с другой, позволяют провести терминологическую конкретику и перейти от литературы вообще к литературе художественной.

Итак, справочник «ПОЭТИКА: словарь актуальных терминов и понятий», даёт следующее определение «художественной литературы»: «...род дискурсивной практики... и формируемая этой практикой особая область культуры: сфера писательского творчества, т.е. письменной речевой деятельности (порождение текста), являющейся одновременно деятельностью эстетической (формирование эстетического объекта)»⁶³⁷ с последующей конкретизацией особенности её постижения, которое «...осуществимо в категориях поэтики и эстетики, а не логики, этики, политики и т.д. Это, однако, не препятствует выявлению философской, религиозной, социально-политической и т.п. значимости адекватно понятого литературного произведения в современном ему или его интерпретатору историческом контексте»⁶³⁸. Указанная связь между дискурсивной практикой, эстетической характеристикой, полидисциплинарным использованием и широким интерпретаторским потенциалом, связанные письменно оформленной речью, задаёт широкое поле для анализа интеллектуального пространства эллинской эпохи.

Однако, перед переходом к аналитической работе, необходимо прояснить ещё один аспект. Поскольку древнегреческая литература является колыбелью западноевропейской⁶³⁹, то она выступает в качестве первой формы первой фиксации устного творчества. Служит живым свидетельством явления, также неоднозначно определяемого даже в отечественной исследовательской среде⁶⁴⁰, но,

⁶³⁷ Тюпа В.И. Литература художественная / Тамарченко Н.Д. (Глав. науч. ред.). ПОЭТИКА: словарь актуальных терминов и понятий. М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. С. 115.

⁶³⁸ Там же. С. 117.

⁶³⁹ Никола М.И., Анохин А.В. Предисловие / Никола М.И., Анохин А.В. (автор. сост.) Древнегреческая литература: Хрестоматия. М.: Прометей, 2019. С. 3.

⁶⁴⁰ Дранникова Н.В. «Фольклор»: к вопросу об истории употребления термина и его значения в русской науке // Труды КарНЦ РАН. 2015. №8. С. 39-45.

тем не менее, сводящегося к описанию древнейших устных народных традиций, именуемых фольклором. Несмотря на ярко выраженное временное и причинно-следственное отношение, методологические аспекты конкретного отношения между «литературой», как фиксированной формой, и «фольклором» как безличной⁶⁴¹ устной традицией также является проблемой⁶⁴², заслуживающей отдельного исследования. Оговоримся, в рамках диссертационного исследования, демонстрируется солидарность с позицией О.М. Фрейденберг о том, что «греческий фольклор... имел много путей развития. Он мог быть литературой и не быть ей... он новеллизировал миф, придавал обряду зрелищный характер, трансформировался в науку, философию, искусство... Он ложился основанием для нового смыслового содержания»⁶⁴³.

Иными словами, выступал некоторой переходной формой между мифом и литературой, наличной образностью и фиксированным словом, что уже предполагает «...нарождение рационалистического мировоззрения в форме понятий»⁶⁴⁴. Продемонстрированная таким образом особенность, выражает глубокое мифопоэтическое⁶⁴⁵ основание полидискурсивно представленного античного интеллектуального поля, религиозную заданность и теопоэтическую выразительность различных жанровых композиций древнегреческого искусства слова.

Переходя к анализу литературного материала, начнём с самых его ранних форм. С эпического творчества Гомера и Гесиода, а затем обратимся к оставшимся фрагментам ранних греческих философов.

Поэмы Гомера предлагают широкий простор взаимодействия области человеческого и божественного, одновременно взаимодополняя и взаимообязывая друг друга. Выражается это как в отдельных репликах, так и в диалогах. К примеру, «теологическим истоком» конфликта «Илиады» (а по факту всё началось из-за

⁶⁴¹ Ошеров С.А. Первая ступень / С.А. Ошеров (сост.). Антология античной лирики. М.: Моск. рабочий, 1980. С. 5.

⁶⁴² Сарбашева А.М., Узденова Ф.Т. К проблеме взаимодействия фольклора и литературы в современном литературоведческом дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. №4-2 (58). С. 38-41.

⁶⁴³ Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. М.: Академический проект, 2021. С. 13.

⁶⁴⁴ Там же.

⁶⁴⁵ Фаустов. А.А. Мифопоэтика / Тмарченко Н.Д (Глав. науч. ред.). ПОЭТИКА: словарь актуальных терминов и понятий. М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. С. 124.

мести Эриды за проявленное неуважение) является спор между богинями за право именоваться красивейшей. Интересно, что в самой поэме только намекается на указанное событие, да и то в связи с объяснением причины ненависти некоторых богов к Гектору:

«Им, как и прежде, была ненавистна священная Троя,
Старец Приам и народ за вину Александра, который
Горько обидел богинь, явившихся в дом его сельский,
Ту предпочтя, что его одарила погибельной страстью»⁶⁴⁶.

Указанная нарративная особенность последней песни поэмы неслучайна. Она несёт определённый поэтический смысл, упорядочивающий⁶⁴⁷ всю линию повествования, «...которая может охватить всю картину в целом... включая в себя сцены, которые являются условием единства фабулы»⁶⁴⁸. Раскрывается это в ряде функциональных моментов, которые обозначает процитированный фрагмент: во-первых, игра со слушателем посредством имплицитно включённой в повествование посылки о том, что история о божественной причине Троянской войны является известной; во-вторых, игра с пространством повествования, где причины конфликта упоминаются не просто в конце произведения, но и во второстепенной форме⁶⁴⁹, задавая дальнейшее развитие повествованию посредством «...обращения к прошлому, лежащему за прадедами основного сюжета»⁶⁵⁰; в-третьих, игра с структурой произведения, когда анализируемый фрагмент выступает переходом к диалогу между богами о справедливости судьбы Гектора и поддержки Ахиллеса:

«Боги жестокие, боги губители! Гектор не вам ли
Бедра не раз сожигал от быков и козлов без порока?

⁶⁴⁶ Гомер. Илиада / Гомер в переводе П.А. Шуйского // под общ. Ред. И.А. Летовой. 2-е изд., испр. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. С. 413.

⁶⁴⁷ Ноговицын О.М. Онтология художественной формы: реальность текста и призрачность реальности. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2016. С. 14.

⁶⁴⁸ Jong de I.J.F. Homer / Jong de I.J.F., Nünlist R. (eds.). Time in Ancient Greek Literature. Studies in Ancient Greek Narrative. V. 2. Leiden: Brill, 2007. P. 19.

⁶⁴⁹ Jong de I.J. F. Homer / Jong de I. J. F. (ed.). Space in Ancient Greek Literature. Studies in Ancient Greek Narrative. V. 3. Leiden: Brill, 2012. P. 35.

⁶⁵⁰ Jong de I.J. F. Homer / Jong de I. J. F., Nünlist R. (eds.). Time in Ancient Greek Literature. Studies in Ancient Greek Narrative. V. 2. Leiden: Brill, 2007. P. 21.

Нынче спасти даже мёртвого Гектора вы не хотите,
 Видеть его не даёте жене его, матери, сыну,
 Старцу-отцу и народам, которые славного мужа
 Предали б скоро огню и свершили б над ним погребенье.
 Вы помогать Ахиллесу губителю, боги, хотите

...

Гектора, богу подобного, жизни лишивши,
 Труп его вяжет к коням и волочит его вокруг могилы
 Милого друга. Ни славы, ни пользы он тем не добудет.
 Как бы ему не воздали мы, будь он хоть доблестен духом!
 Прах бесчувственный, в злобе своей Ахиллес оскверняет!"»⁶⁵¹

Таким образом, можно убедиться, что за системой теологических установок, выражающих ценностные основания античного мировоззрения, основанного на божественных представлениях, стоит система определённых сдержек и противовесов, задающих этический фундамент эллинского взгляда на мир. Выражается это в представлении о справедливом воздаянии (нравственном законе⁶⁵², раскрывающем истинный баланс между преступлением и наказанием, посредством «...живого обращения к воспоминанию о прошлом, а не точной его реконструкцией»⁶⁵³).

Более наглядно теопозитическая выразительность «Илиады» предстаёт в описании битвы богов. Она не просто воспринимается как теологическое олицетворение земных отношений в области эфира, но в рамках гомогенности политеистического мировоззрения выражает глубокое символическое единство божественного и человеческого. Единство мировых событий:

«Зевс... сказал Посейдону: ...за гибнущих я беспокоюсь.

Сам я, однако, сидеть останусь в ущелье Олимпа,

Буду отсюда глядеть и дух себе радовать. Вы же,

⁶⁵¹ Гомер. Илиада / Гомер в переводе П. А. Шуйского // под общ. Ред. И. А. Летовой. 2-е изд., испр. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. С. 413.

⁶⁵² Ошеров С.А. Первая ступень. С. А. Ошеров (сост.). Антология античной лирики. М.: Моск. рабочий, 1980. С. 8.

⁶⁵³ Jong de I.J.F. Homer / Jong de I.J.F., Nünlist R., Bowie A.M. (eds.). Narrators, narratees, and narratives in ancient Greek literature. V. 1. Leiden: Brill, 2004. P. 15.

Все остальные, идите в ряды и троян, и ахейцев,
Тем и другим помогайте, кому сочувствует каждый.

...

Так, и одних и других возбуждая, блаженные боги
В бой их свели и в сердцах пробудили тяжёлую распрю»⁶⁵⁴.

Продемонстрированное таким образом единство в контексте поэмы, подразумевает наличие некоторого пространства взаимодействия. Пространства, которое усиливает момент напряжения, посредством совмещения повествовательной и описательной составляющей⁶⁵⁵ и выступает условием выражения теопозитической ситуации:

«Ей отвечал Посейдон, могучий Земли колебатель:

...

Очень бы мне не хотелось, чтоб боги друг с другом сражались, –

Мы и боги другие: намного ведь мы их сильнее!

Лучше давайте-ка с поля сраженья сойдём и на вышке

Сядем. А смертные пусть о войне позаботятся сами.

...

Так произнесши, повёл Черновласый богов за собою

К кругообразному валу Геракла, подобного богу;

Вал тот высокий троянцы совместно с Афиной Гераклу

Сделали...

...

Так, принимая решенья, напротив друг друга сидели
Боги; но бой начинать, приносящий так много страданий,

Медлили те и другие. А Зевс с высоты побуждал Их.

Медью светилась равнина. Заполнили всю её люди,

Кони. Дрожала земля от топота дружно идущих

⁶⁵⁴ Гомер. Илиада / Гомер в переводе П.А. Шуйского // под общ. Ред. И.А. Летовой. 2-е изд., испр. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. С. 346.

⁶⁵⁵ Jong de I.J.F. Homer / Jong de I. J. F., Nünlist R (eds.). Time in Ancient Greek Literature. Studies in Ancient Greek Narrative. V. 2. Leiden: Brill, 2007. P. 28.

В битву мужей»⁶⁵⁶.

Таким образом, раскрывается два уровня пространства. С одной стороны – физическое: место отхода богов, равнина для битвы меж смертных. С другой – лирическое, где для раскрытия момента человеческого столкновения богам надо отойти на второй план. Единство двух моментов, можно условно назвать «теопоэтическим уравниванием», которое необходимо как для целостной организации повествования, так и для демонстрации единства мира богов и людей⁶⁵⁷.

Иначе теопоэтическое пространство представлено в «Одиссее». В принципе если рассматривать данное произведение, как «...образец поэтической антропологии или этнографию воображения»⁶⁵⁸, то совокупность событий, связанных со страданием Одиссея, предстаёт иначе. Наиболее гуманный из богов «Илиады» Посейдон в порыве своего гнева не останавливается ни перед чем, ради наказания главного героя:

«С этой поры колебатель земли Посейдон Одиссея

Не убивает, но прочь отгоняет от милой отчизны»⁶⁵⁹.

В процитированном фрагменте можно обнаружить два теопоэтических момента. Первый: значимость божественного гнева в процессе выстраивания судьбы смертного персонажа. Второй: значимость «отчизны»; «родного места», выступающего не только в качестве желаемой цели Одиссея, но и пространством богоявления, дающего сюжетному повествованию дополнительное развитие. Так Итака становится местом преображённого явления Афины, которая призывает Телемаха отправиться на поиск вестей о своём отце:

«Зевсу сказала тогда совоокая дева Афина:

...

"Я же в Итаку отправлюсь, чтоб там Одиссееву сыну

⁶⁵⁶ Там же. С. 348-349.

⁶⁵⁷ Суриков И.Е. Полис, логос, космос. Мир глазами эллина. Категории древнегреческой культуры. М.: Вече, 2014. С. 165.

⁶⁵⁸ Jong de I.J.F. Homer / Jong de I.J.F., Nünlist R (eds.). Time in Ancient Greek Literature. Studies in Ancient Greek Narrative. V. 2. Leiden: Brill, 2007. P. 38.

⁶⁵⁹ Гомер. Одиссея / Гомер в переводе П.А. Шуйского //под общ. Ред. И.А. Летовой. 2-е изд., испр. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. С. 439.

Бодрости больше внушить и вложить ему мужество в сердце,

...

После того я пошлю его в Спарту и Пилос песчаный,

Чтобы разведал о милом отце и его возвращеньи,

Также чтоб в людях о нём утвердилася добрая слава"»⁶⁶⁰.

В данном произведении, представленном в более повествовательном стиле, делается больший акцент на внутреннем взгляде персонажей, усиливая одновременно и динамику сюжета⁶⁶¹, и раскрывая более тесную связь между пространством и действием в рамках речи самого персонажа. В дальнейшем, разнообразные формы повествовательных структур⁶⁶², выраженные в «единстве монолога и диалога смертных и богов»⁶⁶³, окажут большое влияние на всю последующую античную и общеевропейскую литературу⁶⁶⁴. Гомер же, являясь творцом литературной традиции⁶⁶⁵, в процессе восстановления древних историй наделяет своих персонажей собственным стилем и характером⁶⁶⁶, фактически раскрывая жизненное пространство эпохи, выражая это поэтическим способом.

В более поучительно⁶⁶⁷-монологической⁶⁶⁸, а оттого и дидактически определяемой⁶⁶⁹ форме является поэма Гесиода «Труды и дни». Оговоримся: обращение к более «теологической» поэме «Теогония» сознательно не осуществляется. Связано это с тем, что «теопоэтические» основания античной культуры (выступающие предметом диссертационного исследования) – это наличие человека только в культурно-антропологическом пространстве, где

⁶⁶⁰ Там же. С. 438-440.

⁶⁶¹ Grethlein J. *The Eyes of Odysseus. Gaze, Desire and Control in the Odyssey* / Kampakoglou A. & Novokhatko A. (eds.). *Gaze, Vision, and Visuality in Ancient Greek Literature*. De Gruyter, Berlin/Boston 2018. P. 39.

⁶⁶² Jong de I.J.F. *Homer* / Bakker de M., Jong de I.J.F. (eds.). *Speech in Ancient Greek Literature. Studies in Ancient Greek Narrative*. V. 5. Leiden: Brill, 2022. P. 34.

⁶⁶³ Там же. P. 36.

⁶⁶⁴ Там же. С. 51.

⁶⁶⁵ Clarke M.J. *Flesh and spirit in the songs of Homer: a study of words and myths*. Oxford classical monographs. Oxford: Clarendon Press, 1999. P. 26.

⁶⁶⁶ Jong de I.J.F. *Homer* / Bakker de M., Jong de I.J.F. (eds.). *Speech in Ancient Greek Literature. Studies in Ancient Greek Narrative*. V. 5. Leiden: Brill, 2022. P. 51.

⁶⁶⁷ Nünlist R. *Hesiod* / Jong de I.J.F., Nünlist R. (eds.). *Time in Ancient Greek Literature. Studies in Ancient Greek Narrative*. V. 2. Leiden: Brill, 2007. P. 33.

⁶⁶⁸ Koning H. *Hesiod* / Temmerman de K., Boas van E.E. (eds.). *Characterization in Ancient Greek Literature. Studies in ancient Greek narrative*. V. 4. Leiden: Brill, 2017. P. 61

⁶⁶⁹ Зайцев А.И. Гесиод / Позднев М.М. (ред. и сост.). *Хрестоматия по литературе Древней Греции: Эпоха культурного переворота*. СПб.: Азбука-классика, 2004. С. 83

божество может быть представлено и выражено в человеческих пределах. «Теогония» же – сугубо теологическое произведение, и важность его обусловлена только в качестве предыстории «Трудов и дней», которые уже «...анализируют человеческую жизнь в... упорядоченном космосе и рассказывают, как жить справедливо под властью Зевса»⁶⁷⁰. Переходя же к анализу поэмы, обратимся к следующему фрагменту:

«Помни всегда о завете моём и усердно работай,
Перс, о потомок богов, чтобы голод тебя ненавидел,
Чтобы Деметра в прекрасном венке неизменно любила
И наполняла амбары тебе всевозможным припасом.
Голод, тебе говорю я, всегдашний товарищ ленивца.
Боги и люди по праву на тех негодуют, кто праздно
Жизнь проживает, подобно безжальному трутню, который,
Сам не трудятся, работой питается пчёл хлопотливых.
Так полюби же дела свои вовремя делать и с рвеньем –
Будут ломиться тогда у тебя от запасов амбары.
Труд человеку стада добывает и всякий достаток,
Если трудиться ты любишь, то будешь гораздо милее
Вечным богам, как и людям: бездельники всякому мерзки.
Нет никакого позора в работе: позорно безделье,
Если ты трудишься, скоро богатым, на зависть ленивцам,
Станешь. А вслед за богатством идут добродетель с почётом»⁶⁷¹.

Выделенный фрагмент в рамках всего произведения является кульминационной частью советов автора своему брату в области организации жизни. Предшествует ему повествование, связанное с исчезнувшими поколениями людей, что в большинстве своём исчезли за несправедливость и неправедность. Человеку же современного Гесиоду поколения необходимо жить по правде и труду, и он получит воздаяние. Это первое теопозитическое положение, связывающее

---

⁶⁷⁰ Там же. С. 84.

⁶⁷¹ Гесиод. Полное собрание текстов / Вступительная статья В.Н. Ярхо. Комментарии О.П. Цыбенко и В.Н. Ярхо. Лабиринт, 2001. С. 60-61.

«Труды и дни» с «Теогонией». Обратную по отношению к указанной связь (но уже в рамках сюжетного повествования) можно найти в указании на божественное происхождение Перса. Такой ход сюжета подразумевает, что организация праведного образа жизни связана с восстановлением естественного положения дел. Кроме того, он укрепляет в глазах читателя статус автора, что, будучи братом «потомка богов», наставляет его на путь, соответствующий божественному происхождению.

Итогом размышлений выступает результат богоугодного труда – богатство и почёт, что вместе с добродетелью задают общественно значимые и религиозно освещённые регуляторы социального поведения общества⁶⁷².

Таким образом, Гесиод задаёт определённую традицию обращения к божественному. Если боги у Гомера наличествуют, а мифы являются реальными, но пересказанными историями, то Гесиод начинает подходить к данным феноменам более функционально, более организационно, подкрепляя ими общественные установления⁶⁷³, которые «...в основном подпитываются высшей мудростью в отношении справедливого труда»⁶⁷⁴ и тем задают новое отношение к миру – объяснительное⁶⁷⁵. Указанный момент определил дальнейшее развитие интеллектуальной культуры, дав возможность родиться из умирающего дидактического эпоса нового явления – философского повествования⁶⁷⁶.

Живой же диалог, связывающий теологическую проблематику с житейскими делами, уходит на второй план⁶⁷⁷. Наиболее отчётливо это можно увидеть в поэтическом творчестве Солона, где указание на то, что:

«Наша страна не погибнет вовеки по воле Зевса
И по решению других присноблаженных богов.

⁶⁷² Jacoby F. Introduction / Hesiod: Theogony, Works and Days, Testimonia. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2006. P. XLII.

⁶⁷³ Зайцев А.И. Гесиод / Позднев М.М. (ред. и сост.) Хрестоматия по литературе Древней Греции: Эпоха культурного переворота. СПб.: Азбука-классика, 2004. С. 84

⁶⁷⁴ Koning H. Hesiod / Temmerman de K., Boas van E.E. (eds.). Characterization in Ancient Greek Literature. Studies in ancient Greek narrative. V. 4. Leiden: Brill, 2017. P. 58.

⁶⁷⁵ Алиева О.В. Философский текст в античности: 7 лекций для проекта Магистерия. М.: Rosebud Publishing, 2022. С. 41.

⁶⁷⁶ Зелинский Ф.Ф. Древнегреческая литература эпохи независимости. СПб.: "Алетейя", 2023. С. 125.

⁶⁷⁷ Зелинский Ф.Ф. Софокл и его трагедийное творчество: научно-популярные статьи. СПб.: Алетейя, 2019. С. 17.

Ибо хранитель такой, как благая Афина-Паллада,
 Гордая грозным отцом, длани простёрла над ней.
 Но, уступая корысти, объятые силой безумья,
 Граждане сами не прочь город великий сгубить»⁶⁷⁸.

Автор не только связывает религиозную, социальную и этическую проблематику в единое целое, но и становится примером для рождающегося философского дискурса, ещё более лишившего обычных людей право на слово.

Подойдём более конкретно. Ксенофан:

«Чист ныне дол, и руки у всех, и килики чисты.
 Кто возлагает венки, свитые [всем] вокруг чела,

...

Надобно бога сперва воспеть благомысленным мужам
 В благоговейных словах и непорочных речах,
 А возлиянье свершив и молитву, да правду возможем,
 А не грехи совершать – так-то ведь легче оно

...

Трезвую память свою и к совершенству (аретэ) дорыв.
 Не воспевать сражений Титанов или Гигантов,
 Иль кентавров – сии выдумки прежних времён –
 Или свирепые распри, в которых вовсе нет проку,
 Но о богах всегда добру заботу иметь»⁶⁷⁹.

Единство повествования обусловлено темой священного воздаяния богам. Интересно, что идея этического (благого) отношения не только сочетается с идеей разумности, но также сопоставлена с критическими отношениями к божествам иного порядка и поколения: к кентаврам, титанам и гигантам.

Таким образом, призыв к заботе подразумевает не благородное воздаяние, но разумное поведение, основанное в том числе и на том, что боги, по мнению

⁶⁷⁸ Античная лирика / Пер. с древнегреч. П. Латинского. Вст. Ст. С. Шервипского. Сост. и Прим. С. Апт и Ю. Шульц // М.: Художественная литература, 1968. С. 132.

⁶⁷⁹ Лебедев А.В. (сост.). Фрагменты ранних греческих философов (Часть I). От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. М.: Наука, 1989. С. 169.

философа, «...существуют в самодостаточном мире... соответствуя критериям морального совершенства»⁶⁸⁰ и с учётом указания относительности человеческих представлений:

«Если бы руки имели быки и львы или <кони,>
Чтоб рисовать руками, творить изваянья, как люди,
Кони б тогда на коней, а быки на быков бы похожих
Образы рисовали богов и тела их ваяли,
Точно такими, каков у каждого собственный облик»⁶⁸¹.

Направленных также на критику Гомера и Гесиода:

«Всё на богов возвели Гомер с Гесиодом, что только
У людей позором считается или пороком:
Красть, прелюбы творить и друг друга обманывать [тайно]»⁶⁸².

Этическая критика Парменида, вошедшая в последующий философский дискурс, направлена на очищение поэтического творчества посредством усиления строгости поэтического языка⁶⁸³. Усиление поучительных тенденций, связанных с большим обоснованием монолога-размышления в наибольшей полноте своей предстают в творчестве Парменида. Философ, призывая на помощь себе богиню, без помощи которой невозможно достигнуть истины, окончательно сомневается в потенциале смертных мнений:

«...богиня приняла меня благосклонно, взяла десницей
Десницу и, обратившись ко мне, сказала так:
"О Курос (Юноша), спутник бессмертных возниц,
На конях, которые тебя несут, прибывший в наш дом,
Привет тебе! Ибо отнюдь не Злая Участь (Мойра) вела тебя пойти
По этому пути – воистину он запределен тропе человеков –
Но Закон (Фемида) и Правда (Дикэ). Ты должен узнать всё:

⁶⁸⁰ Morgan. K.A. *Myth and Philosophy from the Presocratics to Plato*. Cambridge University Press, 2000. P. 49.

⁶⁸¹ Лебедев А.В. (сост.). *Фрагменты ранних греческих философов (Часть I). От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики*. М.: Наука, 1989. С. 171.

⁶⁸² Там же.

⁶⁸³ Йегер В. *Теология ранних греческих философов. Гиффордские лекции 1936 года*. СПб: Изд. Владимир Даль, 2021. С. 186.

Как непогрешимое сердце легко убеждающей Истины,
 Так и мнения смертных, в которых нет непреложной достоверности"»⁶⁸⁴

Указанная особенность представлена и у Гераклита, которая в контексте общей религиозной окрашенности мироздания придаёт размышлениям философа шарм неопознанности, а его имени прибавляет характеристику «Тёмный»⁶⁸⁵.

Некоторое поэтическое преображения можно увидеть в поэме Эмпедокла, но из-за его ориентации на нравственно установленный закон и слабость человеческого ума происходит обоснование монологического стиля повествования поэмы:

«Узки способности [познания], разлитые по членам.

Много обрушивается напастей, притупляющих мысли.

Повидав на своём веку лишь малую часть Целого,
 Обречённые на раннюю смерть, они улетают, взметнувшись словно дым,

Поверив лишь тому, на что каждый [случайно] наткнулся,

Гонимый во все стороны. А <кто> похвалится, что открыл Всё?

Таким образом, не постичь это [Целое] людям ни зрением, ни слухом

Ни умом не объять. Но ты – поскольку ты удалился сюда [от всех]–

Узнаешь. Во всяком случае, человеческая мудрость выше [этого] не
 поднималась»⁶⁸⁶.

Продемонстрированная таким образом устремлённость ранних греческих философов к возвышенному, божественному, тематически и формально заданному поэтами обрекает повествование на монолог, в ответ на который может быть услышана только тишина. Это не могло удовлетворить общественное интеллектуальное пространство, которое видело в боге не только гарант всеобщего закона, но и условие счастья и благополучия частной жизни. На это обратили внимание софисты, подготовившие процесс спуска философии с небес на землю⁶⁸⁷.

⁶⁸⁴ Лебедев А.В (сост.). Фрагменты ранних греческих философов (Часть I). От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. М.: Наука, 1989. С. 287.

⁶⁸⁵ Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Пер. М.Л. Гаспарова. М.: Мысль. 1979. С. 369.

⁶⁸⁶ Лебедев А.В (сост.). Фрагменты ранних греческих философов (Часть I). От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. М.: Наука, 1989. С. 342.

⁶⁸⁷ Цицерон Марк Туллий. О природе богов. Тускуланские беседы. Речи / Пре. с лат. С. Блажеевского, М. Гаспарова, В. Горенштейна. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. С. 270.

Они открыли путь к Сократу⁶⁸⁸, который не только хотел искать совместно истину посредством диалога, но и показал, что исконные основания философии лежат в пространстве человеческой деятельности⁶⁸⁹, освящённой божественной поддержкой.

Таким образом, подходя к заключению, сделаем несколько выводов. Во-первых, восприятие античности, как целостности, является важным элементом общеевропейского и российского мировоззрения. Обусловлено это особой цивилизационной ролью, которую выполнила Античная Греция, которая в рамках целостно-символического восприятия именуется «чудом».

Во-вторых, целостность восприятия античности обусловлена той картиной мира, которая предстаёт в пространстве её интеллектуального поля, в пространстве сохранившейся литературы, через которое культурно-политическое разнообразие приобретает смысловую однородность.

В-третьих, единство повествовательных структур, выстроенных на более ранней устной традиции, обусловлено общими элементами мировоззрения древнегреческого общества, различными религиозными представлениями, которые переходя в устные традиции превратились в отдельные истории – мифы и целостные повествования, отражающие мировоззрения древних греков – мифологию.

В-четвёртых, зародившиеся вместе с творчеством литературные каноны, по мере развития не только начинали использовать миф функционально, но и постепенно, по крайней мере, в рамках развития философского дискурса отодвигали некогда важный для повествования аспект диалога. Единство возвышенной истины требовало единства речения о ней, что выражалось в свойственный ранним философам скептицизм по отношению к возможностям разума большинства людей.

В-пятых, из сказанного выше ясна значимость теологических представлений древних греков, являющихся основанием античной теопозитики.

---

⁶⁸⁸ Corey D.D. The Sophists in Plato's Dialogues. State University of New York Press, Albany, 2015. P. 4.

⁶⁸⁹ Рыскельдиева Л.Т. (отв. ред. и сост.). Как действует философия: Монография. М.: Академический проект, 2023. С. 87.

Выражая собственное содержание религиозного воображения поэтически, творя новые истории, интерпретируя или отбрасывая старые, эллины не отказывались от идеи божественного. Она продолжала выступать в качестве конструктивного элемента культуры, обеспечивая мировоззренческое единство разрозненных греческих полисов⁶⁹⁰, единство в совместном деле (в Божественном деле), в теопоэтическом пространстве, где возникший монолог и функционализм должны были быть преодолены посредством восстановления утраченного единства небес и земли, посредством платоновского диалога и главного их персонажа Сократа, о значимости которых будет сказано в следующей главе.

---

⁶⁹⁰ Суриков И.Е. Полис, логос, космос. Мир глазами эллина. Категории древнегреческой культуры. М.: Вече, 2014. С. 153.

ГЛАВА 2. ПЛАТОН И ТЕОПОЭТИКА: ОПЫТ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ АНТИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ

2.1. Миф: эстетика и сюжет

Вопрос значимости Платона в рамках античной интеллектуальной культуры очень широкий и актуальный. С одной стороны, широта обусловлена тем местом, которое занимал афинский философ в рамках древней греческой культуры. С другой стороны, актуальность наследия Платона задаётся его влиянием на развитие интеллектуального поля Европы, в общем, и на современные гуманитарные исследования, в частности.

Разберём указанные аспекты подробнее, чтобы актуализировать обращение к личности Платона, как к ключевой фигуре в изучении феномена античной теопозитики. Обращаясь к эллинскому интеллектуальному полю, ключевые элементы которого были рассмотрены ранее, необходимо оговориться, что сохранялось оно не очень хорошо. Ф.Ф. Зелинский, комментируя обозначенную ситуацию, указывает – «...общий итог литературной работы Эллады... обнимает сто тысяч томов... А что нам осталось от этого богатства? ...томик Гесиода, ...Феогнида, ...Ксенофонт в четырёх томах, Платон в шести, Аристотель в семи, Гиппократ в шести, да ещё ораторы в шести...»⁶⁹¹. В контексте ограничений, введённых диссертационным исследованием, заметим, что наследию Платона повезло. Оно оказалось тем осколком древнегреческой культуры, которое сохранится наиболее полным образом. Отвлекаясь от причин, которые привели к подобному результату и переходя к оценке последствий, подчеркнём, что Платон, по мнению ряда исследователей, является или первым философом вообще (Л. Бриссон⁶⁹², В.М. Мешков⁶⁹³), или первым систематическим философом (Дж.Г.

---

⁶⁹¹ Зелинский Ф.Ф. Древнегреческая литература эпохи независимости. СПб.: "Алетейя", 2023. С. 397-398.

⁶⁹² Бриссон Л. Платон: Писатель, который изобрёл философию. М.: Rosebud Publishing, 2019. С. 37.

⁶⁹³ Мешков В.М. Об исторической последовательности создания произведений Платона и становлении его трансцендентальной философии // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2018. №4 (44). С. 459.

Рэндалл⁶⁹⁴, Дж.Э. Петерман⁶⁹⁵, Дж. Аннас⁶⁹⁶). Данная оценка подразумевает не только факт наличия в диалогическом творчестве Платона достижений его предшественников и современников, но также переосмысление их идей, их обработку, анализ, критику и даже систематизацию, выраженную в выстраиваемой в различных произведениях линии интеллектуального развития эллинской культуры.

Так, обращаясь к диалогу «Филеб», можно увидеть пример легитимизации интеллектуальной деятельности через обращение к древним свидетельством о её божественном происхождении – «...Божественный дар [рассуждение – прим. Р.Ф.] ... был брошен людям-богами с помощью некоего Прометея вместе с ярчайшим огнём. А древние, бывшие лучше нас и обитавшие ближе к богам, передали нам сказание, о том, что... боги... завещали ...исследовать все вещи, изучать их и поучать друг друга...»⁶⁹⁷. Этот шаг, предвосхищая дальнейшее рассуждение, связывает божественное и человеческое через некоторое родство-наследие. Но знание этого родства и его сохранение в общественной памяти, является сферой ответственности поэтов. Утверждая, что «...мы знаем о богах или слышали о них не иначе, как из сказаний и от поэтов, изложивших их родословную»⁶⁹⁸, Платон не только объединяет различные культурные явления через их божественное происхождение, он также утверждает, что сама культура – явление самодостаточное и целостное⁶⁹⁹. Афинский философ, таким образом, демонстрирует генетическое родство продуктов человеческой деятельности с природой⁷⁰⁰, подвергая критике софистов, что строго разделяли их посредством дихотомии естественно-искусственное⁷⁰¹.

Продемонстрированная завязка на божественном, что воспроизводится в

⁶⁹⁴ Randall J.H. Plato: dramatist of the life of reason. New York, Columbia University Press, 1970. P. 63.

⁶⁹⁵ Peterman J.E. On Plato. Wadsworth. Thomson Learning, 2000. P. 21.

⁶⁹⁶ Annas J. Plato. New York: Sterling Pub., 2009. Pp. 35-36.

⁶⁹⁷ Платон. Сочинения в трёх томах (четырёх книгах). Под общ. ред. Лосева А.Ф., Асмуса В.Ф. Т. 3, Ч. 1. М.: «Мысль», 1971. С. 17.

⁶⁹⁸ Там же. С. 140.

⁶⁹⁹ Там же. С. 111.

⁷⁰⁰ Платон. Сочинения в трёх томах (четырёх книгах). Под общ. ред. Лосева А.Ф., Асмуса В.Ф. / Пер. с дре. греч. / Т. 3, Ч. 2. М.: «Мысль», 1972. С. 383.

⁷⁰¹ Там же. С. 377-376.

словах поэтов и выражается в диалогическом творчестве, актуализирует обращение к поэтике. Значение данного термина было уже обсуждено ранее, а о его выразительном потенциале в творчестве самого Платона поговорим позже. Тут важно указать, что в рамках художественно-драматической стилистики Платона поэтическая составляющая приобретает особое значение. С одной стороны, будучи связанной с оценкой творчества поэтов, она выступает в форме критического анализа различных средств выразительности⁷⁰² религиозного воображения, что предоставляют нам поэты⁷⁰³. С другой стороны, само творчество Платона является художественным отражением философских поисков афинского мыслителя со своими собеседниками. В таком контексте содержание диалогов может быть воспринято как драматическое повествование о поиске священной истины, достигнуть которую в нашем мире невозможно⁷⁰⁴, но желание её высказать стоит человеческой жизни⁷⁰⁵.

Итак, воспринимая поэтику в контексте художественной стилистики философских произведений Платона, можно увидеть, как мыслитель использует разнообразные приёмы для взаимодействия с читателями и участниками описываемых в диалогах событий. Этот ход не только позволяет выразить Платону ряд своих теоретических допущений и идей, но и создать более глубокий многослойный текст, продемонстрировать естественный ход мыслительной деятельности в приближении к истине, а также раскрыть глубокое родство между житейскими проблемами и возвышенными философскими поисками. Такая структура произведений также задаёт и основание для трансформации религиозного пространства диалогов. Будучи автором религиозным⁷⁰⁶, Платон «...превратил греческую религию в драматическую интерпретацию человеческой

⁷⁰² Тамарченко Н.Д. ПОЭТИКА / Тамарченко Н.Д. (Глав. науч. ред.). ПОЭТИКА: словарь актуальных терминов и понятий. М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. С. 182.

⁷⁰³ Там же. С. 137.

⁷⁰⁴ Платон. Сочинения в трёх томах (четырёх книгах) / Под ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса. Т. 1. М. 1968. С. 409.

⁷⁰⁵ Там же. С. 96-97.

⁷⁰⁶ Kraut R. Plato / Zeyl D. J (ed.). Encyclopedia of classical philosophy. Daniel Devereux & Phillip Mitsis (Ass. Ed). Westport, Conn.: Greenwood Press, 1997. P. 412.

жизни⁷⁰⁷, в предмет для поэта и художника»⁷⁰⁸.

Исходя из сказанного, значимость творчества афинского мыслителя в контексте древнегреческой культуры можно понимать в критически-синтетическом формате. Объединяя интеллектуальные поиски своих философских предшественников с художественными литературными формами, раскрывая связь между возвышенной философией и обыденными потребностями людей, Платон осуществляет критически синтез, прикладывает путь к божественному для будущих искателей истины, опираясь на более древние традиции любви к мудрости⁷⁰⁹. Он демонстрирует человеку и путь приближения к истине (хоть и через выразительные мифы⁷¹⁰), и одновременно изгоняет недостойных поэтов из своего идеального государства, как людей, несправедливо обращающихся к богам.

Таким образом, обработанное и переосмысленное Платоном древнегреческое интеллектуальное поле, обеспечивающее целостное восприятия культуры, нашло в наследии афинского мыслителя своё высшее выражение, продемонстрировало не только связь философских изысканий с обыденными человеческими потребностями, но раскрыло в процессе диалога глубокую религиозную характеристику самого образа жизни древних греков, отражённого в мифопоэтических повествованиях⁷¹¹.

Рассмотренный момент мифа в отношении Платона может быть представлен и иначе. Фигура античного мыслителя не была ограничена только своей эпохой. Влияние эллинского философа можно заметить в обращении к самым различным философским проблемам, которые разрабатываются уже современными гуманитарными исследованиями. Обсуждение этого вопроса может продолжаться до бесконечности, но ограничившись рамками диссертационного исследования, продемонстрируем значимость Платона для развития последующих религиозных

⁷⁰⁷ Ищук-Фадеева Н.И. Драма (жанр) / Тамарченко Н.Д (Глав. науч. ред.). ПОЭТИКА: словарь актуальных терминов и понятий. М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. С. 64.

⁷⁰⁸ Randall J.H. Plato: dramatist of the life of reason. New York, Columbia University Press, 1970. P. 52.

⁷⁰⁹ Фестюжер А.-Ж. Личная религия греков СПб.: «Алетейя», 2000. С. 6.

⁷¹⁰ Платон. Сочинения в трех томах (четырёх книгах). Под общ. ред. Лосева А.Ф., Асмуса В.Ф. Т. 3, Ч. 1. М.: «Мысль», 1971. С. 470.

⁷¹¹ Козолупенко Д.П. Мифопоэтическое мировосприятие и миф: принципы взаимодействия и проявления в культуре // Вопросы культурологии. 2009. №3. С. 14.

представлений. Данный ход подразумевает перенос исследовательского акцента с «философии» на «теологию», что по существу уже было проделано в ранней неоплатонической традиции. Начиная от Плотина и через самых его известных последователей (Порфирия, Ямвлиха, Прокла Диадох, который, кстати, первым предлагает анализ способов изложения учения о божественном у Платона⁷¹²) и заканчивая последним схолярхом Афинской Академии Дамаскием Диадохом и отчасти – Северином Бозцием, Николаем Мефонским и Иоанном Петрицием.

С начала II века н.э. начинает появляться христианский критический анализ творчества античных философов (вообще) и Платона (в частности) у следующих авторов: Иустина Философа, Ириней Лионского, Афинагора Афинского, Климента Александрийского, Иоанна Грамматика (Филопона), Феофила Антиохийского, Ермия Философа, Ипполита Римского, Арнобия Старшего и Августина Блаженного. Интеллектуальное наследие последнего философа особенно значимо, так как именно через него средневековые авторы, в большинстве своём, соприкасались с отдельными аспектами школьной традиции платонизма⁷¹³.

Дальнейшее развитие теологического подхода к Платону связано с XV веком, а именно – с флорентийским неоплатонизмом и его представителями: Георгием Гермистом Плифоном, Марселино Фечино, Джованни Пико делла Мирандола, которые попытались совместить философию Платона и христианские ценности в рамках ренессансного гуманизма⁷¹⁴.

Отдельного внимания заслуживает группа кембриджских неоплатоников XVII века, самые яркие представители из которых – Ральф Кадворт и Генри Мор – пытались обосновать то, что «...религиозность есть также деятельность разума, более того – единственно возможный путь разума, и что именно разум способен привести человека к Божественному Благу»⁷¹⁵. В связи с этим они использовали методологию Платона и ряда других античных авторов, для защиты христианства

⁷¹² Прокл. Платоновская теология / Пер. с древнегреч., сост., статья, примечания, указатели, словарь Л.Ю. Лукомского. СПб.: РХГИ; «Летний сад», 2001. С. 15-19.

⁷¹³ Неретина С.С., Огурцов А.П. Пути к универсалиям. СПб.: РХГА, 2006. С. 170.

⁷¹⁴ Мирандола де. Дж.П. Речь о достоинстве человека / В.П. Шестаков (сост.). Эстетика Ренессанса [2 тома]. Т. 1 // М., 1981. С. 254.

⁷¹⁵ Коснырева М.В. Основные идеи кембриджского неоплатонизма XVII в. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://plato.today/SUMMERSCHOOL/summerschool1/07.htm>. (дата обращения 07. 07. 2023).

от нападок атеистов.

Начиная со второй половины XV века и вплоть до наших дней, фигура афинского мыслителя продолжает оказывать влияние на различные религиозные изыскания. Будучи достаточно мифологизированной фигурой, Платон продолжает оказываться тем мостиком, который продолжает связывать неограниченный дух философских изысканий и догматическое оформленное христианство. Идеи Платона адаптировали учение Христа для интеллектуальных поисков⁷¹⁶, сформировали христианский мир, который на рубеже постсовременной эпохи в ответ на общекультурный кризис столкнулся с необходимостью возрождения образа Бога. Для этого использовались методологические инструменты, которые в античной культуре были неотъемлемой частью общественного сознания и достигли своей завершённости в философии Платона.

Исходя из сказанного, ясно, что актуальность обращения к Платону обоснована следующими пунктами: во-первых, широким обсуждением различных аспектов человеческой деятельности в диалогах. Данный факт доказывает возможность построения процесса философского поиска истины, исходя не из каких-то метафизических предпосылок, но из конкретных аспектов обыденной жизни людей (профессия). Во-вторых, неоднозначностью использования понятия «поэтика» в отношении диалогического наследия Платона, которое не ограничивается только анализом творчества поэтов. Поэтика также применима для рассмотрения античного философского дискурса. В-третьих, культурно-репрезентативной характеристикой творчества Платона, которое является критическим обобщением интеллектуального и стилистического наследия прошлого, выражающего мировоззрение древних греков. В-четвёртых, значимостью античности и авторитета Платона в формировании культурного самосознания нашей страны. Перенимая Православие от Византии, прямой наследницы греческой и римской цивилизаций, где «...ценили Платона гораздо выше, чем Аристотеля»⁷¹⁷, Россия вступила на свой особый путь обращения к

⁷¹⁶ Randall J.H. Plato: dramatist of the life of reason. New York, Columbia University Press, 1970. P. 36.

⁷¹⁷ George Gemistos Plethon. De Differentis // Woodhouse C.M. George Gemistos Plethon. The Last of the Hellens. Oxford: Clarendon Press, 1986. P. 192.

трансцендентному. И в этом стремлении к Абсолюту представители отечественной интеллектуальной культуры не раз обращались к наследию античного мудреца, причём «...иногда через голову Православия и христианского канона»⁷¹⁸.

Итак, обобщив сказанное, можно утверждать, что имя Платона для нас выступает в качестве синонима диалогов⁷¹⁹. Сами же диалоги, несмотря на своё философское содержание, характеризуются достаточно вольным обращением автора с мифами. В них часто используются мифологические рассказы⁷²⁰, которые предвосхищают аргументативное размышление и в некотором смысле слова являются истоком такого рода рассуждения.

На первый взгляд, описанная ситуация выглядит противоречиво, но если обратиться к анализу древнегреческих мифологических мыслеформ, то первоначальное недоумение исчезает. Напомним, что, говоря о мифе, необходимо иметь в виду, что по сути своей он есть повествовательная единица, единица мифологической формы общественного сознания, которая обладает своим смыслом и стремлением к реальности⁷²¹. Учитывая разнообразные варианты одних и тех же историй⁷²², связанные в том числе и с географически обусловленными⁷²³ традициями почитания местных богов⁷²⁴, сама мифология в рамках исследования приобретает определённую характеристику. Данное явление воспринимается феноменологически⁷²⁵, то есть как признанное в обществе описательное качество. Опираясь на факт вполне онтологического существования героев и истинность событий, для людей, верующих в миф⁷²⁶, формируемый описательный процесс приобретает особенную ценностную значимость. Обусловлено это психологической характеристикой процесса восприятия, связанного с

⁷¹⁸ Росман В.И. Платон как зеркало русской идеи. Вопросы философии. 1968. №4. С. 41.

⁷¹⁹ Randall J.H. Plato: dramatist of the life of reason. New York, Columbia University Press, 1970. P. 6.

⁷²⁰ Бриссон Л. Платоновская концепция мифа и её развитие в античной философии // Вестник РХГА. 2012. №1. С. 74.

⁷²¹ Козолупенко Д.П. Анализ мифопоэтического мировосприятия // Epistemology & Philosophy of Science. 2009. №2. С. 193.

⁷²² Кереньи К. Боги греков. Кастилия, 2025. С. 17.

⁷²³ Лосев А.Ф. Мифология древних греков и римлян. М.: Мысль, 1996. С. 40-41.

⁷²⁴ Белох К.Ю. Греческая история: В 2 т. Т. 1. До софистического движения и Пелопоннесской войны / Пер. с нем. М.: Издательская группа «Альма Матер», 2024. С. 111-112.

⁷²⁵ Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М.: Мысль, 2001. С. 35.

⁷²⁶ Тахо-Годи А.А. Миф как стихия жизни, рождающая её лик, или в словах данная чудесная личностная история / Мифология древних греков и римлян // М.: Мысль, 1996. С. 928.

определением и анализом способностей человека не только к отражению действительности, но также и к её творческой (чудесной) переработке⁷²⁷.

Поскольку особенность обсуждаемого предмета такова, что он представлен в форме текста, где мифы так или иначе представлены⁷²⁸, то исследовательская работа сводится не к анализу непосредственно восприятия как феномена психологического. Акцент делается на различных способах выражения, которые можно наблюдать в фиксированных литературных формах, содержащих данные мифы.

Так как речь идёт о письме и «фиксированных формах», то для дальнейшего исследования необходима особая категория. Она должна отражать двойственную природу выражаемого: с одной стороны, содержательную – как явленный феномен (в конкретном контексте или посредством интерпретации), с другой стороны, функциональную – как средство выражения, которое отражает фундаментальные основания мифологической картины мира древних греков. В качестве такой категории, повторяя за А.Ф. Лосевым и А.А. Тахо-Годи, будет выступать «эстетика».

А.Ф. Лосев, рассуждая о «рождении эстетики» указывает, что «...эстетика есть наука о выразительных формах, в которой изучается выражение внутреннего через внешнее и наоборот или выражение общего через индивидуальное и наоборот...»⁷²⁹, причём рассматривая это не в одной плоскости, но рассуждая «...и о разной степени совершенства этой выразительности...»⁷³⁰.

Исходя из замечаний указанных авторов, видно, что исследователи определили «эстетику» не как категорию, но как науку со своей диалектической методологией. Рассматривая эстетику в историческом контексте, авторы, тем не менее, ограничивались историзмом (исследовали описываемый феномен не линейно, но пёстро, многоуровнево и полифонично⁷³¹).

⁷²⁷ Лосев А.Ф. Мифология древних греков и римлян. М.: Мысль, 1996. С. 15.

⁷²⁸ Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М.: Мысль, 2001. С. 115.

⁷²⁹ Лосев А.Ф. История античной эстетики (в 8 томах). Т.1. Ранняя классика. М: АСТ; Х.: Фолио, 2000. С. 100.

⁷³⁰ Там же.

⁷³¹ Иванова О.С. Структура полифонической композиции и её реализация в художественном тексте // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2016. №36. С. 110-111.

Данная работа, ограничиваясь наследием конкретной личности, вынуждает абстрагироваться от идеи всеобще-исторической составляющей диалектики как методологии лосевской эстетики. Необходимо, следовательно, понимать под «эстетикой» не науку, но скорее, категорию, которая поможет продемонстрировать выразительные элементы мифа, «негласные правила» их функционирования⁷³², которые в рамках диалогической формы раскрывают внутреннее содержание мифического сюжета. Однако, прежде чем подходить к анализу мифов у Платона, необходимо проанализировать основные концепции платоновского мифа, которые имеются в работах известных платоноведов.

Вопрос о функции мифа в философии Платона – не нов, но ответ на него возможно получить, только обратив внимание на контекст представленности мифа. Выраженные в драматической литературной форме – в диалоге – мифы используются в качестве способа демонстрации актуальности и основания для дальнейшего обсуждения каких-либо проблем, выражающих напряжение, связанное с этическим восприятием мира и его выражение в речи или письме⁷³³. Возможно ли подойти к исследованию описываемых явлений без учёта формы их представленности и функционально-репрезентативного содержания? – вот основной вопрос, на который необходимо дать ответ. Более конкретное обсуждение данного затруднения возможно через раскрытие соотношения мифа и логоса в рамках платоновского мировоззрения. Но даже на эту трудность более частного характера нет однозначного ответа.

Тем не менее, становится понятным, что при рассмотрении мифа, как элемента повествования, необходимо объяснить его функционирование в контексте формирующегося логоцентрического мировоззрения, чуждого самому мифу. При этом важно иметь в виду, что обсуждаемая смысловая единица имеет свои внутренние законы описания, которые, безусловно, связаны с социальной реальностью⁷³⁴, но не сводятся к эмпирической данности мира. Миф ценен

⁷³² Козолупенко Д.П. Мифопоэтическое мировосприятие. Минография. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. С. 157.

⁷³³ Petraki Z.A. The poetics of philosophical language: Plato, poets and presocratics in the “Republic”. Berlin/Boston: de Gruyter, 2011. P. 90.

⁷³⁴ Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. С. 169-171.

возвышенностью⁷³⁵, а формируемый на такой основе образ мира не может быть полностью сведён к логическому дискурсу⁷³⁶, поскольку сам «...Платон считал миф существенной частью более глубокого понимания истины»⁷³⁷, усиливая религиозный мотив⁷³⁸ своих поисков⁷³⁹.

Более аналитический подход к мифу высказывает Люк Бриссон. Исследователь считает: «...Платон так интересуется мифом, поскольку он хочет разрушить его монополию...»⁷⁴⁰ Исходя из этого, миф – это определённый дискурс⁷⁴¹, который обладает достаточно сильным суггестивным воздействием⁷⁴² на человека, обусловленным его массовостью и ясностью⁷⁴³. В противовес данному дискурсу Платон выдвигает дискурс философский, который, с одной стороны, Платон «...признаёт, как имеющий высший статус»⁷⁴⁴, а с другой, ниспровергает миф до инструментального состояния⁷⁴⁵. Данный альтернативный вариант интересен в первую очередь тем, что рассматривает миф (мифологию) и логос (философию), как конкретные дискурсы, которые противостоят друг другу. Но и в этой особенности подхода заключается определённая сложность акта принятия. Сам Платон воспринимается как верховный философский разум, использующий миф только как инструмент. Он оказывается вне своего времени и пространства, вне влияний и убеждений. Данный подход, таким образом, отрывает Платона от мифа, а миф – от Платона, не раскрывая саму суть данного дискурса, но описывая сугубо его функциональную характеристику, не учитывающую ничего, кроме того, что сам исследователь считает наиболее ценным.

Иной взгляд можно найти в изысканиях Штефана Георге, интересовавшегося

⁷³⁵ Вен. П. Греки и мифология: вера или неверие? Опыт о конституирующем воображении. М.: Искусство, 2003. С. 27.

⁷³⁶ Addey T. Myth. The Final Phase of Platonic Education. The Meadow, Issue 2 (Winter 2005). P. 35.

⁷³⁷ Там же. P. 25.

⁷³⁸ Силантьев И.В. Мотив / Тамарченко Н.Д. (Глав. науч. ред.). ПОЭТИКА: словарь актуальных терминов и понятий. М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. С. 130.

⁷³⁹ Альберт К. О понятии философии у Платона. Изд.: Дальневосточного федерального университета, 2012. С. 63

⁷⁴⁰ Brisson. L. Plato the myth maker. University of Chicago Press, 1998. P. 87.

⁷⁴¹ Тюпа В.И. Дискурс / Тамарченко Н.Д. (Глав. науч. ред.). ПОЭТИКА: словарь актуальных терминов и понятий. М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. С. 60.

⁷⁴² Там же. С. 116.

⁷⁴³ Бриссон Л. Платоновская концепция мифа и её развитие в античной философии // Вестник РХГА. 2012. №1. С. 68.

⁷⁴⁴ Brisson. L. Plato the myth maker. University of Chicago Press, 1998. P. 87.

⁷⁴⁵ Бриссон. Л. Платон: Писатель, который изобрёл философию. М.: Rosebud Publishing, 2019. С. 96.

при обращении к Платону более вопросами литературно-поэтическими, а не философско-академическими («Государство» Георге⁷⁴⁶ или платонизирующиеся государства поэтов⁷⁴⁷). Внимание немецкого исследователя было ориентировано не на анализ отдельных мифов, но на сам образ афинского мудреца, творящего миф. Мир диалогов и рассказанных там мифологических историй «...понимался, разумеется, не как продукт фантазии, но как сверхдействительность... Он [миф – прим. Р.Ф.] для георгеанцев превосходил так называемую действительность по степени реальности, ибо «действительность», не одухотворенная мифом, безжизненна»⁷⁴⁸.

Интересное понимание мифа можно найти в исследовании А. Ф. Лосева. Указанное понятие выполняет функцию определённой выразительной категории⁷⁴⁹, которая «...объединяет в себе мысль, воспоминание и стремление к осуществлению желаемого...»⁷⁵⁰ Миф оказывается не просто способом восприятия реальности, но примером того, как надо её воспринимать, некой парадигмой⁷⁵¹, одновременно включающей все возможные сценарии будущего и при этой не отрицающей момент «случайности» в наличной изменчивой реальности⁷⁵². Такое амбивалентное понимание мифа, включающего в себя различные истории о прошлом⁷⁵³, отражает сложное отношение Платона к нему. При этом философ не уходит в радикальную критику традиционных религиозных представлений, но требует, философской очистки от всего того лишнего, что за долгое время было привнесено поэтами⁷⁵⁴.

Уникальность отношения А.Ф. Лосева к античному мифу обусловлена

⁷⁴⁶ Поле Р. Платон как воспитатель. Платоновский ренессанс и антимодернизм в Германии (1890-1933) /. Пер.с нем. Перцева А.В., Матвейчева О.А. Изд.: Владимир Даль, 2021. С. 213

⁷⁴⁷ Там же. С. 215.

⁷⁴⁸ Маяцкий М.А. Спор о Платоне: Круг Штефана Георге и немецкий университет. Москва. Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. С. 280.

⁷⁴⁹ Лосев А.Ф. История античной эстетики (в 8 томах). Т.2. Софисты. Сократ. Платон. М.: ООО «Издательство АСТ»; Харьков: Фолио, 2000. С. 662.

⁷⁵⁰ Там же. С. 470.

⁷⁵¹ Лосев А.Ф. История античной эстетики (в 8 томах). Т.3. Высокая классика. Фолио; АСТ, 2000. С. 368.

⁷⁵² Лосев А.Ф. История античной эстетики (в 8 томах). Т.2. Софисты. Сократ. Платон. М.: ООО «Издательство АСТ»; Харьков: Фолио, 2000. С. 417.

⁷⁵³ Голубева М.В. Главное в истории мифологии. Ключевые сюжеты, темы, образы, символы. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2024. С. 25.

⁷⁵⁴ Французов Р.И. Философия Платона: разумный миф или мифический разум? Южный полюс. Исследования по истории современной западной философии, 2022. №1-2. С. 39.

синтетической характеристикой его позиции, которая объединяет различные аспекты и ипостаси описываемого явления на базе психологического переживания⁷⁵⁵. Тем не менее, мы не можем полностью разделить позицию А.Ф. Лосева, поскольку миф у Платона, согласно позиции исследователя, полностью детерминирован метафизикой. Он понимается радикально символически⁷⁵⁶, как «...субстанциональное... осуществление логического понятия»⁷⁵⁷; не как общественное сознание, но как единство истинного бытия (идеи) и сознания, как порождающая модель, где вечно сущее является образцом для всего становящегося, для реальности⁷⁵⁸.

Таким образом, рассмотрев наиболее яркие позиции относительно мифа у Платона, была продемонстрирована неоднозначность понимания роли данного феномена в исследовательской среде. Тут главная сложность заключается не просто в различной интерпретации мифа в контексте платоновского творчества, но скорее в понимании того, что представляли собой миф и мифологическое мировоззрение, к которому принадлежал Платон. При этом сама возможность «интерпретации» мифа (как приемлемого способа его расшифровки в рамках творчества Платона) ставится под вопрос в связи с тем, что сам феномен «философии Платона» вызывает определённое сомнение⁷⁵⁹. С другой стороны, данная проблема может быть выражена следующим вопросом – как интерпретировать мифы у Платона, чтобы они наиболее корректно вписывались в «состояние умов» общественности описываемой эпохи?

Обращаясь к исследованиям интеллектуальной культуры, в контексте которой происходило становление ещё молодого Аристокла, можно обнаружить, что вопрос о статусе и месте мифологии до сих пор остаётся актуальным.

К примеру, К. Рейнхард констатирует смерть мифологии к моменту юности

⁷⁵⁵ О «символе» у А.Ф. Лосева См: Оболеич Т. От имяславия к эстетике. Концепция символа Алексея Лосева. Историко-философское исследование. М.: ББИ, 2014. С. 249-422.

⁷⁵⁶ Лосев А.Ф. История античной эстетики (в 8 томах). Т.2. Софисты. Сократ. Платон. М.: АСТ; Х.: Фолио, 2000. С. 171.

⁷⁵⁷ Там же. С. 187.

⁷⁵⁸ Там же. С. 197.

⁷⁵⁹ Tarrant H. Literal and Deeper Meanings in Platonic Myths / Collobert C., Destrée P., Gonzalez F. J. (eds.). Plato and Myth Studies on the Use and Status of Platonic Myths. Brill Academic Pub, 2012. P. 65.

Платона⁷⁶⁰. А.И. Зайцев⁷⁶¹, К. Морган⁷⁶² и А.Ф. Лосев⁷⁶³ указывают на её второстепенное значение в жизни античного общества. А.Л. Эдельштейн считает, что это явление оказало значительное воздействие на мировоззрение эллинов⁷⁶⁴.

В свете данной проблемы методологическая предпосылка исследования заключается в том, чтобы обратить внимание на неоднородность древнегреческого общества. Учёт социального разнообразия играет ключевую роль в обсуждении мифа и его роли в культуре. Другими словами, если сосредоточиться на типичном гражданине полиса – на «среднем греке», как, например, Стрепсиад из «Облаков» Аристофана, речь которого переполнена упоминаниями богов, то можно говорить о высокой значимости мифов в рамках наличного им мировоззрения. Эта точка зрения также подтверждается и в работе М. Нильссона⁷⁶⁵, которая посвящена народным аспектам древнегреческой религии.

Совершенно иная ситуация возникает, если обратиться к разнообразно представленной группе античных интеллектуалов (трагики, комедианты, софисты, философы, политические деятели и т.д.). Данные люди тяготели к более рациональному постижению действительности, что отражено в их функциональном обращении с мифами. Недаром Ч. Кан, анализируя диалоги Платона, указывал на радикальное различие между мифологическим мировоззрением греческого общества того времени и мировоззрением самого Платона⁷⁶⁶. Действительно, с этим можно согласиться, но при учёте, во-первых, некоторых моментов в сюжетной представленности мифа в рамках диалогов Платона, а во-вторых, некоторых моментов в самой эстетике мифа, которая заключается в выразительности мифа. Если относительно первого говорилось ранее, то анализ эстетических компонентов мифа будет представлен на базе двух

⁷⁶⁰ Рейнхардт К. Мифы Платона. СПб: Владимир Даль, 2019. С. 123.

⁷⁶¹ Зайцев А.И. Греческая религия и мифология: Курс лекций. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2005. С. 181.

⁷⁶² Morgan. K.A. Myth and Philosophy from the Presocratics to Plato. Cambridge University Press, 2000. Pp. 242-289.

⁷⁶³ Лосев А.Ф. История античной эстетики (в 8 томах). Т.8. Итоги тысячелетнего развития. Кн. 1. М.: АСТ ФИЛИО, 2000. С. 442-478.

⁷⁶⁴ Edelstein L. The Function of the Myth in Plato's Philosophy Source: Journal of the History of Ideas, V. 10, No. 4 (Oct., 1949). P. 477.

⁷⁶⁵ Нильссон М. Греческая народная религия. СПб.: Алетейя, 1998. С. 192.

⁷⁶⁶ Kahn Ch. Plato and the Socratic Dialogue. The Philosophical Use of a Literary Form, Cambridge: Cambridge University Press. 1996. Pp. 6-7.

платоновских диалогов: «Федон» и «Протагор».

В диалоге «Федон» есть миф о загробном мире⁷⁶⁷, где Платон, во-первых, несмотря на своё первоначальное заявление, намеренно не разводит описания души и человека. Выражено это в использовании ряда определённых слов, которые отражают поведение самой души, но также и поведения человека: «страстная привязанность», «упорствует», «много страдает», «нужда», «стеснение» и т.д. Данное противопоставление нацелено на демонстрацию того, что душа не просто бессмертная, но также на то, что она живая. И на её пути её (душу) ждут такие же проблемы, как и на жизненном пути сложности ждут и самого человека: определённые эмоции, оценки и даже воспоминания.

Во-вторых, особого внимания заслуживает выразительное описание самого пути души и самого подземного царства: «Краски, которыми пользуются наши живописцы, могут служить образчиками этих цветов, но там вся Земля играет такими красками, и даже куда более яркими и чистыми»⁷⁶⁸. Это место, в соответствии с народными представлениями, именуется Аидом⁷⁶⁹, а также противопоставляется миру земному: «...если бы кто-нибудь всё-таки добрался до края... И если бы по природе своей он был способен вынести это зрелище, он узнал бы, что впервые видит истинное небо, истинный свет и истинную Землю. А наша Земля, и её камни, и все наши местности размыты и изъедены...»⁷⁷⁰

В-третьих, крайне реалистичное описание структуры подземного мира, где «...гомеровские мотивы сочетаются с современной геологией...»⁷⁷¹ Платон, раскрывая поэтическим образом картину высшей действительности, указывает, что там «...рек многое множество, они велики и разнообразны, но особо примечательны среди них четыре. Самая большая из всех и самая далёкая от середины течёт по кругу; она зовётся Океаном. Навстречу ей, но по другую сторону от центра течёт Ахеронт. Он течёт по многим пустынным местностям, главным

⁷⁶⁷ Платон. Сочинения в трёх томах (четырёх книгах) / Под ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса. Т. 2. М. 1970. С. 81-89.

⁷⁶⁸ Там же. С. 85.

⁷⁶⁹ Garland, R. The Greek Way of Death. Ithaca, NY: Cornell Univ. Press, 2001. P. 49.

⁷⁷⁰ Платон. Сочинения в трёх томах (четырёх книгах) / Под ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса. Т. 2. М. 1970. С. 105.

⁷⁷¹ Ferrari G.R.F. The Freedom of platonic myth / Collobert C., P. Destrée, F.J. Gonzalez (eds). Plato and Myth Studies on the Use and Status of Platonic Myths. Brill Academic Pub, 2012. P. 85.

образом под землёй и заканчивается озером Ахерусиадой»⁷⁷².

В-четвёртых, ссылка на авторитет Гомера (несмотря на то, что отношение Платона к Гомеру менялось, и этот вопрос исследовался отдельно⁷⁷³). Здесь необходимо учитывать то, что сам Гомер был великим античным наставником, словами которого «...мы [греки – прим. Р.Ф.] едва ли не с пелёнок питаем свои души... как материнским молоком»⁷⁷⁴, словами которого можно было обосновать многое, чем Платон и пользовался.

Второй миф, связан с фигурой Протагора в одноимённом диалоге Платона. Тут выстраиваются иные эстетические приёмы. Во-первых, главные участники, Прометей и Эпиметей, – это действительно мифические персонажи (что уже ставит под вопрос инструментальное использование мифа и его частей). А.Ф. Лосев указывает, что они – «...братья, дети титана Иапета, брата Кроноса, т.е. двоюродные братья Зевса»⁷⁷⁵.

Иными словами, Платон использовал героев известных в обществе историй. Во-вторых, определённую эстетическую окраску выражает использование героев в рамках выбранной темы обсуждения. А.Ф. Лосев переводит их имена следующим образом: «Прометей – "предвидящий", Эпиметей – "...тот, кто после думает, т.е., как говорят, "крепкий задним умом"»⁷⁷⁶. В.Н. Карпов указывает следующее: «Эпиметей – значит "непроницательный", "непредусмотрительный" (от ἐπιμηθεΐα). И, напротив, Прометей – "проницательный", "предусмотрительный" (от προμηθεΐα)»⁷⁷⁷. Также В.Н. Карпов проводит определённые параллели между самим разговором и ситуацией с мифом: «...Платон, заставив Протагора рассказывать миф об Эпиметее и Прометее, поставил его в такое же отношение к рассматриваемому в разговоре вопросу, в каком находился Эпиметей к человеческому роду»⁷⁷⁸. Благодаря выстраиванию таких параллелей Платон как бы

⁷⁷² Платон. Сочинения в трёх томах (четырёх книгах) / Под ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса. Т. 2. М. 1970. С. 84.

⁷⁷³ Лосев А.Ф. История античной эстетики (в 8 томах). Т.3. Высокая классика. Фолио; АСТ, 2000. С. 79-89.

⁷⁷⁴ Гераклит (Грамматик). Гомеровские вопросы / И.С. Смирнова (ред.). Ογιεπίαια ει Σιάζζισα: Труды Института восточных культур и античности. Выпуск LXX. М.: 2018. С. 141.

⁷⁷⁵ Платон. Сочинения в 3-х т.: Т.1 / [ред. первого тома и авт. вступ. статьи А.Ф. Лосев]. М.: Мысль, 1968. С. 548.

⁷⁷⁶ Там же.

⁷⁷⁷ Платон. Сочинения Платона. Часть 1 / Пер. В.Н. Карпов. Платон-М.: Книга по Требованию, 2013. С. 72.

⁷⁷⁸ Там же.

обыгрывает миф, усиливая и без того предельную для людей того времени его реалистичность. В-третьих, идея справедливости как наказания приобретает в данном мифе вполне онтологическую причину. Причём, с одной стороны, утверждается, что даже богу (титану) не убежать от наказания, несмотря на благие помыслы, а с другой – сам закон справедливости исходит от царя богов Зевса⁷⁷⁹ и тем самым «облекается» в дополнительные «священные одежды». В-четвёртых, Платон усиливает реалистичность божественного присутствия посредством дара, который они, люди, получили от бога, тем самым сделав их причастными к божественному уделу⁷⁸⁰.

Если обратиться к сюжетно-структурной, а не к эстетической составляющей мифа, то важную роль в выстраиваемом повествовании начинают играть персонажи, а не выразительные средства. Так, платоновский Сократ выступает тем человеком, который радикально меняет предмет⁷⁸¹ и метод⁷⁸² философии. Он является фигурой, которая пересматривает культуру жизни^{783,784} и культуру философского исследования⁷⁸⁵. Само же изменение условной «модели» философствования приводит и к изменению роли мифа в этом процессе поиска истины. Данное изменение можно наблюдать в различных формах обращения (использования) к мифу Платоном в своих диалогах и строгом разграничении гносеологической ценности мифа от такой же ценности рационального способа познания.

Так, в уже упоминаемом диалоге «Протагор» одноимённый персонаж предлагает избрать способы изложения собственного взгляда на исток данного феномена: «...как мне вам это показать? С помощью ли мифа, какие рассказывают старики молодым, или же с помощью рассуждения?»⁷⁸⁶ Это противопоставление

⁷⁷⁹ Платон. Сочинения в трёх томах (четырёх книгах) / Под ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса. Т. 1. М. 1968. С. 205.

⁷⁸⁰ Там же. С. 204.

⁷⁸¹ Платон. Сочинения в трёх томах (четырёх книгах) / Под ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса. Т. 2. М. 1970. С. 163.

⁷⁸² Платон. Сочинения в трёх томах (четырёх книгах) / Под ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса. Т. 1. М. 1968. С. 425.

⁷⁸³ Соловьев М.С. Жизненная драма Платона. Сочинение в 2 т. Т. 2 /Общ. ред. и сост. А.В. Гулыги, А.Ф. Лосева. М.: Мысль, 1990. С. 582-625.

⁷⁸⁴ Фестюжер А.-Ж. Созерцание и созерцательная жизнь по Платону. СПб., «Наука», 2009. С. 378

⁷⁸⁵ Фридеман Г. Платон и его гештальт. СПб.: "Владимир Даль", 2020. С. 73-138.

⁷⁸⁶ Платон. Сочинения в трёх томах (четырёх книгах) / Под ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса. Т. 1. М. 1968. С. 202.

μῦθον λέγων⁷⁸⁷ и ἡ λόγῳ διεξελλθών⁷⁸⁸, несколько раз указанное Платоном⁷⁸⁹, демонстрирует, с одной стороны, различные способы обсуждения области божественного, а с другой – раскрывает плюралистичность возможностей обсуждения данной тематики. Дополнительным подтверждением данной ситуации выступает интересный фрагмент из диалога «Менон», где прямо утверждается, что божественны и люди (что они, «...хоть и не обладают разумом, достигают великого успеха во многом из того, что делают и говорят»⁷⁹⁰), указывая на их «одержимость богом»⁷⁹¹.

Если обратиться непосредственно к текстам, можно увидеть, что часть содержания диалогов так или иначе вращается вокруг мифологических высказываний, намёков, прямых утверждений о божественном. Всё это вместе взятое будет названо «мифологическим сюжетом», имея в виду то, что тематика каждого диалога связана с «божественными законами»⁷⁹², а сами божественные законы связаны с персонажами античных мифов.

В диалоге «Апология Сократа» монолог Сократа разворачивается вокруг мессианского предназначения, которое, по мнению Платона, не только не вредит образу местных божеств, но даже подкрепляется тем, что мудростью своей Сократ обязан богу из Дельф (как указывает Е.В. Приходько, проведя огромную лингвистическую работу над большим количеством античных источников, – «...в античном сознании слова «бог» (θεός), он же «Аполлон», «Пифия» и χρηστήριον, μαντεῖον [слова синонимы переводятся как прорицатель – прим. Р.Ф.] могли в некоторых случаях взаимно друг друга заменять и, следовательно, обозначали понятия одного рода»⁷⁹³) и собственному голосу-гению.

⁷⁸⁷ Мифический сказ.

⁷⁸⁸ Разумная речь.

⁷⁸⁹ Платон. Сочинения в трёх томах (четырёх книгах) / Под ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса. Т. 1. М. 1968. С. 211 с.: ἐνὸ καὶ μῦθον καὶ λόγον εἴρηκα, ὡς διδακτὸν

⁷⁹⁰ Там же. С. 410.

⁷⁹¹ Там же.

⁷⁹² Платон. Сочинения в трёх томах (четырёх книгах). Под общ. ред. Лосева А.Ф., Асмуса В.Ф. Т. 3, Ч. 1. М.: «Мысль», 1971. С. 465.

⁷⁹³ Приходько, Е.В. Двойное сокровище: Искусство прорицания Древ. Греции: мантика в терминах / Е.В. Приходько. М.: Прогресс-Традиция, 1999. С. 223.

Идея сократического мессианства и невежества⁷⁹⁴ (невежественная болтовня – в свою очередь имеет чёткую этическую окраску, что также становится определённой проблемой обсуждения в рамках функционирования мифологического сюжета. Например, в диалоге «Евтифрон», где обсуждение благочестивого и богоугодного является главной целью, само движение определения разницы между этими понятиями и содержанием каждого из них обосновывается мифическими примерами. Изначально это причина для начала данного разговора, затем – причина переосмысления одного из определений в силу того, что «...у богов бывают противоборства, междоусобицы и вражда...»,⁷⁹⁵ а, значит, нет единого определения и это нельзя назвать угодным богам, и, в конце концов, сводится к «...умению приносить жертвы и возносить молитвы», что оборачивается кругом и возвращает нас в самое начало. Интересно, что и католический исследователь Р. Гвардини, наиболее содержательно подходя к диалогу, указывает на то, что вся сюжетная линия «Евтифрон» в принципе шла к тому, чтобы конкретизация ответа на вопрос о «благости» привела к раскрытию этого «философского вопроса», который, проникая «...сквозь толщу мифологического мышления...»⁷⁹⁶, должен был добраться до понимания Евтифрона, но так и остался непонятым носителем этого сознания. По всей видимости, исследователь хотел подчеркнуть несовместимость этих двух форм выражения «божественного знания», однако, как будет продемонстрировано дальше, отношения между ними гораздо более сложнее, чем взаимное исключение.

Мифический сюжет также связан с обсуждением способностей людей. Причём способности стоит понимать не только как некое врождённое качество человека, но и как умение. К примеру, в диалоге «Лисид» есть утверждение Сократа о том, что его способность наблюдать определённые явления связана с тем, что это даровано богами: «И хотя во всём остальном я человек неспособный и бесполезный, это даровано мне самим богом – немедленно распознавать

⁷⁹⁴ Тихонов А.В. Ранние диалоги Платона и феномен «невежества»: вопрос об онтологии // Scholē, СХОЛЭ. 2008. №2. С.195-206.

⁷⁹⁵ Платон Диалоги. М.: Мысль, 1986. С. 256.

⁷⁹⁶ Гвардини Р. Смерть Сократа: Интерпретация платоновских диалогов "Евтифрон", "Апология Сократа", Пер. с нем. И.П. Стебловой. СПб.: Владимир Даль, 2018. С. 101.

влюблённого и любимого»⁷⁹⁷. Особое внимание тут надо уделить тому, что в данном контексте описываемая способность усиливается иронией – утверждением Сократа относительно своей бесполезности, как бы намекая на то, что самое лучшее в нём – от богов. В диалоге «Хармид», как бы подтверждая нашу точку зрения, высказывается интересное утверждение о том, что все заслуги всего рода собеседника Сократа являются ничем иным, как благословением богов⁷⁹⁸. Другой диалог «Ион» посвящён обсуждению природы и истоков творчества поэта и рапсода. Сократовское мнение тут однозначно: «Поэты, творя, говорят много прекрасного о различных предметах, как ты о Гомере, не от умения, а по божественному определению...»⁷⁹⁹ При этом обоснование влияния мифического дискурса идёт в противовес диалектическому дискурсу.

Если говорить о знании и выборе формы его представления, а, учитывая то, что идёт обсуждение как раз таки о формах представления человеческого знания, о богах, божественном и форме его представления (как выражения), то совершенно неважен способ выражения мифического знания, ведь, «...невозможно "знать скверно"...»⁸⁰⁰ Само знание, будучи компонентом мудрости, выступает отличительной чертой человека, является связующим звеном между его сущностью – душой и благами богами.

Таким образом, подчёркивается определённая независимость представления знания «божественных вещей» от формы их подачи в силу единства их источника и цели – блага. Однако, если продолжать говорить конкретно о мифическом дискурсе, особую роль миф, как некоторая форма представления и выражения божественного, представляет в двух диалогах – это «Протагор» и «Федон». В обоих случаях миф связан с человеком, но если в «Протагоре» идёт обсуждение, откуда у людей различные способности, то в «Федоне» обсуждается вопрос о загробном мире, о «настоящей земле»⁸⁰¹. При помощи него Сократ пытается продемонстрировать божественную причину и начало человека, его божественную

⁷⁹⁷ Платон Диалоги. М.: Мысль, 1986. С. 270.

⁷⁹⁸ Там же. С. 301.

⁷⁹⁹ Платон. Сочинения в трёх томах (четырёх книгах) / Под ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса. Т. 1. М. 1968. С. 138.

⁸⁰⁰ Платон Диалоги. М.: Мысль, 1986. С. 91.

⁸⁰¹ Платон. Сочинения в трёх томах (четырёх книгах) / Под ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса. Т. 2. М. 1970. С. 86-87.

природу⁸⁰²(что даётся только по божественному уделу⁸⁰³) и его божественный конец, где праведные люди «...находят и спутников, и вожатых среди богов»⁸⁰⁴, ведь, как подчеркнул сам Платон, «...мы, люди, – часть божественного достояния»⁸⁰⁵.

Подходя к завершению этого параграфа, можно сделать следующие выводы. Во-первых, миф – не просто выдумка или сказка; миф – это некоторая форма реального знания, реального воображения, где сами мифы выступают своего рода априорными составляющими⁸⁰⁶, которые задают любой композиции «...особую прелесть»⁸⁰⁷, а мифический сюжет, выстраиваемый на базе как целостного мифа, так и его элементов (богов, героев, различных сказочных существ), разбросанных⁸⁰⁸ в выделенных диалогах⁸⁰⁹, является некоторой контекстуально опосредованной попыткой прикоснуться к знаниям и к опыту древних предков⁸¹⁰, что жили до нас, знали не то, что знают люди современности, и были гораздо ближе к непосредственному единству бога и человека (легенда о золотом веке – «Создали прежде всего поколение людей золотое»⁸¹¹). Во-вторых, миф – это один из способов приблизиться к божественному, описать божественное, потому как не стоит его абсолютизировать, так не стоит и приуменьшать его роль в сравнении с другими способами изложения «божественных вещей». И, в-третьих, сам этот способ изложения, который был назван «мифическим сюжетом», не всегда предстаёт ясно и отчётливо. Очень часто он слит⁸¹² с другими «сюжетами» или имеет различные формы: не просто вставленный миф или ссылка на миф, но некоторый намёк на какой-то миф или просто упоминание бога или иного мифического персонажа – всё

⁸⁰² Хюбнер К. Истина мифа. М.: Республика, 1996. С. 104-105.

⁸⁰³ Платон. Сочинения в трёх томах (четырёх книгах) / Под ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса. Т. 2. М. 1970. С. 82.

⁸⁰⁴ Там же.

⁸⁰⁵ Там же. С. 19.

⁸⁰⁶ Хюбнер К. Истина мифа: Пер. с нем. М.: Республика, 1996. С. 120.

⁸⁰⁷ Плутарх. Как юноше слушать поэтические произведения / Гаспаров М.Л (отв. ред.). Памятники поздней античной научно-художественной литературы. М., Изд-во «Наука», 1964. С. 13.

⁸⁰⁸ Матышак Ф. Греческие и римские мифы: От Трои и Гомера до Пандоры и «Аватара». М.: Манн, Иванов и Фербер, 2020. С. 11.

⁸⁰⁹ Светлов Р.В. Теология в горизонте драматургии платоновских ТЕКСТОВ // Schole, СХОЛЭ. 2021. №2. С. 858.

⁸¹⁰ Рейнхардт К. Мифы Платона /Пер. с нем. И.П. Стребловой/ Изд.: СПб: Владимир Даль, 2019. С. 122.

⁸¹¹ Гесиод. Полное собрание текстов / Вступительная статья В.Н. Ярхо. Комментарии О.П. Цыбенко и В.Н. Ярхо. Лабиринт, 2001. С. 54.

⁸¹² Лосев А.Ф. История античной эстетики (в 8 томах). Т.2. Софисты. Сократ. Платон. М.: ООО «Издательство АСТ»; Харьков: Фолио, 2000. С. 791.

это входит в «мифический сюжет», как в способ особого обращения и отношения⁸¹³ к божественному.

Изучив мнения разных специалистов о роли мифа в творчестве Платона, а также проанализировав его выразительные элементы, можно прийти к нескольким выводам. Первое: в процессе анализа использования мифов Платоном не представляется возможным выделить какую-либо систематизированную концепцию или методологическую структуру. Каждый миф необходимо рассматривать в рамках контекста соответствующего диалога, учитывая его поэтические и литературные особенности.

Второе: говоря о мифах, особенно в связи с определённым контекстом их представления, не следует ударяться в крайности, утверждая, что миф – это поэтический приём, который равнозначен фантазии или же, наоборот, предпочесть сугубо эзотерическое и мифологическое прочтение мифа. Мифы, безусловно, связаны с фантазией, но они и существуют в сфере возвышенного как идеального, в качестве элементов общественного сознания. И тот факт, что Платон по тем или иным причинам использовал их, говорит об их огромной значимости для общества вообще⁸¹⁴, для учеников Платона и даже для самого Платона.

Третье: необходимо пересмотреть отношение между понятиями миф и логос. Противопоставление указанных элементов древнегреческого сознания, хотя и не распространённое на сегодняшний день, а связано с эволюционным подходом к античному мировоззрению, идущему ещё от В. Нестле⁸¹⁵, предполагающему ход естественного развития от образного мышления к понятийному. Хотя в функциональном подходе Платона к мифу сомневаться не приходится⁸¹⁶, сам факт обращения к данному инструменту говорит о многом. Миф оставался важной формой восприятия мира, несмотря на возрастающую значимость рационального подхода к действительности, поскольку, по замечанию Г.Р.Ф. Феррари, «...граница

⁸¹³ Курабцев В.Л. Платон: агатофилология: монография. М.: Проспект, 2016. С. 45.

⁸¹⁴ Petraki Z.A. The poetics of philosophical language: Plato, poets and presocratics in the “Republic”. Berlin/Boston: de Gruyter, 2011. Pp. 48-51.

⁸¹⁵ Nestle W. Vom Mythos zum Logos; die Selbstentfaltung des griechischen Denkens von Homer bis auf die Sophistik und Sokrates. Stuttgart: A. Kröner, 1942. VIII, 580 s.

⁸¹⁶ Morgan. K.A. Myth and Philosophy from the Presocratics to Plato. Cambridge University Press, 2000. P. 3.

межу мифом и логосом в диалогах является вопросом формы, а не содержания»⁸¹⁷. Более того, само понятие «Логос», вырвавшись из мифологического дискурса, продолжало функционировать в мировоззрении, где рассказ о божественном происхождении качеств человека был равнозначен (во время Платона уж точно) постижению сути, выраженного в строгом определении обсуждаемого явления. Поэтому миф и логос – взаимосвязаны в рамках философского дискурса⁸¹⁸.

Итак, на примере проанализированных мифов были выделены различные эстетические элементы мифа. По всей видимости, Платон, как минимум, пытался сделать миф максимально реалистичным, усиливая его различными приёмами. В определённой степени, это игра с общественным сознанием, направленная как на изложение своих идей наиболее ясным языком, так и на демонстрацию точки зрения на обсуждаемую проблему, отражающих, в конечном счёте, сам образ мышления афинского мудреца.

Однако, надо учитывать то, что Платон пытается не просто изложить мифы, но старается обосновать их, связывая собственную интерпретацию мифологических историй с самым ценным и наличным, со своего рода «святым», что существует в этом общественном сознании, т.е. с богами. С этой целью он вводит в своё повествование собеседников, организует диалог, ключевые характеристики которого будут рассмотрены в следующем параграфе.

2.2. Диалог: поэтика и выражение

Аристокл (Платон), будучи молодым человеком, учился поэтическому искусству⁸¹⁹ вплоть до встречи с Сократом, которая перевернула его жизнь. И чтобы этот «переворот» смог произойти, а молодой Аристокл смог превратиться в зрелого Платона, пришлось отказаться от данного занятия и сжечь⁸²⁰ практически

⁸¹⁷ Ferrari G.R.F. The Freedom of platonic myth / Collobert C., P. Destrée, F. J. Gonzalez (eds). Plato and Myth Studies on the Use and Status of Platonic Myths Ed. Brill Academic Pub, 2012. P. 85.

⁸¹⁸ Morgan. K.A. Myth and Philosophy from the Presocratics to Plato. Cambridge University Press, 2000. P. 3.

⁸¹⁹ Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Пер. М.Л. Гаспарова. М.: Мысль. 1979. С. 151.

⁸²⁰ Олимпиодор. Жизнь Платона / Пер. М.Л. Гаспарова. // Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль. 1979. С. 447.

всё⁸²¹, что было написано. В будущем некоторые исследователи, читая тексты уже не Аристокла – трагика, а Платона – философа, обратят внимание на всё изящество стиля данного мыслителя, который будет замечен даже в переводе⁸²². Вполне обоснованными, но спорными с точки зрения доксографии⁸²³, являются предположения исследователей о том, что свою манеру изложения афинский философ перенял у людей поэтического творчества⁸²⁴; причём не только из-за юношеского увлечения написанием трагедий (ведь Платон вырос в той культуре, что знала различные литературные формы⁸²⁵, хотя также уместно и замечание А. Боннара о том, что «...до Платона греческая литература – это преимущественно поэзия»⁸²⁶), но и в силу самой системы воспитания, которая предполагала обязательное приобщение к творчеству великих поэтов⁸²⁷. Это объединение литературной формы и философского содержания формирует такую ситуацию⁸²⁸, при которой, как заметил И. Ф. Стоун, Платон оказывается единственным философом, «...который превратил метафизику в драму»⁸²⁹. Или, следуя более радикальной позиции Е.В. Алымовой, «...трагическое само по себе является началом философии»⁸³⁰. Эти позиции контрастируют с мнениями Т.В.Ф. Брөгана, выводившего взгляды Платона на поэзию из метафизических установок⁸³¹, и В.Ф. Асмуса, видевшего в философии афинского мыслителя теоретические основания представлений об искусстве⁸³².

⁸²¹ Позднев М.М. К вопросу об авторстве платоновских эпиграмм // АКАДЕМЕІА. Материалы и исследования по истории платонизма. Вып. 1. СПб.: Изд. СПб. Унив., 1997. С. 83-97.

⁸²² Kraut R. Plato / Zeyl D. J (ed.). Encyclopedia of classical philosophy. Daniel Devereux & Phillip Mitsis (Ass. Ed). Westport, Conn.: Greenwood Press, 1997. P. 411.

⁸²³ Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. Пер. М.Л. Гаспарова. М.: Мысль. 1979. С. 155.

⁸²⁴ Sansone D. Plato and Euripides. Illinois Classical Studies. V. 21, 1996. P. 37.

⁸²⁵ Бриссон Л. Платон: Писатель, который избрёл философию. М.: Rosebud Publishing, 2019. С. 93.

⁸²⁶ Боннар А. Греческая цивилизация. Т.2. Изд.: Феникс, Ростов-на-Дону, 1994. С.175.

⁸²⁷ Марру А.И. История воспитания в античности. Пер. с франц. А. И. Любжина, М. А. Сокольской, А. В. Пахомовой. М.: «Греко-латинский кабинет» Ю.А.Шичалина, 1998. С. 129-130.

⁸²⁸ Тамарченко Н. Д. Жанр / Тамарченко Н. Д. (Глав. науч. ред.). ПОЭТИКА: словарь актуальных терминов и понятий. М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. С. 69

⁸²⁹ Stone I.F. The trial of Socrates. Boston: Little, Brown, 1988. P. 4.

⁸³⁰ Алымова Е.В. Греческая философия в контексте трагического мировосприятия: автореф. дис. ... кандидата философских наук: 09.00.03 / СПб. гос. ун-т. Санкт-Петербург, 2000. С. 21.

⁸³¹ Brogan T.V.F., Preminger A (eds.). The New Princeton Encyclopedia of Poetry and Poetics. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1993. P. 934.

⁸³² Асмус В.Ф. Платон. М.: «Мысль», 1975. С. 162.

Абстрагируемся от проблематики поэтического как стилистического и обратимся к анализу поэтического как структурно-организующего; к поэтическому как к сюжету, через который и при помощи которого формируется способ обсуждения божественных вещей и их демонстрация. Для выполнения данной задачи первоначально необходимо определить то, что будет пониматься под «поэтическим сюжетом» в рамках исследуемых диалогов. В предыдущем разделе не возникло трудностей с определением данного понятия, поскольку логика его формирования в контексте мифологического диалога была очевидна и не требовала глубокого анализа. Теперь же, обращаясь к данной категории в связи с поэтическим творчеством, вообще, и способом его выражения, в частности, необходимо не только перейти к большей конкретизации достаточно широкого понятия самого по себе⁸³³, но и к его соотношению с поэтическим способом представления (это соотношение с иными, не менее широкими категориями из теории литературы, например, с такой, как поэтика⁸³⁴) данной реальности, её описания и функционирования.

Иными словами, если ранее под «сюжетом» понималась система определённых событий, которые структурируют конкретный способ говорения о божественном, то сейчас необходимо обратиться к самой функциональной части этого выражения. Раскрыть то, что поэтическое слово, затрагивающее теологические вопросы, несёт определённый художественный образ, связанный с репрезентацией содержания религиозного воображения (определённый дискурс выражения божественного) и отражающий взаимоотношение между автором и его текстом⁸³⁵.

Таким образом, из указанных замечаний следует несколько важных моментов. Во-первых, поэтический анализ сюжетной последовательности событий, нацеленный на раскрытие «загадки» диалогической формы произведений

---

⁸³³ Овчаренко О.А. Сюжет, фабула, композиция // Теория литературы / Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН. М.: Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, 2011. С. 183-198.

⁸³⁴ Заваркина М.В. Жанр как категория поэтики (проблемы, тенденции, перспективы) // Проблемы исторической поэтики. 2020. №1. С. 7-35.

⁸³⁵ Ноговицын О.М. Онтология художественной формы: реальность текста и призрачность реальности. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2016. С. 18.

Платона, происходит при помощи выведения ряда функциональных моментов анализируемых произведений (Платон использовал диалог потому-то...). Причём не только в связи с проблемами текстологического характера (проблема текста)⁸³⁶, но и в связи с отражёнными там реальными отношениями как между самими людьми, так и между людьми и вещами⁸³⁷. Во-вторых, актуализируется важность самого выразителя поэтического, поэта, и его психологической части, а также учёта конкретно исторического контекста творения самого поэта⁸³⁸. В-третьих, это вопрос самой подачи, не функциональное выражение поэтического анализа, но поэтический анализ самого способа выражения (образы, характеристики, интерпретации поэтических фрагментов, контекст их использования и ряд других аспектов, которые традиционно рассматриваются в рамках трагического подхода к диалогам⁸³⁹).

Итак, необходимо выработать рабочее понятие. Учитывая вышесказанные замечания, необходимо прийти к такому пониманию сюжета, при котором была бы отражена субъект-объектная система отношений между самим текстом (историей) и её творцом (автором). Подобный подход предлагает Дж. Каллер, утверждая, что «...с одной стороны, сюжет – это способ формирования событий, с целью превращения их в подлинную историю: писатели и читатели формируют события в сюжет в своих попытках разобраться в происходящем. С другой стороны, сюжет – это то, что формируется повествованиями, поскольку они «...представляют одну и ту же историю по-разному»⁸⁴⁰. Дополняя высказанное, необходимо заметить, что сама структура «истории» имеет также явную (читательскую) или неявную (авторскую) связь во времени. На основании этой связи устанавливается причинно-следственная зависимость как в онтологически-содержательном аспекте, подразумевающим, что определённое понимание ряда событий (историческая и

⁸³⁶ Лотман Ю.М. Лекции по структуральной поэтике // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М.: “Гнозис”, 1994, С. 201-215.

⁸³⁷ Фуко М. СЛОВА и ВЕЩИ. Археология гуманитарных наук. М.: Прогресс, 1994. С. 54-62.

⁸³⁸ Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. М.: Лабиринт, 1997. С. 12.

⁸³⁹ Press. G.A. From Plato's Dialogues: New Studies and Interpretations. Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 1993. Pp. 121-125.

⁸⁴⁰ Culler J. Literary theory a very short Introduction. Oxford University Press, 1997. P. 85.

социальная конкретика⁸⁴¹) формирует у читателя конкретный образ истории, так и в объективно-наличном аспекте, где сама история рассматривается как результат божественного вдохновения⁸⁴².

Данное замечание корректно точно отражает обозначенные потребности. В рамках исследования сюжет рассматривается не только в качестве объективной структуры в тексте, но и как динамический процесс формирования и структурирования, который порождает из нарратива (истории) собственный дискурс⁸⁴³.

Также, говоря о «сюжете», как о складывающейся системе событий в рамках определённого речевого акта, необходимо обратить внимание на то, что сама эта система, выраженная в тексте, уже даётся в качестве оформленной, как объективность, которая обладает своими закономерностями, особенностями и характеристиками⁸⁴⁴. Помимо этого, на «систему сюжета» (как на сюжетное событие⁸⁴⁵) накладывается и «система образа», под которой понимается разнообразие выраженных в диалогах характеров⁸⁴⁶ и полифонии голосов⁸⁴⁷, разворачивающихся в конкретной, тщательно продуманной обстановке⁸⁴⁸. Исходя из сказанного, следует, что для анализа этих особенностей и закономерностей, этих средств и систем выражения необходим особый инструментарий – «поэтический анализ» или «поэтика повествования», которая «...одновременно пытается понять компоненты повествования и анализирует как повествования достигают своих результатов»⁸⁴⁹.

---

⁸⁴¹ Moravsik, J. Plato on the Effects of Art / Kelly M (ed-in-ch.). Encyclopedia of Aesthetics 4 v. V. 3. Oxford University Press, 1998. P. 528.

⁸⁴² Brogan T.V.F, Preminger A (Co-edit.). The New Princeton encyclopedia of poetry and poetics. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1993. P. 916.

⁸⁴³ Обдалова О.А., Левашкина З. Н. Понятие "нарратив" как феномен культуры и объект дискурсивной деятельности // Язык и культура. 2019. №48. С. 332-348.

⁸⁴⁴ Тамарченко Н.Д. Сюжет / Тамарченко Н. Д (Глав. науч. ред.). ПОЭТИКА: словарь актуальных терминов и понятий. М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. С. 258.

⁸⁴⁵ Тамарченко Н.Д. Событие сюжетное / Тамарченко Н. Д (Глав. науч. ред.). ПОЭТИКА: словарь актуальных терминов и понятий. М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. С. 239.

⁸⁴⁶ Blondell R. The Play of Character in Plato's Dialogues. Cambridge University Press, 2002. P. 452.

⁸⁴⁷ Rowe Ch. Plato and the Art of Philosophical Writing. Cambridge University Press, 2007. Pp. 15-20.

⁸⁴⁸ Scolnicov S. Beyond Language and Literature. Plato's Styles and Characters: Between Literature and Philosophy Gabriele Cornelli (ed.). Walter de Gruyter GmbH, Berlin-Boston, 2016. P. 5.

⁸⁴⁹ Culler J. Literary theory a very short Introduction. Oxford University Press, 1997. P. 83.

Переходя к Платону и к его пониманию поэтического вообще, возникает сразу ряд проблем, связанных с различной интерпретацией платоновского отношения к поэзии. В рамках академического философского дискурса особое внимания уделялось наследию зрелого Платона, а конкретно – диалогу «Государство». Не углубляясь в объяснение причин такого положения дел и обращаясь к анализу интересующего нас вопроса, мы находим в X-й книге «Государства» сразу ряд обвинений в сторону поэтов и поэзии: «...все поэты, начиная с Гомера, воспроизводят лишь призраки добродетели и всего остального, что служит предметом их творчества, но истины не касаются...»⁸⁵⁰, «...она [поэзия – прим. Р.Ф.] обладает способностью портить даже настоящих людей...»⁸⁵¹, и знаменитый итог: «...искони наблюдался какой-то разлад между философией и поэзией...»⁸⁵². Сталкиваясь с таким потоком обвинений, большинство исследователей творчества Платона соглашались с тем, что афинский философ был противником «свободной поэзии», а свободных поэтов выгнал бы из своего государства. Как заметил С. Хэлливелл – это «...стандарт чтения Платона в отношении к поэзии»⁸⁵³. Интересно, что эта «стандартность» приобретает свою расплывчатость уже в связи с самим вопросом «принятия» этой вражды среди исследователей.

Так, некоторые авторы считают, что различные высказывания Платона о поэзии необходимо систематизировать и воспроизвести то, что можно называть «платоновской поэтикой»⁸⁵⁴. Другие авторы отказываются от систематизации⁸⁵⁵, обосновывая свой выбор как особенностью методологии обращения к диалогам и чтения диалогов (драматический подход)⁸⁵⁶, так и в связи с проблемой

⁸⁵⁰ Платон. Сочинения в трёх томах (четырёх книгах). Под общ. ред. Лосева А.Ф., Асмуса В.Ф. / Пер. с дре. греч. / Т. 3, Ч. 1. М.: «Мысль», 1971. С. 428.

⁸⁵¹ Там же. С. 435.

⁸⁵² Там же. С. 438.

⁸⁵³ Halliwell S. Antidotes and incantations: is there a cure for poetry in Plato's republic? / Destrée P., Herrmann F.-G (eds.). Plato and the Poets. Brill Academic Pub, 2011. P. 244.

⁸⁵⁴ Garcia L.J. A. Plato's Poetics. SSRN Electronic Journal, 2004. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/262183965_Plato's_Poetics (Дата обращения: 13.07.2024).

⁸⁵⁵ Else G.F. Plato and Aristotle on poetry. Chapel Hill: University of North Carolina Press. P. 199.

⁸⁵⁶ Scolnicov S. Beyond Language and Literature / Cornelli G (ed.). Plato's Styles and Characters: Between Literature and Philosophy. Walter de Gruyter GmbH, Berlin-Boston, 2016. P. 5.

реконструкции платоновской философии, вообще⁸⁵⁷. В целом, указанная проблема находится в поле более широкого затруднения, связанного с самой методологией рассмотрения платоновского философского творчества. Традиционно выделяется три исследовательские стратегии: атомистическая (диалоги Платона воспринимаются, как совокупность самодостаточных произведений), унитаристская (диалоги представляют собой систему сугубо платоновских философских изысканий) и эволюционистская (диалоги воспринимаются, как интеллектуальное пространство, демонстрирующее переход от сократического зачина к самостоятельной мысли Платона). Разрешение этой методологической части должно стать основанием для дальнейшего анализа уже поэтического поля представления философских изысканий основателя Академии.

Итак, соглашаясь с критикой прогрессивизма Д.В. Бугая⁸⁵⁸, принимая во внимания замечания С.С. Аверинцева о значимости формы подачи философских изысканий⁸⁵⁹, а также актуализируя диссертационную ориентацию на трагическую составляющую⁸⁶⁰, считаем, что наиболее корректным в рамках литературно-критического подхода к наследию Платона будет атомистический подход. Этот методологический шаг раскрывает пространство для интерпретационного лавирования между «традиционными проблемами».

Так, к примеру, переходя к проблеме «вражды», отметим разнообразие мнений исследовательских позиций: от полного согласия с данной позицией и анализа её исторической ретроспективы⁸⁶¹ и прагматического подхода⁸⁶², который раскрывает философию через литературную форму⁸⁶³, до отрицания этой

⁸⁵⁷ Kraut R. Plato / Zeyl D. J (ed.). Encyclopedia of classical philosophy. Daniel Devereux & Phillip Mitsis (Ass. Ed). Westport, Conn.: Greenwood Press, 1997. P. 390.

⁸⁵⁸ Бугай Д.В. Платоновская концепция справедливости и её исторические предпосылки: автореферат дис. ... доктора философских наук: 09.00.03. Москва, 2019. С 8.

⁸⁵⁹ Аверинцев С.С. Классическая греческая философия как явление историко-литературного ряда. Античность (Вступительная статья) / Аверинцев С.С. Собрание сочинений: В 6 Т. Т. 1. Античность. М.: Изд-во ПСТГУ, 2024. С. 752-753.

⁸⁶⁰ Протопопова И.А. Прыгающий лебедь: о драматическом подходе к диалогам Платона // Философско-литературный журнал «Логос». 2012. №6 (90). С. 88-89.

⁸⁶¹ Most G.W. The poetics of early Greek philosophy / Long A. A (ed.). The Cambridge Companion to Early Greek Philosophy. Cambridge University Press, 1999. Pp. 332-362.

⁸⁶² Gordon J. Turning Toward Philosophy: Literary Device and Dramatic Structure in Plato's Dialogues, University Park: Pennsylvania State University Press, 1999. P. 76.

⁸⁶³ Tanner S. In Praise of Plato's Poetic Imagination. Lexington Books, 2010. P. 76.

«вражды» (утверждение, что «вражда» – это просто поэтический образ⁸⁶⁴, платоновская выдумка⁸⁶⁵).

Несмотря на множество проблем, связанных с абсолютизацией произведений зрелого Платона, в академической среде по-прежнему доминирует ориентация на зрелые диалоги. Поэт продолжает оставаться всего лишь «...ущербным медиумом»⁸⁶⁶, а позиция сводится к «ошибочному воспроизведению ущербного образа». Это ошибочное воспроизведение, с одной стороны, божественных речей, а с другой стороны, истинной реальности»⁸⁶⁷ (хотя проблема воспроизведения как уподобления или мимесиса также оценивается неоднозначно⁸⁶⁸) и «...принимается лишь постольку, поскольку это гимны богам и хвала добродетельным людям»⁸⁶⁹.

При обращении к более раннему творчеству подобных категорических высказываний не встречается. Платон, упоминая поэтическое творчество, определяет поэта и его особенности следующим образом: «Поэт – это существо лёгкое, крылатое и священное; он может творить не ранее, чем сделается вдохновенным и исступлённым и не будет в нём более рассудка... Ведь не от уменья они [поэты – прим. Р.Ф.] это говорят, а от божественной силы: если бы они благодаря уменью могли хорошо говорить об одном, то могли бы говорить и обо всём прочем»⁸⁷⁰.

Раскрывая таким образом возвышенную природу поэтического творчества, Платон замечает и её иррациональный исток: «...бог отнимает у них [поэтов – прим. Р.Ф.] рассудок и делает их своими слугами, вещателями и божественными прорицателями...»⁸⁷¹ Несмотря на то, что это соответствует высказанным ранее

⁸⁶⁴ Barfield R. The ancient quarrel between philosophy and poetry. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2011. P. 1.

⁸⁶⁵ Gonzales F.J. The hermeneutics of madness: poet and philosopher in Plato's Ion and Phaedrus / Destrée P., Herrmann F.-G (eds.). Plato and the Poets. Brill Academic Pub, 2011. P. 108.

⁸⁶⁶ Collobert C. Poetry As Flawed Reproduction: Possession and Mimesis / Destrée P., Herrmann F.-G (eds.). Plato and the Poets. Brill Academic Pub, 2011. P. 49.

⁸⁶⁷ Там же. P. 59.

⁸⁶⁸ Лосев А.Ф. От Гомера до Прокла: История античной эстетики в кратком изложении / СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. С. 143-144.

⁸⁶⁹ Платон. Сочинения в трёх томах (четырёх книгах). Под общ. ред. Лосева А.Ф., Асмуса В.Ф. / Пер. с дре. греч. / Т. 3, Ч. 1. М.: «Мысль», 1971. С. 437.

⁸⁷⁰ Платон. Сочинения в трёх томах (четырёх книгах). Под общ. ред. Лосева А.Ф., Асмуса В.Ф. / Пер. с дре. греч. / Т. 1. М.: «Мысль», 1968. С. 138.

⁸⁷¹ Там же. С. 139.

замечаниям, в ином диалоге есть следующие слова: «...надо обратиться к поэтам: они для нас – как бы отцы премудрости и наши вожатые»⁸⁷², где Сократ прямо указывает Лисиду, что в ходе своего «исследования» им надо обратиться к поэтам и что, нивелирует идею их «безумия» как неразумности.

Исходя из всего вышесказанного, возникает следующий вопрос: как понимать «поэтическое» вообще у Платона при таких противоречивых высказываниях о данном феномене в корпусе его сочинений? Особенно этот вопрос усугубляется тем, что анализ отношения Платона к «поэтическому» как к «творческому» (техне) приводит к крайне разнообразным выводам различных исследователей. Ф. Ницше, указывая на «наивный цинизм» Платона в оценке поэзии, утверждал, что древнегреческий мудрец просто поставил поэзию во служение диалектике⁸⁷³ и ничего иного не планировал. Немного иначе, но в том же ключе высказался К. Джанауэй, считая, что «...сочинения Платона – освободительная попытка вытеснить миметическую поэзию с центрального места из культуры того времени»⁸⁷⁴. Дж. Гордон считал, что «Платон – это поэт, драматург и философ, а драматические и поэтические аспекты платоновских диалогов далеки от просто «формы», и по содержанию они [диалоги – прим. Р.Ф.] связаны с философским проектом Платона»⁸⁷⁵, а П. Фэган, как бы поддерживая предыдущую позицию, указала: «...Платон сам является глубоко традиционным писателем, которого надо читать также, как мы читаем поэтов...»⁸⁷⁶

Вышеуказанная проблемная ситуация также нуждается в разрешении, но для этого необходимо проделать совершенно иную исследовательскую работу. Важным являются два момента: во-первых, отношение Платона к «поэтическому» и поэтам было, скорее всего, «...изначально двойственное: умение провоцировать аффекты раздражало демиурга и восхищало теолога...»⁸⁷⁷, несмотря даже на

⁸⁷² Платон. Диалоги. М.: Мысль, 1986. С. 232.

⁸⁷³ Ницше Ф. Рождение трагедии, или Эллинство и пессимизм / пер. с нем. Г.А. Рачинского. М.: Академ. Проект, 2007. С. 100-101.

⁸⁷⁴ Janaway Ch. Plato / Kelly M (ed-in-ch.). Encyclopedia of Aesthetics 4 vol. V. 3. Oxford University Press, 1998. P. 521.

⁸⁷⁵ Gordon J. Turning Toward Philosophy: Literary Device and Dramatic Structure in Plato's Dialogues, University Park: Pennsylvania State University Press, 1999. P. 63.

⁸⁷⁶ Fagan P. Plato and Tradition. The Poetic and Cultural Context of Philosophy. Northwestern University Press, 2013. P. 17.

⁸⁷⁷ Позднев М.М. Психология искусства. Учение Аристотеля. М. СПб.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. С. 246.

единство и загадочность поэтического искусства, а также стремление афинского мудреца к «...полноте, достоверности и правдоподобию в своих рассказах...»⁸⁷⁸ Во-вторых, даже если отвлечься от этой странности, то необходимо иметь в виду, что Платон – человек, и его взгляды менялись. Было бы странно полагать, что афинский философ изначально имел полностью сформированное представление о собственной «философской системе» и о её «поэтической» части. Особенно в связи с тем, что поэтический элемент проявляется не только исторически⁸⁷⁹, но и драматически, формируя целостное пространство повествования, пространство диалога, демонстрирующее не пассивную созерцательность⁸⁸⁰, но динамическую «жизнеподобную драму»⁸⁸¹ без разрыва между самой формой и содержанием⁸⁸².

Достаточно убедительным такое объяснение выглядит, на наш взгляд, только при ориентации на атомистический подход, что и обосновывает его выбор в рамках диссертационного исследования.

Таким образом, диалогическое творчество Платона – крайне сложное явление⁸⁸³. Причём сложность не ограничивается сугубо спецификой методологических проблем. Она также связана и с самой структурой диалога как многогранного феномена. Ранее подчёркивалось, что каждый диалог так или иначе представляет собой поиск определённого способа выражения божественных вещей, демонстрирует свой собственный способ выразительности (эстетической теологии), используя набор различных методов. Такая установка неминуемо ведёт к вопросу об условиях единства различных диалогических единиц Платона: возможно ли вообще говорить о творчестве афинского мудреца, как о чём-то едином? И, как следствие, разумно ли вообще говорить о сюжетах в рамках различных диалогов?

⁸⁷⁸ Erler M. Detailed Completeness and Pleasure of the Narrative. Some Remarks on the Narrative Tradition and Plato // Cornelli G (ed.). *Plato's Styles and Characters: Between Literature and Philosophy*. Walter de Gruyter GmbH, Berlin-Boston, 2016. P. 106.

⁸⁷⁹ Scott D. *Plato, Poetry and Creativity* / Destrée P., Herrmann F.-G (eds.). *Plato and the Poets*. Brill Academic Pub, 2011. P. 152.

⁸⁸⁰ Kennedy A.G (ed.) *The Cambridge history of literary criticism* 9 v. V. 1, Cambridge University Press, 1989. P. 93.

⁸⁸¹ Ausland H.W. On reading Plato Mimetically. *The American Journal of Philology*. V. 118, No. 3 (Autumn, 1997). P. 373.

⁸⁸² Tanner S. *In Praise of Plato's Poetic Imagination*. Lexington Books, 2010. P. 8.

⁸⁸³ Randall J.H.Jr. *Plato: dramatist of the life of reason*. New York, Columbia University Press, 1970. P. 142.

Данное затруднение вполне логично возникает, если рассматривать выведенную совокупность сюжетов в рамках диалогического творчества в отрыве от методологических особенностей самих диалогов (не только как поиска методов различных форм выражения божественного, но и как различных методов внутри структуры художественного текста). Сюжет – как некоторая история, представляющая совокупность событий, которая, кроме того, что выступает в качестве «стержня» диалогов античного мыслителя, имеет сложную структуру⁸⁸⁴. И эта совокупность событий, как некоторый фон «философской линии диалога», обладает выразительной эстетикой, своей реальностью. Рассмотрение этого «фона» как второстепенного элемента – неверно. Ведь именно за «фоном» и стоит то, что решает проблему единства творчества Платона. Именно его драматическое повествование и скрепляет в единую структуру все его работы и выражает как целостность то, что можно называть платонизмом Платона.

Имея в виду эту функцию «драматического фона», можно согласиться с той позицией, которая гласит: «Произведения Платона также драматически связаны своей общей исторической структурой...»⁸⁸⁵ Но, как известно, диалогическое творчество исследуемого автора состоит из сюжетов. Сам же сюжет складывается из цепи событий, направленной на реализацию конкретной цели, а события представляют собой определённую систему разговора, которую выстраивает главный герой диалога. И если остановиться на той совокупности методологических приёмов и выведенных ранее сюжетов, то невозможно будет рассмотреть более глубинные основания самого диалога – «систему беседы», её составные единицы⁸⁸⁶. Это позволяет указать на то, что, ранее разработанные методологические принципы относились к диалогам, взятым в их целостности, и были не более, чем «эстетикой выражения». Однако более фундаментальное основание диалогического творчества осталось неисследованным, а ведь из-за

⁸⁸⁴ Васильева Т.В. Поэтика античной философии. М.: Академический Проект; Трикста, 2008. С. 146.

⁸⁸⁵ Blondell R. *The Play of Character in Plato's Dialogues*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 6.

⁸⁸⁶ Барт Р. Критика и истина / Зарубежная эстетика и теория литературы XIX - XX вв.: Трактаты, ст., эссе. / Сост., общ. ред. Г.К. Косикова. М.: Изд-во МГУ, 1987. С. 393.

взаимодействия составных единиц «системы беседы», возможно, и формируются и сам сюжет, и методологические особенности каждого диалога.

Итак, составной единицей «беседы» выступают герои и участники этой беседы. Данное разделение обязательно, так как герой беседы не всегда участвует в диалоге лично, хотя упоминание о нём или о его словах может выступать основанием диалога. К примеру, в «Апологии Сократа» таким персонажем выступает Херофонт, в «Ионе» – Гомер, в «Евтифроне» – отец Евтифрона.

Среди участников разворачивается диалог или полилог, который условно можно называть «системой беседы», подчёркивая, с одной стороны, что идёт обсуждение определённого предмета, а с другой стороны – то, что само это обсуждение идёт определённым образом. Исходя из сказанного, следует, что, введённый термин помогает объединить методологию «эстетического выражения» произведения с исследованием его драматического основания, поскольку «...драматизм диалогов заключается в напряжённости или взаимосвязи между различными точками зрения»⁸⁸⁷.

Но как выстраивается беседа между её участниками? Можно ли сказать, что это представляет из себя строго выстроенную систему разговоров со специально выбранными героями, а все внешние упоминания – не более, чем случайные элементы, связанные с целью завязки будущей философской дискуссии? С этой точки зрения диалоги Платона получают сугубо инструментальную интерпретацию, а сам вопрос о диалогической форме философского творчества Платона начинает приобретать проблемный характер.

Актуализируя таким образом вопрос о диалоге, как составной части «философии Платона», логично будет рассмотреть различные точки зрения на сущность диалогической формы и её роли в самом процессе философствования.

Так, К. Ясперс, отказываясь рассматривать диалог всего лишь как «эстетическую необязательность», считает, что «форма диалога является необходимым проявлением... философии, если он [Платон – *прим.* Р.Ф.] хотел

---

⁸⁸⁷ Blondell R. The Play of Character in Plato's Dialogues. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 15.

изложить её письменно»⁸⁸⁸, подразумевая то, что сама диалогическая форма – «...это реальность самого мышления»⁸⁸⁹. При этом немецкий философ не отказывается от полифонизма, указывая на то, что «...философский диалог – позволяет одновременно с логическим актом воплотить в жизнь экзистенциальный смысл мыслимого путём сочетания содержания диалога с людьми и с ситуациями»⁸⁹⁰. Из высказанного следует, что исследователь пытается комплексно подойти к диалогическому творчеству, учитывая логический, экзистенциальный и полифонический моменты. Однако, рассматривая диалоги только с точки зрения формального представления философии, автор, не уделяет должного внимания средствам выразительности этих произведений, аспекту трагичности, что влияет на восприятие философского содержания диалогов.

Иной позиции придерживается англо-американский исследователь Дж. Аннас. Исследователь избирает более инструментальное объяснение диалоговой формы философии афинского мудреца. По мнению автора, «...работая в диалогической форме, Платон может дистанцироваться от представленных позиций и аргументов... Он не излагает свою точку зрения с авторитетных позиций, но излагает аргументы таким образом, что читатель неизбежно оказывается брошенным на произвол судьбы для понимания того, что было предложено»⁸⁹¹. Данный взгляд на форму платоновской философии интересен тем, что тут предполагаются, с одной стороны, определённые свобода и спонтанность в понимании самой сути философии Платона, а с другой стороны, есть перспектива открытия нового, иного диалога не между героями произведения, но между читателем и самим произведением. Однако, несмотря на столь интересные перспективы данной точки зрения, нераскрытым остаётся натурализм диалогов и их трагизм.

Третья точка зрения – это позиция, высказанная Р. Краутом. Исследователь считает, что «...использование собеседников является напоминанием того, что

---

⁸⁸⁸ Jaspers K. Plato. München: Piper. P.34.

⁸⁸⁹ Там же. С. 36.

⁸⁹⁰ Там же. С. 35.

⁸⁹¹ Annas J. Plato. New York: Sterling Pub, 2009. P. 1.

разговор, а не красноречие является правильным способом достижения истины»⁸⁹². В рамках данного подхода основное внимание сакцентировано на словосочетании «правильный способ достижения истины». Р. Краут полностью отказывается рассматривать диалоговую форму, указывая на диалог, как на процесс, обладающий некоторой ценностью – «правильностью», «...диалог даже в монологах – это примат разговора и зависимость от него ценность письма»⁸⁹³. Иными словами, исследователь не считает диалог формой. Для него платоновские диалоги являются просто отражением реальных разговоров, поскольку письмо выступает производным от беседы.

Однако, с данным подходом сложно согласиться, так как ценность диалога, его правильность, по всей видимости, обладают универсальной ценностью до такой степени, что переносятся на отражённый в письменности диалог. И эта ценность уже письменно предстаёт перед безальтернативным вариантом, подразумевающим реальный диалогический процесс, тем самым делая рассуждения более «правильными» и «первичными», а по отношению к данным текстам – бессмысленными.

По-нашему же мнению, которое опирается на смешанную методологию, невозможно говорить о случайных элементах в структуре самого произведения. То же самое касается и героев. Отказываясь от инструментального подхода и признавая все составные элементы исследуемых текстов, исследователь открывает перед собой пёструю картину сложных отношений независимых сознаний. И если отказаться от плоского взгляда на фабулу событий, где есть один единственный носитель истины – Сократ и остальные заблуждающиеся герои, и признать за каждым героем право на его собственный голос, то сам предмет обсуждения (рождающийся сюжет) предстаёт как формирующийся, состоящий из множества голосов и актуализирующийся принятием всех членов исследуемой беседы⁸⁹⁴. Особенно данное замечание актуализируется при рассмотрении зачина любого из

⁸⁹² Kraut R. Plato / Zeyl D. J (ed.). Encyclopedia of classical philosophy. Daniel Devereux & Phillip Mitsis (ass. Ed). Westport, Conn.: Greenwood Press, 1997. P. 391.

⁸⁹³ Там же.

⁸⁹⁴ Силантьев И.В. Поэтика мотива. М.: Язык славянской культуры, 2004. С. 81.

диалогов Платона⁸⁹⁵, где происходит генезис условий ведения диалогов, определённого контекста (контраст, сопоставление с которым может демонстрировать иронические элементы, а также впервые раскрываются некоторые характерные особенности людей, что участвуют в обсуждении), актуализируются трагические элементы, а также раскрывается фон «игры характеров»⁸⁹⁶.

Но что это за игра характеров? Что за свободное сознание? Это полифония. Подходя к этому более формально, возможно вслед за М.М. Бахтиным определить указанный термин, как «...множественность самостоятельных и наслоенных голосов и сознаний... с их мирами...»⁸⁹⁷. Понимаемый таким образом полифонизм, будучи структурным принципом⁸⁹⁸ произведения, задаёт не только разные аспекты обсуждения поднятой проблемы, не только голоса как таковые, но и наличие собственного мира – сознания. Это сознание, во-первых, вносит элемент свободы в героев, противопоставляя его монологу самого Платона, а, во-вторых, усиливая реалистическую эстетику, демонстрирует характер людей, их занятия, напряжения их мысли и истинные удивления от выводов, которые демонстрирует им Сократ. Подтверждением свободы героев платоновских диалогов может служить то, что некоторые из диалогов не оканчиваются ничем. Так, диалог «Евтифрон» заканчивается тем, что собеседник Сократа уходит по своим делам, даже несмотря на то, что вся линия их рассуждения с Сократом зашла в тупик⁸⁹⁹.

Нечто подобное можно найти и в диалоге «Протагор», где после долгой беседы участники диалога, отказавшись от своих первоначальных тезисов, просто поставили новые вопросы⁹⁰⁰. Подобная форма незавершённости, в сочетании с описанием обыденных ситуаций окружающего пейзажа и обстановки используется

⁸⁹⁵ Sanctis De D. The meeting scenes in the incipit of Plato's dialogue / Cornelli G (ed.). Plato's Styles and Characters: Between Literature and Philosophy Walter de Gruyter GmbH, Berlin. Boston, 2016. Pp. 119-135.

⁸⁹⁶ Blondell R. The Play of Character in Plato's Dialogues. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 52.

⁸⁹⁷ Бахтин. М.М. Собрание сочинений в 7 томах. Т.2. / «Проблемы творчества Достоевского» (1929). Статьи о Толстом (1929). М.: Русские словари, 2000. С. 4.

⁸⁹⁸ Магомедова Д.М. Полифония / Тмарченко Н.Д (Глав. науч. ред.). ПОЭТИКА: словарь актуальных терминов и понятий. М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. С. 174.

⁸⁹⁹ Платон. Диалоги. М.: Мысль, 1986. С. 268.

⁹⁰⁰ Платон. Сочинения в трёх томах (четырёх книгах). Под общ. ред. Лосева А.Ф., Асмуса В.Ф. / Пер. с дре. греч. / Т. 1. М.: «Мысль», 1968. С. 252-253.

Платоном для максимального отражения всей полноты жизни. Диалог выступает отдельным миром персонажей⁹⁰¹, отдельным космосом во всей своей полноте и совокупности с выстроенной в определённую систему не только литературных образов, но и представленных внутри текстов бесед.

Разобравшись в самой структуре диалога и предложив своё виденье того, почему Платон избрал именно такую форму, необходимо ответить на следующий важный вопрос – какая связь существует между формой подачи «философии Платона», её элементами и божественным? Ответ кроется в самом представлении религиозного воображения греков. Для древнего эллина, как указывалось ранее, вся полнота жизни со всеми её различными аспектами была преисполнена божественным. Все социальные действия регулировались определённым ритуалом, соотносились с определённым богом и легитимизировались определённым мифом, и всё это благодаря тому, что «...основой – может быть, самой глубокой – религиозного чувства древнего эллина было сознание таинственной жизни окружающей его природы: ...она вся была жизнью, вся – духом, вся – божеством»⁹⁰².

Именно поэтому Платон продолжает наполнять свои диалоги живым содержанием в процессе динамики тематического развития сюжета⁹⁰³, описывая реальные ситуации взаимодействия людей, тщательно отбирая участников беседы, вписывает их в соответствии со своими эстетическими воззрениями в сакральный тайный диалог, его философскую суть, в свою основную задумку⁹⁰⁴. Иными словами, Платон, избавляя свои диалоги от всего вульгарного, спонтанного и неорганичного, формирует инструмент отображения божественного – полифонию, усиливая её различными средствами выразительности.

⁹⁰¹ Тамарченко Н.Д. Мир персонажей / Тамарченко Н.Д. (Глав. науч. ред.). ПОЭТИКА: словарь актуальных терминов и понятий. М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. С. 122-123.

⁹⁰² Зелинский Ф.Ф. История античных религий. Т. I – III. СПб.: Издательский проект «Квадриум»; Алетейя, 2017. С. 29.

⁹⁰³ Кравченко Э.Я. Диалог / Тамарченко Н.Д. (Глав. науч. ред.). ПОЭТИКА: словарь актуальных терминов и понятий. М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. С. 56-57.

⁹⁰⁴ Прокопов К.Е. Магическая лексика в диалогах Платона: *parmakon* и *epode* // Schole, СХОЛЭ. 2019. №1. С. 294-306.

Достигает этого Платон при помощи формирования ярких противопоставлений, которые наиболее чётко отражаются в сознании читателя. Это видно даже на примере Сократа, который сперва предстаёт не в форме «дара природы», но в форме «социального овода», который посредством вопросов пытается вытащить своих собеседников из этого наличного, видимого, конкретного и единичного. Глубокая ирония заключается в том, что сам Сократ, будучи «человеком-парадоксом»⁹⁰⁵, противопоставляется обыденному, общественному ходу вещей, а его мысли – традиционным верованиям, что, по задумке Платона, является естественным явлением мира, мира носителей мифологического сознания, религиозное воображение которых задаёт такое виденье, где чудо натуралистично, а натурализм чудесен⁹⁰⁶. Мира, где Сократ-парадокс стремился к восстановлению цельного знания о собственном жизненном пространстве через выполнение божественной миссии и стал в итоге жертвой за философию⁹⁰⁷.

Однако, только этими эстетическими элементами от самого Платона диалог не ограничивается. Платон, помимо своей линии выразительности, допускает параллельную, связанную с другими авторами, поэтами, ссылка на которых органично вписывается в формирование диалогического процесса. К примеру, в диалоге «Ион» Сократ использует большое количество ссылок на гомеровские поэмы, дабы убедить рапсода Иона в том, что его способность комментировать Гомера связана не с тем, что он понимает всё, что написано в его произведениях, но с тем, что он через тексты приобщается к божественному, мудрейшему⁹⁰⁸ и истинному хозяину этих произведений⁹⁰⁹.

Данное обращение к поэтическому творчеству связано не только со значимостью Гомера как такового (об этом уже говорилось ранее). Здесь творчество Гомера играет ключевую роль. Его поэмы содержат примеры, которые

⁹⁰⁵ Vlastos G. Introduction: the paradox of Socrates / Vlastos G (ed.). The philosophy of Socrates; a collection of critical essays. Garden City, N.Y., Anchor Books, 1971. P. 4.

⁹⁰⁶ Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М.: Мысль, 2001. С. 174.

⁹⁰⁷ Gottlieb A. Socrates. New York: Routledge, 1999. P. 3.

⁹⁰⁸ Платон. Сочинения в трёх томах (четырёх книгах). Под общ. ред. Лосева А.Ф., Асмуса В.Ф. / Пер. с дре. греч. / Т. 1. М.: «Мысль», 1968. С. 90.

⁹⁰⁹ Там же. С. 138.

помогают Сократу выстроить цельную систему рассуждения, демонстрирующую незнание Ионом не только сути творчества Гомера, но и своего рапсодического искусства. Это переход на более понятный язык, который в определённом контексте рассмотрения (ведь Гомера знали все греки) трансформируется из беседы Сократа с собеседником в диалог с читателем произведения.

Нечто схожее встречается и в «Меноне», где одноимённый персонаж без образования приводит цитату неизвестного поэта⁹¹⁰, чтобы, с одной стороны, выразить новую точку зрения по обсуждаемому вопросу, а с другой – запустить новую цепь аргументов, которая должна привести к новому заключению и продолжению диалога. Обратим внимание, что в данном примере важно не то, что диалог использует в качестве тезиса высказывание поэта, но то, что даже не сохранившийся до наших дней (видимо, данный автор был далеко не так популярен, как Гомер или Гесиод) фрагмент из поэмы собеседник цитирует без особого труда. Это позволяет предположить, что не только античное образование, но и вся античная жизнь так или иначе была пропитана определёнными поэтическими образами⁹¹¹, которые можно было использовать не только ради украшения речи, но и в качестве альтернативы абстрактным понятиям⁹¹².

Таким образом, различные диалоги Платона по-разному отражают отношение философа к творчеству поэтов. Безусловно, важно было бы узнать причины такого изменения отношения, но это тема иного исследования. В данной работе выразим солидарность со следующей позицией: «...несмотря на то, что Платон запретил поэтам входить в «Государство», он оказал сильное влияние на западную поэзию и поэтику, да и ко всему прочему сам использовал поэзию больше, чем какой-либо прозаический писатель»⁹¹³.

Про сам диалог, как некую поэтическую форму выражения, будет сказано ниже, а пока остаётся проблема определения самого «поэтического» в рамках

⁹¹⁰ Платон. Сочинения в трёх томах (четырёх книгах). Под общ. ред. Лосева А.Ф., Асмуса В.Ф. / Пер. с дре. греч. / Т. 1. М.: «Мысль», 1968. С. 378.

⁹¹¹ Gordon J. Turning Toward Philosophy: Literary Device and Dramatic Structure in Plato's Dialogues, University Park: Pennsylvania State University Press, 1999. P. 64.

⁹¹² Васильева Т.В. Поэтика античной философии. М.: Академический Проект; Трикста, 2008. С. 147.

⁹¹³ Tanner S. In Praise of Plato's Poetic Imagination. Lexington Books, 2010. P. 77.

раннего платоновского творчества. Поскольку поэзия представляет собой уникальный вид творчества, то в диалогах Платона её рассмотрение связано с отдельным дискурсом, представленным самостоятельной сюжетной линией. Указания на это находим у самого Платона в диалоге «Федон: «...поэт – если только он хочет быть настоящим поэтом – должен творить мифы, а не рассуждения»⁹¹⁴. Иными словами, он должен выражать то, о чём было сказано ранее. Но если затронуть именно сюжетную линию, то понятно, что Платон, подходя к теологическим высказываниям (то есть таким высказываниям, которые связаны с божественным так или иначе), обращается к поэтическому слову, не только в смысле прямого указания на то, что «...поэты же – не что иное, как передатчики богов, одержимые каждый тем богом, который им овладеет»⁹¹⁵, но и в смысле самих тем для обсуждения. Так, если в «Алкивиаде II» Платон говорит собеседнику, что «...очевидно, и у богов, и у людей, имеющих ум, должны особенно почитаться справедливость и разумение: разумные же и справедливые – это именно те, кто знает, что должно делать и говорить, обращаясь как к богам, так и к людям»⁹¹⁶, то в «Алкивиаде I», говоря о поэмах Гомера, утверждает: «...поэмы эти посвящены разногласию по вопросам справедливости и несправедливости»⁹¹⁷.

Таким образом, подходя к завершению данного параграфа, необходимо сделать несколько выводов.

Во-первых, поэтический сюжет в рамках ряда диалогов строится вокруг обсуждения творчества, его дискурсивных особенностей и его сопоставления с другими дискурсами и профессиями.

Во-вторых, поэтический сюжет связан с поэтикой как самих внутренних средств выражения внутри диалога, так и со средствами самого диалога, взятого в целом, поскольку, как было показано ранее, сам он выступает поэтическим своеобразным инструментом.

⁹¹⁴ Платон. Сочинения в трёх томах (четырёх книгах). Под общ. ред. Лосева А.Ф., Асмуса В.Ф. / Пер. с дре. греч. / Т. 2. М.: «Мысль», 1970. С. 17.

⁹¹⁵ Платон. Сочинения в трёх томах (четырёх книгах). Под общ. ред. Лосева А.Ф., Асмуса В.Ф. / Пер. с дре. греч. / Т. 1. М.: «Мысль», 1968. С. 139.

⁹¹⁶ Платон. Диалоги. М.: Мысль, 1986. С. 93.

⁹¹⁷ Там же. С. 187.

В-третьих, поэтический дискурс, раскрывающийся в рамках поэтического сюжета, является определённым способом обращения Платона к теологической тематике, характеризующейся конкретной системой способов выражения и описания божественного.

В-четвёртых, если обращаться непосредственно к особенностям формирования поэтического сюжета, то необходимо помнить и о традиционности Платона, и осознавать, что он не только ведёт диалог с собеседником и читателем, но и «...с системой литературных жанров...»⁹¹⁸, выражая это в постоянном поиске «правильной» интерпретации смысла поэтических слов⁹¹⁹, тем самым давая, с одной стороны, «прочсть мир Платона»⁹²⁰, а с другой – указывая на то, что «...в поэзии, как и в философии, есть место для всего мира»⁹²¹.

В-пятых, поэтическое выражение растворённости божественного в мире, а мира – в божественном, достигается Платоном посредством сочетания различных выразительных литературных приёмов. Сами же эти приёмы, являясь результатом выстроенной определённым образом «системы беседы» между участниками самой этой беседы, демонстрирую основания диалога, которые, с одной стороны, являются результатом сочетания сюжетной структуры исследуемых особенностей их методологической представленности, а с другой стороны, эти сюжеты и выраженная в них методология описания выступают основанием для разворачивания всего произведения в целом.

В-шестых, полифонизм, как стратегия рассмотрения последовательных действий в диалогах античного мудреца, позволяет наблюдать не просто за застывшими образами, но за самим процессом диалога, указывая на то, что весь разворачивающийся в диалогах драматизм – «...не созданная вещь, а происходящее событие. Событие, которому способствую несколько лиц»⁹²².

⁹¹⁸ De Sanctis D. The meeting scenes in the incipit of Plato's dialogue / Cornelli G (ed.). Plato's Styles and Characters: Between Literature and Philosophy. Walter de Gruyter GmbH, Berlin-Boston, 2016. P. 119.

⁹¹⁹ Most G. W. What Ancient Quarrel between Philosophy and Poetry? / Destrée P., Herrmann F.-G (eds.). Plato and the Poets. Brill Academic Pub, 2011. P. 18.

⁹²⁰ Fagan P. Plato and Tradition. The Poetic and Cultural Context of Philosophy. Northwestern University Press, 2013. P. 15.

⁹²¹ Barfield R. The ancient quarrel between philosophy and poetry. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2011. P. 31.

⁹²² Ирония // Новая философская энциклопедия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://gufo.me/dict/philosophy_encyclopedia/ИРОНИЯ (Дата обращения 07.08.2024).

И, в-седьмых, философская теология Платона, рассматриваемая через призму полифонизма формирующих её голосов, начинает приобретать особое значение. Помимо того, что это расширяет поле методологического плюрализма, само признание полифонизма и самостоятельности субъектов наталкивает на мысль о том, что и сюжетов в раннем творчестве Платона не три, а больше (и, следовательно, самих способов восхождения и описания божественного тоже значительно больше). Каждый из них имеет полное право на своё существование. Тут главное зафиксировать тот факт, что при принятии полифонизма разрешается ряд методологических проблем и затруднений, возникающих при рассмотрении диалога как сугубо художественной формы.

Но каким образом Платон достигает такого плюрализма и полифонизма? Как афинский мудрец смешает тотальность дискурса «логического» и пестроту «мифического» в рамках поэтического повествования? В этом заключается суть «метода Сократа», который будет проанализирован в следующем параграфе.

2.3. Метод Сократа: диалектика и ирония

Одно из самых ранних повествований о жизни Платона принадлежит последнему язычнику Александрийской школы неоплатонизма⁹²³ – Олимпиадору Младшему. Биограф, описывая детство афинского мудреца, упоминает об одном явно мифическом сюжете, который нацелен на восхваление платоновского языка. Согласно Олимпиадору, к Платону в колыбели «...слетелись пчёлы и наполнили его рот медовыми сотами...»⁹²⁴ Сейчас, конечно, уже ничего невозможно сказать о качестве речи самого Платона, но можно допустить то, что упоминание пчёл тут не случайно. Оно, по всей видимости, пытается связать уже само его детство, саму речь с божественным (Олимпиодор передаёт историю о том, что настоящим отцом Платона был Аполлон⁹²⁵), воспитательным и, по заветам Мелиссы, сладким⁹²⁶.

⁹²³ Olympiodorus // Stanford Encyclopedia of Philosophy // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://plato.stanford.edu/entries/olympiiodorus/>. (Дата обращения 07. 08. 2024).

⁹²⁴ Олимпиодор. Жизнь Платона / Пер. М.Л. Гаспарова. // Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль. 1979. С. 445.

⁹²⁵ Там же.

⁹²⁶ Любек Ф. Реальный словарь классических древностей [электронный ресурс] URL: «<https://ru.wikisource.org/wiki/ПСКД/Melissa>». (Дата обращения 14.08.2024).

Такое небольшое вступление, предвосхищающее содержание данного параграфа, направлено на актуализацию раскрытия составных элементов «Сократического метода». Будучи теоретическим конструктом, который, в первую очередь, связан с выстраиваемой главным персонажем платоновских диалогов логикой рассуждения, он направлен на целостное восприятие творчества афинского мудреца в философско-рациональном ключе.

Между тем, само творчество Платона, будучи дискретно представленным, имеет сложную многослойную структуру. Признавая существование феномена «философии Платона» и соглашаясь с тезисом о том, что содержится она в выстраиваемой Сократом диалектической линии, обсуждаемый исследовательский конструкт признаётся рабочим в рамках диссертационного исследования.

Однако, учитывая форму платоновского творчества, «метод Сократа» нуждается в анализе. Заключается он в раскрытии двух компонентов, которые в контексте поэтико-драматического подхода к литературно-философскому наследию афинского мудреца выполняют особый функционал. Первый элемент – диалектический, выражен отдельной сюжетной линией, где делается акцент на аргументно-философском аспекте диалогически выстроенного повествования. Второй – иронический, выступающий не только в роли предпосылки диалога, но и основания, которое объединяет высокий и более привычный философско-всеобщий аспект произведений и более частный обыденно тематический. Обсуждению и раскрытию этих элементов и будет посвящена следующая часть данного параграфа.

Итак, диалектический элемент сократического метода, с одной стороны, направлен на демонстрацию определённого типа разговора или диалога о божественном; особого дискурсивного обращения к божественному, а с другой стороны, на факт совпадения логического и художественного в рамках рассмотрения диалектики не как спора или обсуждения, но как сюжетной и теологической линии в творчестве Платона.

Однако, прежде чем делать какие-либо предположения о диалектике, важно рассмотреть этот феномен. Речь идёт не столько о формально-логическом

определении этого термина, сколько о культурно-исторической интерпретации понятия в его наиболее приемлемых исторических формулировках.

Слово «диалектика» – это прямое заимствование существительного из древнегреческого языка – ἡ διαλεκτική, которое в свою очередь происходит от глагола διαλέγομαι, значения которого разнятся от банального «разговор, обсуждение» и до «высказывание мнения» и «рассуждения (разговаривать, беседовать, говорить обсуждать, высказывать мнение, рассуждать, изъясняться)»⁹²⁷. Интересно также обратить внимание на то, что данное слово довольно позднее: поскольку ни у Гомера, ни у Гесиода оно не встречается. Сам Гомер предпочитает μῦθος (сказание) и ῥῆσις (речь), к примеру в Одиссее: «αὐτὰρ ἀκούεις μύθων ἡμετέρων καὶ ῥήσιος»⁹²⁸ (Hom. Od. 21.290) (Слушаешь наши беседы и речи?), а Гесиод наиболее часто использует существительное λόγος (слово, закон) в его различных вариациях (Hes. WD 765; Hes. Th. 886). Дополнительным подтверждением этой мысли служат несколько указаний (D. L. IX. 5. 25; D.L VIII. 2 57; Sext. Emp. Adv. math. I 7.) на то, что Аристотель считал первым диалектиком Зенона Элейского – философа, жившего в V в. до. н.э. В «Метафизике» же сам Аристотель приближает эту дату к нам, утверждая, что до Платона исследователи к диалектике не были причастны⁹²⁹ (Met. 1.987b).

Но что значит указанный термин? Обращаясь к соответствующей статье в «Энциклопедическом словаре античной философии», видим следующее: «Диалектика – искусство вести беседу, спор; в различных контекстах термин «диалектика» использовался как синоним 1) риторики, 2) логики, 3) философии»⁹³⁰. Данная трактовка вполне исчерпывающа для того, чтобы стать ядром рабочего определения, но в ней недостаёт конкретики для применения его в неизменном виде. Не совсем ясно, какой «спор» и какая беседа подразумеваются в данном определении? Как её охарактеризовать, с кем она ведётся, на какую тему и т.д.?

⁹²⁷ Словарь Дворецкого [электронный ресурс] URL: <https://classes.ru/all-greek/dictionary-greek-russian-old-term-15158.htm>. (Дата обращения 23.09.2024).

⁹²⁸ Гомер. Одиссея / Гомер в переводе П.А. Шуйского //под общ. Ред. И.А. Летовой. 2-е изд., испр. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. С. 721.

⁹²⁹ Аристотель. Сочинения в четырёх томах. Т.1. /Перев. и ред. А.И. Доватура / М.: Мысль, 1976. С. 79.

⁹³⁰ Гайденко П.П. (пред.) Античная философия: Энциклопедический словарь. М.: Прогресс-Традиция, 2008. С. 319.

Иными словами, при учёте контекстуально-исторической составляющей не хватает более конкретно выделенного методологического аспекта. Чтобы исправить такую ситуацию, необходимо обратиться к иному источнику. В «Энциклопедии классической философии» можно обнаружить следующее определение: «Диалектика – это искусство аргументированного спора. Такое искусство неизбежно ведёт к изучению самих аргументов и к разработке приёмов обоснования...»⁹³¹ В данном содержании присутствует столь необходимая методологическая часть, связанная с аргументированной стороной спора, которая, начиная с Сократа и до сегодняшнего дня, остаётся источником и атрибутом философского размышления⁹³². Но даже эти замечания не снимают всех неопределённостей. Так, установив, что диалектика – это аргументированный спор, логично определить цель этого спора. Аргументированно можно спорить, о чём угодно, но не любой аргументированный спор можно называть диалектическим, тем более в платоновском контексте. Конкретизируя таким образом содержание данного термина через обращения к творчеству основателя Академии, нужно обратиться к его диалогам, чтобы найти указания на то, как довести определение до удовлетворяющего нас состояния.

Итак, в диалоге «Кратил» Платон определяет диалектика, как человека, который «...умеет ставить вопросы и давать ответы...»⁹³³, что позволяет утверждать, во-первых, что сам процесс диалектики представляет собой перекрёстный опрос (вопрос-ответ)⁹³⁴ и, во-вторых, утверждать, что этот процесс является продолжающимся⁹³⁵, направленным на конкретную цель – истину⁹³⁶. При этом интересен тот факт, что истина понимается, как некая самостоятельная, самодостаточная сущность, про которую Платон не без иронии говорит в диалоге

⁹³¹ Smith R. *Dialectic* / Zeyl D. J (ed.). *Encyclopedia of classical philosophy*. Westport, Conn.: Greenwood Press, 1997. P. 174.

⁹³² Эннес Дж. *Античная философия: очень краткое введение* / Джулия Эннес; [пер. с англ. А.Н. Ганор]. Москва: АСТ: Астрель, 2009. С. 56.

⁹³³ Платон. *Сочинения в трёх томах (четырёх книгах)*. Под общ. ред. Лосева А.Ф., Асмуса В.Ф. / Пер. с дре. греч. / Т. 1. М.: «Мысль», 1968. С. 425.

⁹³⁴ Hope M. *On Socrates*. Wadsworth. Thomson Learning, 2000. P. 52-53

⁹³⁵ Heinemann R. *Plato: metaphysics and epistemology* / Taylor C.C. W (ed.). *Routledge History of Philosophy in 11 V. From the Beginning to Plato V. 1*, 1997. P. 347.

⁹³⁶ Канто-Спербер. М (ред.). *Греческая философия. Т. I.* / [пер. с фр. В.П. Гайдамака]. М.: Греко-латинский каб. Ю.А. Шичалина (ГЛК), 2006. С. 230.

«Пир», утверждая своему собеседнику, что он «...не в силах спорить с истиной, а спорить с Сократом – дело нехитрое»⁹³⁷. Что же касается иных диалогов, то относительно цели диалектики, как аргументированного спора (в противовес диалектике, как всеобщему гносео-онтологическому методу восхождения к знанию в творчестве зрелого Платона⁹³⁸), в «Апологии Сократа» Платон прямо вкладывает в речь своего главного героя слова о том, что более всего его интересовала истина⁹³⁹. Нечто похожее можно найти и в «Федоне», который представляет собой автобиографическую исповедь Сократа перед смертью; диалог, в котором утверждается, что истина – предмет нашего вожделения⁹⁴⁰; не просто истина, но «истина бытия», которую платоновский герой рассматривает через «отвлечённые понятия»⁹⁴¹.

Дополнительное указание на рациональную сущность данного дискурса находится в диалоге Хармид, где Сократ прямо говорит своему собеседнику: «...поскольку наше исследование оказалось наивным и лишённым прочного основания, оно совсем не в состоянии найти истину»⁹⁴². В довершении всего, этот рационалистический дискурс перемешивается с этическим содержанием, «заботой о душе»⁹⁴³. Наиболее ярко это выражено в диалоге «Евтифрон», который, по мнению как ряда отечественных⁹⁴⁴, так и ряда зарубежных авторов⁹⁴⁵, несмотря на свою незавершённость, направлен на рациональное обоснование связи блага (как единства этического и эстетического, указание на которое есть в самом диалоге) с божественным, – в демонстрации того, что Ф. Ницше лаконично назвал «эстетическим сократизмом»⁹⁴⁶.

⁹³⁷ Платон. Сочинения в трёх томах (четырёх книгах). Под общ. ред. Лосева А.Ф., Асмуса В.Ф. / Пер. с др.-греч. / Т. 2. М.: «Мысль», 1970. С. 130.

⁹³⁸ Платон. Сочинения в трёх томах (четырёх книгах). Под общ. ред. Лосева А.Ф., Асмуса В.Ф. / Пер. с др. греч. / Т. 3, Ч. 1. М.: «Мысль», 1971. С. 346.

⁹³⁹ Платон. Сочинения в трёх томах (четырёх книгах). Под общ. ред. Лосева А.Ф., Асмуса В.Ф. / Пер. с др.-греч. / Т. 1. М.: «Мысль», 1968. С. 98.

⁹⁴⁰ Платон. Сочинения в трёх томах (четырёх книгах). Под общ. ред. Лосева А.Ф., Асмуса В.Ф. / Пер. с др.-греч. / Т. 2. М.: «Мысль», 1970. С. 24.

⁹⁴¹ Там же.

⁹⁴² Платон Диалоги. М.: Мысль, 1986. С. 326.

⁹⁴³ Там же. С. 300.

⁹⁴⁴ Карпов В.Н., Клеванов А.С., А.Ф. Лосев

⁹⁴⁵ Allen R, Grube G.A. M, Fowler H. N.

⁹⁴⁶ Ницше Ф. Рождение трагедии. М.: Ad Marginem, 2001. С. 136.

Таким образом, подходя к первичному определению диалектики, можно заключить, что диалектика – это продолжительное, аргументированное, осуществляющееся посредством перекрёстного опроса обсуждение и «...логика сообщаемого движения мысли...»⁹⁴⁷, направленная на выяснение истины в обсуждении этических проблем. Но и это определение ещё далеко от совершенства. Недаром Г.К. Плочман утверждал, что «...диалектика – настолько массовая вещь, что её едва ли можно было свести к какому-либо определению...»⁹⁴⁸ Тем не менее в рамках диссертационного исследования выведенного определения более чем достаточно, и его использование приводит уже к проблеме иного качества. Когда углубились в вопрос формально содержательный, в стороне остались литературно-контекстуальные представления о диалектике. Было определено, что такое диалектика, однако это абстрагированная диалектика, оторванная от её литературной направленности, от контекста реального существования и осуществления.

Иными словами, в процессе разработки рабочего определения диалектики удалось решить только часть проблемы. Было проанализировано не представление о диалектике в творческой композиции Платона, но диалектика как составная часть этой композиции, которая рассматривалась как самодостаточный, целостный и центральный элемент творчества Платона. Методологическая установка на философско-поэтическое восприятие творчества афинского мудреца не может быть осуществлена при таком положении дел, поэтому имеется согласие с позицией Дж. Говарда о том, что «Платон – это поэт, драматург и философ, а драматические и поэтические аспекты платоновских диалогов далеки от простой «формы» и по существу связаны с философским проектом Платона, успех которого неизбежно зависит от драматических и поэтических элементов в диалогах»⁹⁴⁹ и предлагается новое рассмотрение диалектики, как определённого сюжета в рамках диалогов.

---

⁹⁴⁷ Jaspers K. Plato. München: Piper. P. 58.

⁹⁴⁸ Plochmann G.K. Plato. New York, Dell Pub. Co, 1973. P. 106.

⁹⁴⁹ Gordon J. Turning Toward Philosophy: Literary Device and Dramatic Structure in Plato's Dialogues. Pennsylvania State University Press, 1999. P. 63.

Прежде всего, необходимо проанализировать иные взгляды на диалектику, что, с одной стороны, поможет актуализировать и раскрыть эту проблему, а с другой стороны – посредством демонстрации критического анализа поможет выразить логическую линию аргументации, которая в итоге и приводит к заданному пониманию диалектики.

Итак, как было уже сказано, тема диалектики достаточно широка и обильна. И широта её состоит не столько в разнообразии форм её представления, сколько в её различных концептах в рамках платоноведения. Постараемся их раскрыть и классифицировать, разбив на группы.

Первая и самая многочисленная группа, которая может быть условно названа «формальной», представлена множеством работ, которые, во-первых, акцентируются направленностью на зрелые диалоги античного философа (где диалектика выступает не просто методом ведения определённого дискурса, но онтологическим и гносеологическим методом восхождения к бытию и постижения бытия), а во-вторых, на понимание того, что диалектика (сугубо диалектика Платона) – это постижение высших, автономных, первопричинных форм бытия – Идей. Основная проблема связана с тем, что в одну группу были заключены как сугубые «формалисты», так и «религиозно ориентированные» исследователи, предпочитающие христианское прочтение диалогов Платона, и, следовательно, христианскую интерпретацию диалектики, которая приобретает особый методологический статус.

Иными словами, диалектика Платона, в отличие от «философии» (если не упоминается диалектика) Сократа, как «венец знания»⁹⁵⁰, представляет собой интеллектуальную методологию восхождения к божественному – причине и началу всех вещей.

Наиболее яркими представителями данной позиции являются А.Ф. Лосев, определивший диалектику, как «...науку о разыскании принципа каждой вещи, в которой предельно предвосхищено всё возможное становление вещи» (то есть это

---

⁹⁵⁰ Платон. Сочинения в трёх томах (четырёх книгах). Под общ. ред. Лосева А.Ф., Асмуса В.Ф. / Пер. с др.-греч. / Т. 3, Ч. 1. М.: «Мысль», 1971. С.348.

не способ человеческой подводки, но наука разыскания всеобщего принципа)...»⁹⁵¹, Э.Г. Целлер, который прямо приравнял диалектику к учению об идеях⁹⁵², Люк Бриссон, утверждавший о диалектике то, что она – «...точный метод достижения подлинной реальности...»⁹⁵³, Г.Г. Майоров с довольно умеренной позицией, согласно которой «...диалектика у Платона – не только метод мышления, возводящий ум к истине, но и способ онтологического взаимоотношения идеальных сущностей, и способ подведения всего сущего под единое начало...» и радикальная позиция А.-Ж. Фестюжера, утверждавшего о метафизике Платона то, что «...диалектика божественного [в ней – прим. Р.Ф.] соответствует диалектике бытия, которая, в свою очередь, согласуется с диалектикой неизменного, божественного и *ἀθάνατον* [бессмертного]...»⁹⁵⁴

Рассмотренная по персоналиям позиция является одной из самых распространённых и привычных⁹⁵⁵. Однако, из-за того, что в ней традиционно разделяется философия Платона и Сократа и идёт ориентировка на «философское» прочтение диалога при минимизации «трагической» составляющей, диалектика не может быть представлена досочно полно.

Зрелый Платон считается итогом, а всё раннее либо отброшено, либо стало просто частным элементом его учения, что не может быть принято в рамках диссертационного исследования.

Вторая группа (назовем её «логическая») представляет собой в большинстве своём логико-гносеологическое и материалистическое прочтения диалогов Платона. По большей части эта группа представлена советскими исследователями (хотя есть исключение – А.Н Муравьёв⁹⁵⁶), которые, во-первых, отказывались от

⁹⁵¹ Лосев А.Ф. История античной эстетики (в 8 томах). Т.2. Софисты. Сократ. Платон. М.: ООО «Издательство АСТ»; Харьков: Фолио, 2000. С. 277.

⁹⁵² Целлер Э.Г. Очерк истории греческой философии /Пер. с нем. С. Л. Франка, прим. М. А. Солоповой. М.:«Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012. С. 133.

⁹⁵³ Бриссон Л. Платон: писатель, который изобрел философию / [пер. с франц. О. Алиевой]. Москва: Rosebud publishing, 2019. С. 112.

⁹⁵⁴ Фестюжер А.-Ж. Созерцание и созерцательная жизнь по Платону. СПб., «Наука», 2009. С. 93.

⁹⁵⁵ К примеру, в работе «Определения», которая по общему научному консенсусу признан псевдоплатоновской, но была известная уже с поздней античности, содержит в себе такое определение философии, где диалектика присевает в снятом виде, в форме словосочетания «правильно рассуждение», с которым сопряжено созерцание истины

⁹⁵⁶ Муравьёв А. Н. Логос и диалог: Платон о начале и методе познания Академия. /Материалы и исследования по истории платонизма. Межвузовский сборник. Выпуск 1. // Под ред. д-ра филос. наук Р. В. Светлова, А. В. Цыба. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1997. С. 56-73.

всего божественного и теологического, вешая на данные феномены ярлыки «идеализма» и «мистического», и, в соответствии с мнением В.И. Ленина, считали это «...архивздорной мистикой идей...»⁹⁵⁷

Во-вторых, при рассмотрении самой платоновской диалектики, данные исследователи ориентировались не столько на особенности и достижения Платона, сколько на вписывание Платона в определённые линии развития, логично вытекающие из основного вопроса философии⁹⁵⁸ и включающие в себя единство и борьбу противоположностей – диалектики и метафизики как гносеологического аспекта⁹⁵⁹, материализма и идеализма, как онтологического⁹⁶⁰ аспекта, и даже детерминизма, как аспекта логического⁹⁶¹. Так, к примеру, М.А. Дынник, считал, что диалектика Платона «...может быть охарактеризована, как идеалистическая логика "сведения" и "разделения" понятий»⁹⁶². Примерно такая же функция приписывается диалектике в монографии Д.В. Джохадзе и Н.И. Джохадзе, утверждавших, что «...диалектика у Платона есть искусство обнаружения противоречия в мысли или объекте, преодоления этого противоречия и достижения непротиворечивого знания»⁹⁶³. При этом следует упомянуть, что данные авторы, в свойственной им манере, указали на сугубо метафизическое приложение к диалектике, которое впервые привело к постановке вопроса метафизики в рамках логического исследования.

Особенно интересен в данном ряду исследователь М.К. Петров, предложивший нетривиальный взгляд на развитие античной мысли. Но даже в рамках его интерпретации исследователь ограничился рассмотрением диалектики исключительно в логическом ключе, исследуя её лишь инструментально и

⁹⁵⁷ Ленин В.И. Философские тетради // Ленин В.И. Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 29. М.: Политиздат, 1969. С. 254.

⁹⁵⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Людвиг Фейербах, и конец немецкой классической философии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения в 50 т. Т. 21. М.: Политиздат, 1961. С. 282.

⁹⁵⁹ Ильенков Э.В. Философия и культура. М.: Политиздат, 1991. С. 56-101.

⁹⁶⁰ Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии. // Ленин В.И. Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 18. М.: Политиздат, 1968. С. 131.

⁹⁶¹ Петров М.К. Проблемы детерминизма в древнегреческой философии классического периода: монография. Ростов н/Д.: Изд. ЮФУ, 2015. 397 с.

⁹⁶² Дынник М.А (ред.). История античной диалектики. М., «Мысль», 1972. С. 180.

⁹⁶³ Джохадзе Д.В., Джохадзе Н.И. История диалектики: эпоха античности. История диалектики: эпоха античности. М.: КомКнига, 2005. С. 85.

утверждая, что при помощи неё «чувственная норма переходит в логический эталон, и в этом смысле у Платона неплохо представлена "диалектика перехода от чувства к мысли"»⁹⁶⁴.

Описанная выше позиция, выделяя логические элементы в методологии платоновского поиска истины, полностью отказывается от её онтологического понимания, контекстуального совмещения диалектического как трагического и диалектического как логического, а также теологической составляющей. Но при этом следует помнить о том, что Платон, как это было оговорено ранее, – «глубоко религиозный философ»⁹⁶⁵, и его философия – это философия в форме диалога, где «...диалектика мыслилась в единстве с диалогом...»⁹⁶⁶, потому говорить о диалектике, как о сугубо логическом методе⁹⁶⁷ или как о совокупности логических методов⁹⁶⁸, по нашему мнению, однобоко и неприемлемо.

Последнюю выделенную группу исследователей назовём «англо-американской», подразумевая, что их методологический подход распространён в большинстве своём был в англоязычном платоноведении. Как и прошлая позиция, эта по большей части характеризуется ориентировкой на логическую составляющую диалектики, однако не в рамках «генеральной линии развития» диалектики, но в пределах так называемой проблемы «сократического Еленха», которая пытается совместить этическую составляющую, как условие, и логическую, как методологию, в рамках восхождения к истине⁹⁶⁹. Истоком данного обсуждения является публикация Р. Робинсона 1941 года, где впервые упоминается такой логический приём Платона, как «Еленх»⁹⁷⁰. Однако «Еленх», как проблема, вызвавшая бурную реакцию в англоязычном исследовательском обществе,

⁹⁶⁴ Петров М. К. Проблемы детерминизма в древнегреческой философии классического периода: монография. Ростов н/Д.: Изд. ЮФУ, 2015. С. 257.

⁹⁶⁵ Kraut R. Plato / Zeyl D. J (ed.). Encyclopedia of classical philosophy. Daniel Devereux & Phillip Mitsis (Ass. Ed). Westport, Conn.: Greenwood Press, 1997. P. 412.

⁹⁶⁶ Кессиди Ф.Х. Сократ. М.: Мысль, 1988. С. 66.

⁹⁶⁷ Джохадзе Д.В. Основные этапы развития античной философии: к анализу диалектики историко-философского процесса. М.: Наука, 1977 С. 122.

⁹⁶⁸ Annas J. Plato. New York : Sterling Pub, 2009. P. 39; Петров М. К. Проблемы детерминизма в древнегреческой философии классического периода: монография. Ростов н/Д.: Изд. ЮФУ, 2015. С. 258.

⁹⁶⁹ Фарнсворт У. Метод Сократа: Искусство задавать вопросы о мире и о себе. М.: Альпина нон-фикшн, 2023. С. 57-66.

⁹⁷⁰ Robinson R. Plato's earlier dialectic. New York Cornell University Press, 1941. Pp. 7 -21.

возникла в 1983 году благодаря статье американского учёного Г. Властоса «Сократический Еленх»⁹⁷¹. Проблема «Сократического Еленха» может быть выражена следующим вопросом: «Как Сократ может утверждать... что доказал то, что опровержение ложно, когда всё, что он установил, – так это несоответствие выводов тем предпосылкам, истинность которых он не пытался установить?»⁹⁷². Наиболее яркие позиции в разрешении данной проблемы принадлежат следующим авторам:

Г. Властос считал, что «“Проблема Еленха“ решается при помощи предположения о том, что "любой набор моральных верований, который был бы внутренне последовательным, состоял исключительно из истинных верований"»⁹⁷³, причём убеждённость в истинности этих логически непротиворечивых положений должна принадлежать самому Сократу.

Х.Х. Бенсон, переосмысляя позицию Г. Властоса, переносит условие истинности Сократа на допрашиваемых им личностей, утверждая: «...Сократ считает, что любое высказывание является приемлемой посылкой, если в неё верит собеседник»⁹⁷⁴.

М. Макферран выбирает позицию умеренного скептицизма, соглашаясь, в общем, с тем, что «еленхическая философия» (еленхический метод) имеет место быть, но ограничивает его использование, в силу того, что в «Апологии Сократа» Платон, выстраивая целую линию рассуждений, не может опросить ни Аполлона, ни Оракула и вынужден заниматься самоанализом и расспросом людей, которые не выдвигали данный тезис. Иными словами, методология Еленха, по мнению данного автора, ограничена и легитимизируется отнюдь не убежденностью, а «божественной» и «светской» миссией Сократа⁹⁷⁵.

⁹⁷¹ Vlastos G. The Socratic Elenchus / Annas J (ed.). Oxford studies in ancient. V. 1. Oxford: Clarendon Press, 1983. P. 29.

⁹⁷² Vlastos G., Burnyeat M. Socratic Studies. Cambridge University Press, 1994. P. 3.

⁹⁷³ Vlastos G. The Socratic Elenchus / Fine G (ed.). Plato. In 2 V. / V. 1. Metaphysics and epistemology. Oxford; New York: Oxford University Press, 1999. Pp. 58-59.

⁹⁷⁴ Benson H.H. Problems with Socratic Method / Scott G. A (ed.). Does Socrates have a method?: rethinking the elenchus in Plato's dialogues and beyond. University Park, Pa. : Pennsylvania State University Press, 2002. P. 107.

⁹⁷⁵ McPherran M. Elenctic Interpretation and the Delphic Oracle / Scott G.A. (ed.). Does Socrates have a method?: rethinking the elenchus in Plato's dialogues and beyond. University Park, Pa.: Pennsylvania State University Press, 2002. Pp.134-147.

Т.К. Брикхаус и Н.Д. Смит в принципе отказались от «еленхического метода» и, следовательно, отрицали и саму «проблему еленхического метода», считая, что Сократ просто «...спорит с людьми несколькими различными способами»⁹⁷⁶.

Х. Таррант, соглашаясь с наличием у Сократа методологии, отказывается от того, что она должна носить название «еленхическая», предлагая более специфический, но непосредственно связанный с деятельностью Сократа термин – экзетазис, считая, что методология Сократа связана не только с допросом, но и с проверкой «интеллектуальной даровитости»⁹⁷⁷.

«Англо-американская» группа рассмотрения диалектики Платона, как можно убедиться, представляет собой достаточно широкое разнообразие мнений относительно центрального ядра самой диалектики – основания самих вопросов. Это широкое разнообразие говорит о крайней продуктивности данной группы в рамках рассмотрения этого аспекта творчества древнегреческого философа.

Для подробного анализа изысканий данной группы можно обратиться к подробной статье Д. Вольфсдорфа⁹⁷⁸. Для исследования же важно то, что «еленх» рассматривался далеко не только с точки зрения логики. Есть позиции, которые связывают его с трагическими элементами диалога, считая сведение всей философии Платона к «аргументу» недостаточным⁹⁷⁹. Есть позиция, где проводится семантический и логический анализ формируемых в процессе диалога вопросов и определений⁹⁸⁰, педагогическая интерпретация данной методологии⁹⁸¹ (хотя, как справедливо заметил Т.Г. Вест, «...разрушенное понимание, очевидно, лучше было приспособлено для развенчания обычая предков, чем для обучения

⁹⁷⁶ Brickhouse T.C. and Smith N.D. The Socratic Elenchos? / Scott G.A. (ed.). Does Socrates have a method?: rethinking the elenchus in Plato's dialogues and beyond. University Park, Pa. : Pennsylvania State University Press, 2002. P. 147.

⁹⁷⁷ Tarrant H. Elenchos and Exetasis: Capturing the Purpose of Socratic Interrogation / Scott G.A. (ed.). Does Socrates have a method?: rethinking the elenchus in Plato's dialogues and beyond./ University Park, Pa. : Pennsylvania State University Press, 2002. Pp.72-73.

⁹⁷⁸ Wolfsdorf D. Socratic philosophizing / Bussanich J., Smith N. D. (eds.). The Bloomsbury Companion to Socrates. London; New York: Bloomsbury Academic, 2013. Pp. 34-67.

⁹⁷⁹ Gonzalez F.J. The Socratic Elenchos as Constructive Protreptic / Scott G. A (ed.). Does Socrates have a method?: rethinking the elenchus in Plato's dialogues and beyond./ University Park, Pa. : Pennsylvania State University Press, 2002. Pp. 182-183.

⁹⁸⁰ Santas G.X. Socrates, philosophy in Plato's early dialogues. London; Boston: Routledge & K. Paul, 1979 Pp. 84-179.

⁹⁸¹ Levinson R.B. A Plato reader. Boston: Houghton Mifflin, 1967. P. 34.

людей их надлежащим обязанностям»⁹⁸²), морально-психологическая⁹⁸³, формально-логическая⁹⁸⁴ и даже ритуально-очистительная интерпретация⁹⁸⁵. Однако, проблема состоит в том, что практически вся эта традиция сводит диалектику к обсуждению «проблемы еленха», считая, что проблема обоснования задаваемых Сократом вопросов, является определяющей в понимании представляемой Платоном диалектики.

Конечно, не следует абсолютизировать представленную выборку мнений. Были также и попытки целостного рассмотрения диалектики во всех её многообразных ипостасях⁹⁸⁶, однако указанные замечания относительно оторванности анализа диалектики от её реально представленной формы не удовлетворяет ни одна из позиций в рамках «англо-американской группы».

Что касается нашей позиции, то, как было указано ранее, необходимо рассмотреть диалектику как философскую методологию (соглашаемся с тем, что система вопросов и ответов – это методология), являющуюся дискурсом, способом выражения, описания божественного в диалогах в форме сюжета.

Ранее уже было дано рабочее определение понятию «сюжет», и в контексте выстраиваемой логики исследования, диалектика не только может, но должна быть рассмотрена в качестве сюжета. Очевидно, что «...нет ничего более характерного для Сократа, чем разговор, и нет ничего более характерного для его бесед, чем вопрошание»⁹⁸⁷, и это вопрошание служит способом формирования конкретной истории – истории о том, как Платон пытается приблизиться к божественному. Диалектика в каждом диалоге представляет собой определённое методологическое и предметное разнообразие. Исходя из того, можно говорить не просто о формировании одного сюжета для обсуждения какой-то проблемы, но о полифонии сюжетов в одном диалоге (как с точки зрения методологии, так и с точки зрения

⁹⁸² West T.G. Preface / Plato's "Apology of Socrates": an interpretation, with a new translation. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1979. P. 10.

⁹⁸³ Schmid T.W. Dialectic in the Charmides / Scott G.A. (ed.). Does Socrates have a method? rethinking the elenchus in Plato's dialogues and beyond. University Park, Pa.: Pennsylvania State University Press, 2002. P. 237.

⁹⁸⁴ Kreeft P. Socratic Logic: A logic text using Socratic method. Previously published, 2010. P. 400.

⁹⁸⁵ Miller I.W. Knowledge, False, belief, and dialectic in Plato / Whittemore R. C (ed.). Tulane Studies in Plato V. XXVII. New Orleans: Tulane University, 1978. Pp. 126-131.

⁹⁸⁶ Plochmann G.K. Plato. New York, Dell Pub. Co, 1973. Pp. 106-116.

⁹⁸⁷ Santas G.X. Socrates, philosophy in Plato's early dialogues. London; Boston: Routledge & K. Paul, 1979. P. 59.

того, на чью позицию становится исследователь в анализируемом диалоге). Не занимаясь излишней реконструкцией, обратимся к тем диалогам, где историю в форме пересказа ведёт сам Сократ, т.е. к «Апологии Сократа».

Так, в «Апологии» завязка истории начинается с того, что Сократ, с одной стороны, пытается опровергнуть своих врагов, а с другой – рассказать о своей «мудрости». И в соответствии с рабочим определением он выстраивает аргументированный спор со своими оппонентами, например, с Мелетом:

«А вот, Мелет, скажи нам ещё, ради Зевса: что приятнее, жить ли с хорошими гражданами или с дурными? Ну, друг, отвечай! Я ведь не спрашиваю ничего трудного. Не причиняют ли дурные какого-нибудь зла тем, которые всегда с ними в самых близких отношениях, а добрые – какого-нибудь добра?»

– Конечно.

– Так найдётся ли кто-нибудь, кто желал бы скорее получать от ближних вред, чем пользу? Отвечай, добрейший, ведь и Закон повелевает отвечать. Существует ли кто-нибудь, кто желал бы получать вред?»

– Конечно, нет.

– Ну вот. А привёл ты меня сюда как человека, который портит и ухудшает юношей намеренно или ненамеренно?»

– Который портит намеренно.

– Как же это так, Мелет? Ты, такой молодой, настолько мудрее меня, что тебе уже известно, что злые причиняют своим ближним какое-нибудь зло, а добрые – добро, а я, такой старый, до того невежествен, что не знаю даже, что если я кого-нибудь из близких сделаю негодным, то должен опасаться от него какого-нибудь зла, и вот такое-то великое зло я добровольно на себя навлекаю, как ты утверждаешь! В этом я тебе не поверю, Мелет, да и никто другой, я думаю, не поверит. Но или я не порчу, или если порчу, то ненамеренно; таким образом, у тебя-то выходит ложь в обоих случаях. Если же я порчу ненамеренно, то за такие невольные проступки не следует по закону приводить сюда, а следует, обратившись частным образом, учить и наставлять; потому, ясное дело, что, уразумевши, я перестану делать то, что делаю ненамеренно. Ты же меня избегал и

не хотел научить, а привёл меня сюда, куда по Закону следует приводить тех, которые имеют нужду в наказании, а не в научении»⁹⁸⁸.

Этот фрагмент включает в себя все основные моменты, которые были выделены в рамках рабочего определения (продолжительный опрос, аргументы, этическая тематика) и одновременно формирует целую историю о «мудром» Мелете, знающем ответы на вечные этические вопросы, и «глупом» Сократе, что творил зло по своему незнанию. Указанный момент становится особенно ценным, при переходе к анализу второго составного элемента «сократического метода» – иронии.

Сократ, будучи обвинённый в атеизме и развращении молодёжи, был предан трём вещам: Богу, божественной миссии и своему стилю философствования. Сам же стиль, был ничем иным, как реальным процессом нахождения знания. И эта верность выражалась в том, что Сократ, бросив все дела, начал тратить всё своё время на поиск мудрости, а точнее на её отсутствие у самого Сократа. Эта противоречивость отношений между идеалом мудрости и целью поисков, социальными обязанностями гражданина и реальной жизнью Сократа, также между словами бога и утверждением Сократа о самом себе на фоне полифонической структуры задают особый тон диалогам, делают их более притягательными и загадочными, более живыми и динамическими. Своего рода это насмешка. Насмешка над обыденным сознанием читателя и судьбой главного героя, разворачивающаяся в рамках бесконечных диалогов. Диалогов, с одной стороны, объединяющих в рамках единой системы аргументации миф, поэтические ссылки и логику, а с другой, скрепляющих всё это определенной линией противоречивых отношений между этими дискурсами – иронической линией.

Но как раскрыть концептуальное содержание понятия «ирония» наиболее корректно? «Новая философская энциклопедия» определяет иронию следующим образом: «Ирония (греч. εἰρωνεία) – философско-эстетическая категория, отмечающая момент диалектического выявления (самовыявления) смысла через

---

⁹⁸⁸ Платон. Сочинения в трёх томах (четырёх книгах). Под общ. ред. Лосева А.Ф., Асмуса В.Ф. / Пер. с дре. греч. / Т. 1. М.: «Мысль», 1968. С. 93-94.

нечто ему противоположное, иное»⁹⁸⁹. Можно убедиться в том, что данное определение связывает анализируемое понятие с формой его представления. Однако, несмотря на такую полноту концептуального содержания, возникает ряд проблем, обобщив которые, можно свести к одной – к односторонности. Рассматривая иронию сугубо как категорию и даже не упоминая «субъект», который, собственно, и выступает источником конструирования или интерпретации иронии, данное определение оставляет в стороне и процесс понимания иронии, и её инструментальное использование – литературную форму. Если же учесть эти замечания, то необходимо уяснить, что «...понимание иронии – это процесс создания динамической смысловой структуры, который может быть представлен как «сборка», в которой одинаково важным оказывается не только лингвистическое содержание высказывания и контекст коммуникации...»⁹⁹⁰ Такое понимание иронии, выраженной в диалоге, имеющей форму литературного приёма, связанного с процессом конструирования и интерпретации определённых ситуаций, которые не соответствуют первоначальному восприятию, наиболее адекватно соответствует целям исследования.

Но что касается самого Платона? Насколько применимо данное определение к его текстам? Обращаясь к «Апологии Сократа», можно убедиться в его применимости, поскольку в рамках указанного произведения имеются все упомянутые компоненты.

Так, судьи, вынося первичное обвинение, предложили Сократу самостоятельно выбрать себе наказание. В ответ афинский искатель мудрости отвечает так: «Что же подходит для человека, заслуженного и в то же время бедного, который нуждается в досуге вашего же ради назидания? Для подобного человека, о мужи афиняне, нет ничего более подходящего, как получать даровой обед... и... если я должен назначить себе что-нибудь мною заслуженное, то вот я

⁹⁸⁹ Ирония // Новая философская энциклопедия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://gufo.me/dict/philosophy_encyclopedia/ИРОНИЯ (Дата обращения 18.04.2025).

⁹⁹⁰ Шилихина К.М. Дискурсивная практика иронии: когнитивный, семантический и прагматический аспекты.: автореф. дис. ... доктора филологических наук: 10.02.19 / Воронеж, Воронежский гос. ун-т., 2021. С. 9.

что себе назначаю – даровой обед в Пританее»⁹⁹¹. Если бы было использовано первоначальное определение, то обнаружить наличие иронии в данном фрагменте было бы невозможно, однако, введение субъекта, который учитывает форму, содержание и контекст, раскрывает описанную ситуацию иначе. Это обусловлено рядом моментов: во-первых, Сократ явно иронизирует над недовольной им публикой и судьями, поскольку для первых реакция Сократа на обвинение в столь опасном преступлении явно малозначима, а для вторых такой подход к наказанию – признак явного неуважения к закону. Во-вторых, момент оценки Сократом самого себя в контексте его социального бытия: он известный, но бедный человек. Известный своим поиском и самоуничижением, а бедный поскольку ничем другим он (по собственному признанию) не занимался.

Если же рассматривать иронию в историческом разрезе, где Платон выступает моментом развития, то, как справедливо замечает А.Ф. Лосев, «...понимание Сократа, как ироника, перешло от Аристотеля (и отчасти Платона) ко всей последующей античности и даже распространилось гораздо дальше»⁹⁹². Действительно, есть отдельные исследования, которые проводят целую традицию в истории «иронии» от Античности через Средневековье к понимаю иронии в XX веке⁹⁹³. Однако, все исследователи отмечают платоновского Сократа, как своего рода точку водораздела между смысловым содержанием интересующего нас понятия.

Ирония становится объектом философского осмысления в творчестве Г.В.Ф. Гегеля. Немецкий философ, разрабатывая данное понятие в рамках своей философской системы «абсолютного идеализма»⁹⁹⁴, определяет его, как «...способ виденья беседы, следовательно, субъективную форму диалектики»⁹⁹⁵. Анализируя данный приём и классифицируя различное использование иронического,

⁹⁹¹ Платон. Сочинения в трёх томах (четырёх книгах). Под общ. ред. Лосева А.Ф., Асмуса В.Ф. / Пер. с др.-греч. / Т. 1. М.: «Мысль», 1968. С. 106–107.

⁹⁹² Лосев А.Ф. История античной эстетики (в 8 томах). Т.8. Итоги тысячелетнего развития в 2х К. К. 1. Фолио; АСТ, 2000. С. 567.

⁹⁹³ Шилихина К.М. Дискурсивная практика иронии: когнитивный, семантический и прагматический аспекты.: автореф. дис. ... доктора филологических наук: 10.02.19 /Воронеж, Воронежский гос. ун-т., 2021. С. 11-14.

⁹⁹⁴ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М.: Мысль, 1974. С. 163.

⁹⁹⁵ Гегель Г.В.Ф. Эстетика. В 4-х томах. Т. 4. М.: «Искусство», 1973. С. 183.

открыватель диалектической логики выделяет два вида иронии – определённую («невинная шутливость»⁹⁹⁶) и трагическую (антагонизм между субъективным рефлексированием и существующей нравственностью⁹⁹⁷).

Таким образом, демонстрируя некую разорванность иронии, её противоречивость и «нечестность», Г.В.Ф. Гегель пытается раскрыть источник и «внутреннюю тайну» философии Сократа, где ирония выступает двигателем – «...она [ирония – прим. Р.Ф.] заставляет собеседников конкретизировать абстрактные представления и развивать их дальше...»⁹⁹⁸

Немецкий философ старается установить связь между «методом Сократа» и иронией; раскрывает многоаспектность философских поисков платоновского Сократа. Однако, с одной стороны, Георг Вильгельм Фридрих, крайне небрежно относится к «определённой иронии», просто видя в ней манеру разговора. С другой же стороны, абсолютизируя логическую составляющую, немецкий философ фактически растворяет иронию в «методе Сократа», практически отрицая и редуцируя до субъективного момента в становлении объективного знания, до «...особого способа обращения в личных беседах...»⁹⁹⁹

С критикой к гегелевской модели иронии подходит С. Кьеркегор. В своей магистерской диссертации «О понятии иронии с постоянной ссылкой на Сократа» датский философ отказывается от той конструктивной составляющей внутри иронического процесса, которую выявил Г.В.Ф. Гегель. Обосновывается данный шаг тем, что «...пространство, которое Гегель даёт иронии, само по себе является достаточным указанием на то, что он рассматривает иронию в Сократе скорее, как контролируемый элемент, способ общения с людьми»¹⁰⁰⁰. Одновременно с этим, считая, что Аристофан наиболее корректно изобразил Сократа¹⁰⁰¹, а «...Платону всегда было бы довольно трудно полностью понять Сократа...»¹⁰⁰², С. Кьеркегор

⁹⁹⁶ Там же. С. 184.

⁹⁹⁷ Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. В 3-х книгах. К. 2. Спб.: Наука, 1994. С. 47.

⁹⁹⁸ Гегель Г.В.Ф. Эстетика. В 4-х томах. Т. 4. М.: «Искусство», 1973. С. 182.

⁹⁹⁹ Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. В 3-х книгах. К. 2. Спб.: Наука, 1994. С. 44.

¹⁰⁰⁰ Kierkegaard S. The concept of irony with continual reference to Socrates: together with notes of Schelling's Berlin lectures. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1989. P. 237.

¹⁰⁰¹ Там же. P. 131.

¹⁰⁰² Там же. P. 125.

определяет иронию следующим описанием: «...бесконечная абсолютная негативность. Это негативность, потому что она только отрицает... Ирония ничего не установила, потому что за ней стоит то, что должно быть установлено... Ирония – это квалификация субъективности»¹⁰⁰³. По мнению датского философа-экзистенциалиста, Сократ – это водораздел мысли, навсегда разделивший историю на «до» и «после». Афинский любитель мудрости сам стал воплощением иронии, отрицавшей как всю наличную действительность («...он стал чужд действительности всего субстанциального мира»)¹⁰⁰⁴ так и одновременно с этим вырастившую его культуру. В противовес Г.В.Ф. Гегелю, который считает судьбу Сократа подлинно трагичной¹⁰⁰⁵, С. Кьеркегор считает её подлинно ироничной, рассматривая момент смерти Сократа моментом, когда «...его... ирония захлестнула, у него закружилась голова, и всё потеряло свою реальность»¹⁰⁰⁶.

Таким образом, датский философ, рассматривает иронию не как приём или какую-либо категорию, но как атрибут Сократа, его экзотецию. Эта позиция рассматривает иронию онтологически, отдавая дань уважения и диалектике¹⁰⁰⁷, но раскрывая Сократа, как реально объективизированную иронию. Несмотря на справедливость критики и более подробного раскрытия момента негативности, данный подход не характеризует иронию как приём, но создаёт свою собственную концепцию иронического.

А.Ф. Лосев, проводя историко-лингвистический анализ данного понятия и также констатируя важность личности Платона для конкретизации содержания данного слова, считает, что сократическая ирония – это не «...обман и пустословие, но то, что является обманом только с внешней стороны и что по существу выражает полную противоположность внешнему. Это – какая-то насмешка или издевательство, содержащее в себе весьма уверенную и обдуманную мысль, но имеющее наиболее самоуниженный вид, – ради высших объективных целей»¹⁰⁰⁸.

---

¹⁰⁰³ Там же. Р. 262.

¹⁰⁰⁴ Там же.

¹⁰⁰⁵ Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. В 3-х книгах. К. 2. Спб.: Наука, 1994. С. 82.

¹⁰⁰⁶ Там же. Р. 264.

¹⁰⁰⁷ Там же. Р. 121.

¹⁰⁰⁸ Лосев А. Ф., Шестаков В. П. История эстетических категорий. М.: Искусство, 1964. С. 330.

Однако советский философ не сводит иронию только в область методологии и субъективной характеристики. Рассматривая её как явление этическое, Сократ видит высшую её цель во влиянии на жизнь людей и старается «...активно вмешиваться в человеческую жизнь, активно её изменять и сознательно совершенствовать в определённом направлении»¹⁰⁰⁹, и отчасти у Сократа это получилось, ибо «...его ирония медленно, но верно перевоспитывала людей уже на новый лад, являясь зародышем и могучим ферментом вскорости после неё возникшего идеализма Платона»¹⁰¹⁰.

Интересную альтернативу этому видению предлагает Ф.Х. Кессиди, считая иронией специфическую форму отрицания, «...отличительной чертой диалектического метода Сократа, его способа ведения диалога и поиска общих определений»¹⁰¹¹. Причём момент насмешки, о котором так много говорил Аристотель (Nic. Eth. II 7 1108a.; Eud. Eth. III 234a; Rh. III. 1419b) и Цицерон (Cic. Acad. pr. II 5, 15; Cic. De orat I 30, 108), у советского исследователя становится главным психологическим компонентом иронии, но не в том уничижительном смысле, который направлен на высмеивания самого собеседника, «...но и в том, чтобы помочь человеку стать свободным, открытым для истины...»¹⁰¹²

Исходя из сказанного, можно убедиться, что Феохарий Харлампиевич, усиливая связь между диалектикой и иронией, указывает на иронию только как на момент спора, направленный на подготовку собеседника к поиску и восприятию знания. Однако исследователь обходит вниманием примеры социальной иронии, которые приводились ранее. Более того, исследователь не объясняет наличие именно иронического элемента в процессе подготовки человека к знанию, хотя, как было указано ранее, эту функцию вполне может выполнять сугубо диалектическая составляющая. Ф.Х. Кессиди утверждает торжество только той иронии, которая «...направлена... против духа псевдосерьёзности, против слепого преклонения

¹⁰⁰⁹ Лосев А.Ф. История античной эстетики (в 8 томах). Т.8. Итоги тысячелетнего развития в 2х К. К. 1. Фолио; АСТ, 2000. С. 565.

¹⁰¹⁰ Лосев А.Ф., Шестаков В.П. История эстетических категорий. М.: Искусство, 1964. С. 354.

¹⁰¹¹ Кессиди Ф.Х. Сократ. М.: Мысль, 1988. С. 92.

¹⁰¹² Там же. С. 95.

перед традицией и разного рода ложными авторитетами...»¹⁰¹³.

Иного взгляда придерживаются зарубежные исследователи. Г. Властос, проводя также исторический обзор изменения лингвистического содержания, считает, что «...сократовская ирония не уникальна в принятии бремени свободы, которое присуще всякому значимому общению»¹⁰¹⁴. Основное затруднение состоит только в вопросе цены, которую был готов заплатить Сократ, когда согласился участвовать в этой игре – сперва своё положение, потом свой статус в глазах сограждан, а потом даже саму жизнь. Однако, понимая какую жертву пришлось понести Сократу, американский исследователь указывает на то, что *ironia* уже не может быть воспринята как древняя *εἰρωνεία*. Это уже не обман или не простая ирония¹⁰¹⁵. Это новое явление или ирония сложная¹⁰¹⁶, определяемая теперь, как «...выражение того, что мы имеем в виду, говоря нечто противоположное»¹⁰¹⁷. Как можно убедиться, Г. Властос, опираясь на лингвистические исследования, фактически переворачивает то представление об ироническом, которое представлял С. Кьеркегор.

Более фундаментальное текстологическое исследование иронии проводил Ч.Л. Грисволд. Отказываясь от экзистенциальной трактовки, автор, указывает на вредность вольной интерпретации феномена иронии в платоновских диалогах, поскольку это «...открывает двери для непроверенных спекуляций и недисциплинированных интерпретаций»¹⁰¹⁸, спекуляций и эзотерических гипотез¹⁰¹⁹. Сам же американский антиковед выделяет два вида иронии – сократовскую и платоновскую, причём, справедливо отмечая за Платоном право авторства, считает, что «...ирония Платона всеобъемлюща и, таким образом, регулирует иронию Сократа»¹⁰²⁰. Что же касается того, как Ч.Л. Грисволд понимает

¹⁰¹³ Там же. С. 94.

¹⁰¹⁴ Vlastos G. Socrates, ironist and moral philosopher. Ithaca, New York: Cornell University Press, 1991. P. 44.

¹⁰¹⁵ Там же. С. 31.

¹⁰¹⁶ Там же.

¹⁰¹⁷ Там же. С. 43.

¹⁰¹⁸ Griswold Ch.L. Irony in the Platonic Dialogues / Philosophy and Literature 26 (1) /, 2002. P. 91.

¹⁰¹⁹ К примеру, Паул Фридланд утверждал, что «Платоновская ирония, вобравшая все учению и магию фигуры Сократа, раскрывается как завуалированная и охраняющая платоновскую тайну»- Friedlaender P. Plato an introduction / Translated from the German by Hans Myerhoff/ Princeton University Press, 1969. P. 153.

¹⁰²⁰ Griswold Ch.L. Irony in the Platonic Dialogues / Philosophy and Literature 26 (1)/, 2002. P. 88.

эти два вида иронии, то ирония сократическая (устная ирония) разворачивается в рамках непосредственно процесса разговора и по большей части связана с «...преувеличенными заявлениями говорящего о невежестве»¹⁰²¹. Ирония же Платона (драматическая, или письменная) является тем, благодаря чему «...автор общается со своей аудиторией как бы через головы персонажей драмы»¹⁰²². Раскрывая контекст общения, демонстрируя настоящую борьбу не просто идей, но мировоззрений, переживаний между противоречиями в рамках одного субъекта, исследователь демонстрирует такую ситуацию, где функция платонической иронии становится иной в сравнении с сократовской. Тут нет цели раскрыть мудрость как таковую, но, наоборот, цель сокрыть сам способ обучения людей смотреть дальше своего обученного создания.

Продолжая анализировать тексты, американский исследователь находит шесть форм представления иронии исходя из особенности сюжетной структуры и смысловой нагрузки диалога, но всё же цель иронии, как сократической, так и платоновской, остаётся одна – «...заставить читателя заново открыть для себя что-то новое»¹⁰²³.

С одной стороны, продолжателем исследовательской линии Ч.Л. Грисволда, а с другой – критиком позиции Г. Властоса выступает Г.Р.Ф. Феррари. Считая, что в современной исследовательской среде доминирует «классическая тенденция» в обосновании иронии, которая заключается в том, «...чтобы немедленно обратиться к тому, что ирония Сократа должна сказать нам на самом глубинном уровне о Сократе о философии»¹⁰²⁴, исследователь отмечает, что данная тенденция слишком мало уделяла внимания «...притворству и вежливости в ироническом общении, хотя сама ирония по большому счёту «...есть неспособность проникнуть в скрытое притворство»¹⁰²⁵. С другой стороны, развивая идеи Ч.Л. Грисволда, американский исследователь принимает и идею дуализма иронии – иронию Сократа и иронию Платона. При этом Платон, являясь драматическим иранистом, представляет такую

---

¹⁰²¹ Там же.

¹⁰²² Там же. С. 87.

¹⁰²³ Там же. С. 100.

¹⁰²⁴ Ferrari G.R.F. Socratic irony as pretence. Oxford Studies in Ancient Philosophy, 2008. P. 4.

¹⁰²⁵ Там же. С. 8.

картину, где читатель «...посвящается в манипуляции Сократа со своими жертвами». Платону незачем скрывать иронию, наоборот «Платон хочет сделать Сократа жертвой иронии»¹⁰²⁶. При этом античный философ не пытается «ошарашить»¹⁰²⁷, пишет для читателя, ради его оценки Сократа¹⁰²⁸. Сократ же, являясь солипсическим иранистом¹⁰²⁹, не раскрывает своих приёмов, поскольку его ирония предназначена сугубо для него самого¹⁰³⁰, ибо цель самого Сократа состоит в том, чтобы «...подвергнуть своих товарищей философскому испытанию»¹⁰³¹ и раскрыть им откровение своего собственного невежества.

Данная позиция даёт большую свободу Сократу, как литературному герою. У него свои цели, свои идеалы, свои мотивы. Он свободен в рамках диалога. Диктат Платона-писателя и зависимое положение Сократа не наблюдаются. Тем не менее контраст между ними очевиден: Сократ, как персонаж, удивляет собеседников и приглашает их к совместному поиску истины через устное слова. Платон же, как писатель, предлагает проследить за ходом сократической беседы через письменное слово.

Таким образом, подходя к завершению анализа составных частей сократического метода, необходимо сделать ряд выводов, которые бы раскрывали суть его компонентов. Первоначально обратимся к диалектическому элементу.

Итак, предложенное понимание диалектики не только как ядра диалога, но и в качестве отдельной сюжетной линии, устраняет все проблемы, которые мешали полноценно обсуждать диалектику и превращали её в синоним сократического метода.

На основе этого факта предлагается новая интерпретация данного элемента творчества Платона. Она включает несколько ключевых моментов: во-первых, рассмотрение логической составляющей в контексте диалогической представленности данной диалектики. Во-вторых, согласуем аргументированную

---

¹⁰²⁶ Там же. С. 25.

¹⁰²⁷ Там же. С. 29.

¹⁰²⁸ Там же. С. 25.

¹⁰²⁹ Там же. С. 17.

¹⁰³⁰ Там же. С. 25.

¹⁰³¹ Там же. С. 20.

сущность диалектики и теологическую устремлённость целей Платона. В-третьих, снимается проблема логического и онтологического в рамках обсуждения диалектики; и, в-четвёртых, нивелируется противоречие между трагическим и философским, уводя это в поле литературно-наличного, где философское – это литературное, а литературное – это философское.

Обсуждая иронию как элемент сократического метода, важно отметить, что после анализа множества позиций можно сделать лишь несколько уточняющих замечаний.

Если рассматривать иронию, как литературный приём, то её связь с философской теологией Платона становится очевидной. Афинского философа часто воспринимают как религиозного мыслителя, а ирония в его трудах связана с поиском истины. И.В. Черданцева в своём исследовании подчёркивает важность такого подхода, утверждая, что «...использование иронического способа познания в тех философских концепциях, которые трактуют метафизику как сферу вопросов о предельных основаниях сущего и бытия... определяется тем, что метафизическое вопрошание о характере и сущности непостижимого (трансцендентного, бытия) в той или иной мере предполагает иронизирование по поводу любых предметных дефиниций непостижимых оснований реальности»¹⁰³².

Таким образом, необходимо сделать следующие замечания: во-первых, несмотря на то, что сократическая ирония была исследована со многих сторон, общий контекст такого анализа был ограничен только диалектическим методом. Эта связь только с разговором скрывает более глубокую цель Платона, связанную больше с особым реализмом его произведений¹⁰³³, чем с рассмотрением конкретного вопроса в конкретной беседе. Иными словами, объявив Сократа фактически пророком, а Платона – свидетелем, исследователи очень часто забывают пророком кого был Сократ, каковы были его цели и самого Платона.

Во-вторых, ирония, будучи литературным приёмом, который логично вытекает из самой «философии Платона», иногда реконструируется таким образом,

¹⁰³² Черданцева И.В. Философия иронии: от познавательной специфики к концептуальному конструированию.: автореф. дис. ... доктора филологических наук: 09.00.01 /Барнаул, Алтайский гос. ун-т., 2010. С.12-13.

¹⁰³³ Wolfsdorf D. The Irony of Socrates / Journal of Aesthetics and Art Criticism 65(2), 2007. P. 181.

что скорее отражает взгляды исследователя на Платона и его героев. Ирония, рассматриваемая как служанка «...какой-то диалектической и аргументативной цели»¹⁰³⁴, органически вытекающей из «системы беседы», очень часто исследователям соотносится с внешним контекстом разговора, чем с его содержанием и структурой. Грубо говоря, ирония воспринимается просто составной частью какого-либо конкретного разговора как целостного процесса, но не разговора с конкретными людьми. Хотя, как продемонстрировал Л. Штраус, определённый анализ иронических высказываний в связи с анализом системы аргументации, выстраиваемой с конкурентными людьми с учётом конкретной социально-политической среды, даёт свои результаты в восприятии иронии¹⁰³⁵.

В-третьих, как справедливо замечала в своей критической статье М. Лэн, «Риторика Сократа, как взаимодействие разговорное, не должна сводиться к иронии. И если нет текстуальной основы для систематического признания сократической иронии, тогда те традиции, которые постулируют её философское значение... нуждаются в пересмотре»¹⁰³⁶. Иными словами, тут вопрос ставится о связи философии и иронии таким образом – является ли ирония атрибутом философии Платона, или же идея связи этих двух феноменов превратилась уже в стандарт восприятия диалогического творчества Платона.

В-четвёртых, развивая прошлый тезис, мы считаем необходимым, чтобы концепция иронии не только учитывала сам процесс диалога и социальной действительности, но и в рамках полифонизма голосов учитывала разноликость и многоаспектность интерпретации при попытке объяснения «иронии». Учёт всех указанных замечаний и комментариев, позволяет сформулировать наиболее корректную интерпретацию иронии, которая, с одной стороны, направлена на «...установление асимметрических отношений авторитетности между... инициатором иронии и адресатом высказывания»¹⁰³⁷, а с другой стороны,

¹⁰³⁴ Lane M. Reconsidering Socratic Irony / Morrison D.R (ed.). The Cambridge Companion to Socrates. Cambridge University Press, 2011. P. 243.

¹⁰³⁵ Штраус Л. Город и человек / Пер. С англ. Н. Селиверстова. / СПб.: «Владимир Даль», 2021. С. 51-53.

¹⁰³⁶ Lane M. Reconsidering Socratic Irony / Morrison D. R (ed.). The Cambridge Companion to Socrates. Cambridge University Press, 2011. P. 257.

¹⁰³⁷ Шилихина К.М. Дискурсивная практика иронии: когнитивный, семантический и прагматический аспекты.: автореф. дис. ... доктора филологических наук: 10.02.19 / Воронеж, Воронежский гос. ун-т., 2021. С. 8.

учитывала многомерность иронии как... стратегии»¹⁰³⁸.

Обобщив выводы относительно диалектики и иронии, можно утверждать, что исследовательский конструкт «метод Сократа» может быть принят в качестве синонима философии Платона, однако необходимо оговориться о его относительности.

Сократический поиск ограничен диалогической формой и выстроенной в ней «системой беседы», потому выстраиваемая в каждом диалоге линия повествования является индивидуальной. Выражая логику организации рассуждения, раскрывающуюся в каждом самостоятельном произведении, сократический метод, во-первых, выступает синонимом понятия «философия Платона». Во-вторых, является сложноорганизованным феноменом, где диалектический элемент выражается отдельной сюжетной линией, а иронический служит связующим звеном между философской устремлённостью диалога и его обыденной задорностью. В-третьих, будучи легитимизированным божественной миссией Сократа, сократический метод исполняет культурно-репрезентативную функцию, поскольку процесс беседы выражает не только логику рассуждения, но также ценностные убеждения и личностные переживания, связанные с теологической проблематикой. Это раскрывает как глубокие религиозные основания философии Платона, так и её устремлённость к возвышенному, в совместном стремлении достигнуть божественного.

Полифонизм и методологический плюрализм, характеризующие стиль Платона и выступающие основанием для рассуждений Сократа, а также демонстрирующие общую пестроту и «жизненность» обсуждаемых тем, в конечном счёте оказываются глубоко ироничными. Укоренённые в обыденности различные дискурсы хотя и демантируют «присутствие» божеств в каждом моменте жизни человека, говорят о принципиальной невозможности его достигнуть. Конец сократического поиска и начало «философии» Платона задали тон вечного стремления к принципиальной непознаваемости возвышенной

---

¹⁰³⁸ Фархитдинова О.М. Ирония: проблема определения и роль в философском познании. автореф. дис. ... кандидата философских наук: 09.00.01 /Екат. Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького, 2004. С. 10.

(божественной) истины. Они также обозначили вектор на ограничение человеческого знания и обращение к аналогии, в рамках которой всё разнообразие и пестрота мира оказывается не более чем подобием – поэтическим мимесисом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной диссертационной работе проведено комплексное исследование теопэтики как феномена античной культуры. Актуальность темы обусловлена значимостью положения эллинской культурной модели в общеевропейском мировоззрении.

Исходя из сказанного, выводится и основная цель исследования. Она заключается в анализе различных форм представления о божественном в Древней Греции через призму теопэтики как способа репрезентации содержания религиозного воображения. Уточним, что речь идёт только об интеллектуальной культуре (литературе), поскольку именно в письменных источниках хранится информация, которая затем формирует ценностное восприятие других сфер культуры. Формируемое на таком основании понимание представлений, отражённых в литературе Древней Греции, помогает осознать культурную идентичность эллинской культуры. Это подчёркивает важность теопэтики как ключевого элемента культуры, о чём говорилось во Введении.

В рамках литературного обзора были рассмотрены ключевые аспекты теоретических подходов к изучению древнегреческой культуры и теопэтики. Обобщение теоретической базы позволило выделить основные направления: историческая изменчивость представлений о культуре, эстетические характеристики мифологического сюжета в диалогах Платона и особенности современной теопэтики. Эти аспекты подчёркивают многообразие культурных феноменов и их взаимосвязь с философскими идеями античности.

В ходе диссертационной работы применены различные методы и подходы: культурно-исторический анализ для раскрытия ключевых понятий и форм представления о божественном, историко-философский подход для рассмотрения философии как части интеллектуальной культуры, сравнительно-исторический метод для выявления особенностей античной культуры, феноменологический подход для анализа восприятия божественного через человеческий опыт и структуралистский подход для анализа повествовательной структуры и

выразительных средств. Выбор методов обоснован необходимостью глубокой интерпретации культурных явлений и философских идей античности.

Подводя итог проведённому исследованию, напомним, что культура представляет собой сложное и многогранное явление, понимаемое в рамках исследования как способ организации социальной жизни. Широта данного определения требует конкретизации, поэтому вводится понятие «культурная модель», которое не только разводит понятия «культура» и «цивилизация», но и объединяет ценностно-смысловое содержание каждой культуры с наличным материальным жизненным пространством (разнообразие контекстов). Исторический анализ культуры, включающий материальные и ментальные аспекты различных эпох, позволяет рассматривать её как органическую целостность. Это единство состоит из смысло-ценностного и функционального компонентов, что открывает новые перспективы для исследования взаимодействия материального разнообразия и духовной однородности. Особенно актуальным это направление становится при изучении греческой античности, где теопэтика играла ключевую роль в формировании общественного сознания и мировоззрения.

В современной гуманитарной науке теопэтика возникла в постмодернистском контексте как ответ на кризис традиционного христианства. Она стремится восстановить смысловую и историческую целостность культуры, используя инструменты гуманитарных наук для исследования религиозного воображения. Постмодернизм придаёт теопэтике уникальные черты, что приводит к разнообразию подходов внутри этой интеллектуальной традиции.

Обоснование же единства теопэтики осуществляется через анализ её фундаментальных оснований, которые, будучи обобщены в ряд общих принципов, позволяют рассматривать данное интеллектуальное явление как исследовательскую стратегию. Это создаёт основу для исторического анализа и обосновывает значимость обращения к культурным элементам Древней Греции, которые формируют особый контекст для понимания современной теопэтики. В античной Элладе теопэтика являлась не просто формой культурной репрезентации представлений людей той эпохи, но также выступала основанием

для жанрового разнообразия культуры. Она обеспечивала связь между высшей истиной и её выражениями, акцентируя на роли божественного в жизни древних греков. Теопоэтика способствует сохранению содержания религиозного воображения и объединяет разрозненные полисы, играя ключевую роль в формировании эллинской культуры.

Миф в диалогах Платона является важным инструментом передачи опыта приобщения к высшей истине и альтернативой философскому дискурсу. Исследуя творчество поэтов и выбирая драматический стиль философствования, Платон раскрывает значение поэзии как инструмента философского поиска. Он связан с внутренними средствами выражения и общей структурой диалога. Афинский философ использует выразительные средства для описания божественного через призму человеческого опыта. Возникающие на такой базе различные литературные приёмы позволяют раскрыть не только особенности диалога и методологические аспекты различных повествовательных сюжетов, но также и полифонизм как стратегию философского поиска через взаимодействие множества голосов.

Добиться же такой «симфонии» обыденного и возвышенного возможно с помощью сократического метода – исследовательского конструкта, при помощи которого исследователи творчества Платона стремятся вывести общую форму диалогического взаимодействия, направленную на совместное стремление к истине. Однако этот метод не имеет унифицированной структуры или содержания, а его особенности зависят от специфики платоновского философствования и контекста каждого диалога. Диалектический элемент способствует раскрытию логики рассуждений, а иронический связывает глубокую философскую проблематику с повседневными аспектами беседы. Легитимированный миссией Сократа этот метод выполняет культурологическую функцию, отражая логику рассуждений, ценности и переживания персонажей. Это открывает новые возможности для теопоэтического выражения содержания религиозного воображения.

Завершая данную работу, следует отметить, что масштабность рассмотренной темы не может быть исчерпывающе раскрыта в рамках одного

диссертационного исследования, по большей части сосредоточенного на анализе наследия одного значимого мыслителя, в данном случае – Платона. Это только начальный этап в изучении указанной проблематики. Результаты исследования показали, что теопэтика является важным конструктивным элементом античной культуры, особенно в творчестве Платона. Гипотеза о многослойности античной культуры подтвердилась, а полученные выводы могут служить методологической основой для дальнейшего углубленного анализа и конкретизации аспектов теопэтики. Вероятно, данная тема будет рассмотрена в последующих философско-культурологических исследованиях, что позволит расширить и детализировать полученные результаты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абеляр П. Теологические трактаты. М.: Прогресс, Гнозис, 1995. 413 с.
2. Августин Аврелий. О граде Божьем. Кн. I: [комплект из 2 кн.]. М.: Изд. «Омега-Л», 2022. 662 с.
3. Аверинцев С. С. Идеи эстетического воспитания. Античность (Вступительная статья) / Аверинцев С. С. Собрание сочинений: В 6 Т. Т. 1. Античность. М.: Изд-во ПСТГУ, 2024. 709–736 с.
4. Аверинцев С. С. Классическая греческая философия как явление историко-литературного ряда. Античность (Вступительная статья) / Аверинцев С. С. Собрание сочинений: В 6 Т. Т. 1. Античность. М.: Изд-во ПСТГУ, 2024. 751–790 с.
5. Алиева О. В. Философский текст в античности: 7 лекций для проекта Магистерия. М.: Rosebud Publishing, 2022. 168 с.
6. Алымова Е. В. Греческая философия в контексте трагического мировосприятия: автореф. дис. ... кандидата философских наук: 09.00.03 / СПб. гос. ун-т. Санкт-Петербург, 2000. 22 с.
7. Альберт К. О понятии философии у Платона. Изд.: Дальневосточного федерального университета, 2012. 120 с.
8. Андреев Ю. В. Цена свободы и гармонии: несколько штрихов к портрету греческой цивилизации. СПб., 1998. 432 с.
9. Античная лирика / Пер. с древнегреч. П. Латинского. Вст. Ст. С.Шервипского. Сост. и Прим. С Апт и Ю. Шульц // М.: Художественная литература, 1968. 623 с.
10. Антология средневековой мысли (Теология и философия европейского Средневековья): в 2 т. Т. 2 / под ред. С. С. Неретиной; сост. С. С. Неретиной, Л. В. Бурлака. СПб.: РХГИ, 2002. 635 с.
11. Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т.1. / Перев. и ред. А.И. Доватура. / М.: Мысль, 1976. 550 с.

12. Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т.4. / Перев. и ред. А.И. Доватура. / М.: Мысль, 1983. 830 с.
13. Армстронг К. Краткая история мифа. М.: Открытый Мир, 2005. 160 с.
14. Асмус В.Ф. Платон. М.: «Мысль», 1975. 220 с.
15. Астапов С. Н. Личностно-символическая концепция чуда в философии А. Ф. Лосева // Гуманитарные и социальные науки. 2015. №2. 41–48 с.
16. Афанасий Великий, свт. Арх. Александрийский. Творения (в 4-х частях). Ч.1. Изд.: Сергиев Посад, Свято Троицкая Сергиева Лавра, 1902. 472 с.
17. Бабанов И. Е. Очерк жизни и творчества Винкельмана / Винкельман И. И. История искусства древности. Малые сочинения. Изд. подготовил И. Е. Бабанов. СПб.: Алетейя, Государственный Эрмитаж, 2000. 461–488 с.
18. Бакстон Р. Греческая мифология, сформировавшая наше сознание. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2023. 288 с.
19. Барт Р. Критика и истина / Зарубежная эстетика и теория литературы XIX - XX вв.: Трактаты, ст., эссе. / Сост., общ. ред. Г. К. Косикова. М.: Изд-во МГУ, 1987. 349–422 с.
20. Бахтин М.М. Собрание сочинений в 7 томах. Т.2. / «Проблемы творчества Достоевского» (1929). Статьи о Толстом (1929). М.: Русские словари, 2000. 800 с.
21. Беломоева О. Г. Универсализм культуры. Автореферат дис. ... доктора культурологии: 24.00.01. Саранск, 2005. 36 с.
22. Белох К. Ю. Греческая история: В 2 т. Т. 1. До софистического движения и Пелопоннесской войны. / Пер. с нем. М.: Издательская группа «Альма Матер», 2024. 401 с.
23. Бенедикт Р. Модели культуры. М.: Изд.: «Альма Матер», 2024. 340 с.
24. Бершин В. Греко-латинское Средневековье: от блаженного Иеронима до Николая Кузанского / Пер. А. Виноградова. М.: АСТ, 2024. 416 с.
25. Бетильмерзаева М. М. Сущность общественного сознания: становление смыслов // Общество: философия, история, культура. 2023. №7 (111). 14–20 с.

26. Библер В.С. От наукоучения - к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век. М.: Политиздат, 1990. 414 с.
27. Бидни Д. Культурная динамика и поиски истоков // Антология исследований культуры. Интерпретация культуры. СПб., 1997. Т. 1. 385–420 с.
28. Богданова М. А. Парадигма смысловых регулятивов олимпийского движения в античной Греции // Вестн. Том. гос. ун-та. 2012. №356. 44–47 с.
29. Боков Г. Е. Философское наследие Фридриха Ницше и теология «Смерти Бога» // Философский журнал. 2015. №1. 67–87 с.
30. Болотникова Е. Н. Дискурсивная формация в культуре: структура и содержание // Вестник СамГУ. 2006. №5-1. 28–32 с.
31. Боннар А. Греческая цивилизация. Т.2. Изд.: Феникс, Ростов-на-Дону, 1994. 448 с.
32. Бонхеффер Д. Соппротивление и покорность. М.: Прогресс, 1994. 344 с.
33. Бриссон Л. Платон: Писатель, который изобрёл философию. М.: Rosebud Publishing, 2019. 344 с.
34. Бриссон Л. Платоновская концепция мифа и ее развитие в античной философии // Вестник РХГА. 2012. №1. 65–74 с.
35. Бугай Д. В. Платоновская концепция справедливости и ее исторические предпосылки: автореферат дис. ... доктора философских наук: 09.00.03. Москва, 2019. 55 с.
36. Будагов Р. А. История слов в истории общества. М., „Просвещение”, 1971. 273 с.
37. Буркерт В. Греческая религия. Архаика и классика / Пер. с нем. М. Витковской и В. Витковского. / СПб.: Алетейя, 2004. 585 с.
38. Бэкон Ф. О достоинстве и приумножении наук / Сочинения. В 2-х томах. Т.І. М.: Мысль, 1977. 567 с.
39. Бэкон Ф. О мудрости древних / Сочинения. В 2-х томах. Т.ІІ. М.: Мысль, 1978. 575 с.
40. Васильева Т.В. Поэтика античной философии. М.: Академический Проект; Трикста, 2008. 735 с.

41. Велижев М. Б. Цивилизация, или Война миров. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2022. 160 с.
42. Вен. П. Греки и мифология: вера или неверие? Опыт о конституирующем воображении. М.: Искусство, 2003. 221 с.
43. Вернан Ж.-П. Происхождение древнегреческой мысли. М.: Прогресс, 1988. 224 с.
44. Визари Д. Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих. Полное издание в одном томе /Пер. с. Итал. М.: АЛЬФА-КНГА», 2008. 1278 с.
45. Вико. Дж. Основания новой науки об общей природе наций. М., Киев, 1994. 656 с.
46. Винничук Л. Люди, нравы и обычаи Древней Греции и Рима. М.: Высш, шк., 1988. 496 с.
47. Виравева В. А. Особенности смыслового понимания культуры в европейской философской мысли средневековья и возрождения // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2021. №3. 22–32 с.
48. Власова О. А. Интеллектуальная история как поле методологического самосознания историков философии // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2020. №54. 105–114 с.
49. Волков В. Н. Постмодерн и его основные характеристики // Культурное наследие России. 2014. №2. 3–8 с.
50. Волков В. Н. Постмодерн: недоверие к метанарративам // Культурное наследие России. 2015. №2. 3–11 с.
51. Волков Г. Н. У колыбели науки. М.: ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1971. 224 с.
52. Вундт М. Греческое мировоззрение. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 20010. 170 с.
53. Вахитов Р. Р. Предисловие / Евразия и человечество: антология произведений евразийцев 1920-1930-х годов. Калининград: Изд.: БФУ им. И. Канта, 2024. 9–24 с.

54. Гайдено П.П. (пред.) Античная философия: Энциклопедический словарь. М.: Прогресс-Традиция, 2008. 896 с.
55. Гайм Р. Романтическая школа. Вклад в историю немецкого ума. Спб.: Наука, 2006. 893 с.
56. Гаспаров М.Л. Занимательная Греция; Капитолийская волчица / М.: Изд.: «Э», 2017. 624 с.
57. Гафуров М А. Человечность как социокультурное явление. Автореферат дис. ... кандидата философских наук: 09.00.01. Уфа, 2010. 16 с.
58. Гвардини Р. Смерть Сократа: Интерпретация платоновских диалогов "Евтифрон", "Апология Сократа", Пер. с нем. И.П. Стебловой. СПб.: Владимир Даль, 2018. 384 с.
59. Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии. В 3-х книгах. К. 2. Спб.: Наука, 1994. 432 с.
60. Гегель Г. В. Ф. Сочинения. В 14 томах. Т.2. Энциклопедия философских наук. Часть вторая. Философия природы. М.: Изд. социально-экономической литературы (Соцэкгиз), 1934. 775 с
61. Гегель Г. В. Ф. Сочинения. В 14 томах. Т. 3. Энциклопедия философских наук. Часть третья. Философия духа. Пер. Б.А. Фохта. М.: Государственное издательство политической литературы, 1956. 372 с.
62. Гегель Г. В. Ф. Сочинения. В 14 томах. Т.4. Система наук. Часть первая. Феноменология духа. Пер. Г. Шпета. М.: Изд. социально-экономической литературы (Соцэкгиз), 1959. 488 с.
63. Гегель Г. В. Ф. Сочинения. В 14 томах. Т.7. Философия права. Пер. Б.Г. Столпнера М., Л.: Государственное социально-экономическое издательство (Соцэкгиз), 1934. 384 с.
64. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М.: Мысль, 1974. 473 с.
65. Гегель Г. В. Ф. Эстетика. В 4-х томах. Т. 4. М.: «Искусство», 1973. 667 с.

66. Гераклит (Грамматик). Гомеровские вопросы / И. С. Смирнова (ред.). Οἰεπίαια καὶ Σιάσις: Труды Института восточных культур и античности. Выпуск LXX. М.: 2018. 127–207 с.
67. Гердер И. Г. Идеи о философии истории человечества / Избранные сочинения Составитель В. М. Жирмунский. / Пер. Л. Ю. Виндта. // М.-Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. 392 с.
68. Геродот. История / Пер. с др.-греч. Ф. Г. Мищенко. 2е. Изд.: М.: Академический проект 2016. 599 с.
69. Гесиод. Полное собрание текстов / Вступительная статья В. Н. Ярхо. Комментарии О. П. Цыбенко и В. Н. Ярхо. Лабиринт, 2001. 256 с.
70. Гиро. П. Частная и общественная жизнь греков. М.: Вече, 2020. 416 с.
71. Голикова М. С. Что способствует изнеженности души? к вопросу об интерпретации фрагмента «*ea quae ad effeminandos animos pertinent*» (цезарь. записки о галльской войне 1.1.3) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. №9 (864). 136-142 с.
72. Голосовкер Я. Логика мифа. М.: Главная редакция восточной литературы. «Наука», 1987. 218 с.
73. Голосовкер Я. Э. Сказания о титанах. М.: Нива России, 1993. 265 с.
74. Голубева М. В. Главное в истории мифологии. Ключевые сюжеты, темы, образы, символы. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2024. 224 с.
75. Гомер. Илиада / Гомер в переводе П. А. Шуйского //под общ. Ред. И. А. Летовой. 2-е изд., испр. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. 15–432 с.
76. Гомер. Одиссея / Гомер в переводе П. А. Шуйского //под общ. Ред. И. А. Летовой. 2-е изд., испр. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. 437–764 с.
77. Грейвс Р. Мифы древней Греции в 2-х кн. Кн. 1.М.: Прогресс-Традиция, 2001. 432 с.
78. Григорий Палама. Сто пятьдесят глав. Краснодар: Текст, 2006. 224 с.

79. Грималь. П. Греческая мифология / Зорько И. Б, Марголина Н. Я, Беляева М. М, Яновская Е. В (ред.). Искусство и миф. Сборник. М.: Издательство «Весь Мир», 2017. 9–104 с.
80. Данненберг А. Н. Христианство между модерном и постмодерном: критические размышления // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2015. № 4. 95–109 с.
81. Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма. М.: Изд-во Института Гайдара, 2019. 808 с.
82. Джеффрис С. Гранд-отель «Бездна». Биография Франкфуртской школы. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. 448 с.
83. Джохадзе Д. В., Джохадзе Н. И. История диалектики: эпоха античности. История диалектики: эпоха античности. М.: КомКнига, 2005. 328 с.
84. Джохадзе Д.В. Основные этапы развития античной философии: к анализу диалектики историко-философского процесса. М.: Наука, 1977. 295 с.
85. Дидык М. А. Понятие культуры: от современных российских споров к концепции П. Я. Чаадаева // Философия права. 2012. № 6. 95–98 с.
86. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Пер. М. Л. Гаспарова. М.: Мысль. 1979. 620 с.
87. Добиаш-Рождественской О. А., Бурский М. И (ред.). Агрикультура в памятниках Западного средневековья: [сборник статей] / пер. и ком. под ред. проф. О. А. Добиаш-Рождественской и проф. М. И. Бурского. Москва; Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1936 (2 тип. Изд-ва Леноблисполкома и Совета). XII, 364 с.
88. Дранникова Н. В. «Фольклор»: к вопросу об истории употребления термина и его значения в русской науке // Труды КарНЦ РАН. 2015. №8. 39– 45 с.
89. Драч Г В., Французов Р.И. О «Теологии» Раннегреческих философов // Schole, СХОЛЭ. 2023. №2. 748–759 с.
90. Драч Г. В Просвещенческая модель культуры: уроки и предостережения // Научная мысль Кавказа. 2014. №2 (78). 5–16 с.

91. Драч Г. В. Античная культура и европейская цивилизация: идеи М.К. Петрова // Научная мысль Кавказа. 2023. №2 (114). 26–34 с.
92. Драч Г. В. Рождение античной философии и начало антропологической проблематики Ч. 1 / История античной философии и культуры: избранные труды. / Т. 1. РнД; Таганрог: Изд.: Юфу, 2023. 7–764 с.
93. Драч Г. В. Триумф и трагедия античного разума. Ч. 2. / История античной философии и культуры: избранные труды / Т. 1. РнД; Таганрог: Изд.: Юфу, 2023. 354–370 с.
94. Драч Г. В. Ф. Х. Кессиди: открытие человека и становление греческой философии / История античной философии и культуры: избранные труды. Т. 2 / РнД; Таганрог: Изд.: Юфу, 2023. 277–289 с.
95. Драч Г. В. Феохарий Кессиди: В поисках формулы античности / История античной философии и культуры: избранные труды. Т. 2 / РнД; Таганрог: Изд.: Юфу, 2023. 268–274 с.
96. Драч Г. В., Богданова М. А., Французов Р. И. Проблема образа человека телесного в философии Платона: исследовательский контекст // Научная мысль Кавказа. 2024. №3 (119). 16–24 с.
97. Драч Г. В., Штомпель О. М. Идея культурологии: традиция, наука, образование // Научная мысль Кавказа. 2009. №4. 5–10 с.
98. Драч Г. В. Лосев А. Ф об античной культуре / История философии и теория культуры: избранные труды. / РнД.: Изд.: Юфу, 2017. 116–123 с.
99. Дынник М. А (ред.). История античной диалектики. М., «Мысль», 1972. 335 с.
100. Жданов Ю. А. «Проблемы теории и истории культуры / Жданов Ю.А., Давидович В. Е. Сущность культуры. 2-е изд., перераб. // отв. ред. ЮГ. Волков. Ростов н/ Д: Наука-пресс, 2005. 432 с.
101. Жебелев С. А. Религиозное врачевание в Древней Греции. Изд.: Александр и Константин, 2010. 98 с.
102. Жиленко М. Н. Междисциплинарность и системность как методологические основания в исследованиях культуры // Вестник славянских культур. 2020. №4. 101–109 с.

103. Жукова О. А. Философия русской культуры. Метафизическая перспектива человека и истории. Изд.: Согласие, 2017. 623 с.
104. Журавлев Ю. В. Андре Боннар и чудо греческой цивилизации / Боннар А. Греческая цивилизация. Т. 1. Изд.: Изд.: «Феникс», РнД, 1994. 3–19 с.
105. Заваркина М. В. Жанр как категория поэтики (проблемы, тенденции, перспективы) // Проблемы исторической поэтики. 2020. №1. 7–35 с.
106. Зайцев А. И. Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н. э. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2000. 320 с.
107. Зайцев А. И. Введение в античную литературу / Позднев М. М. (ред. и сост.) Хрестоматия по литературе Древней Греции: Эпоха культурного переворота. СПб.: Азбука-классика, 2004. 7–14 с.
108. Зайцев А. И. Гесиод / Позднев М. М. (ред. и сост.). Хрестоматия по литературе Древней Греции: Эпоха культурного переворота. СПб.: Азбука-классика, 2004. 17–24 с.
109. Зайцев А. И. Греческая религия и мифология: Курс лекций. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2005. 208 с.
110. Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о Галльской войне, о Гражданской войне, об Александрийской войне, об Африканской войне / Пер. М. М. Покровского. (Серия «Литературные памятники») М.-Л., Изд-во АН СССР. 1948. 559 с.
111. Зелинский Ф. Ф. Древнегреческая литература эпохи независимости. СПб.: "Алетейя", 2023. 422 с.
112. Зелинский Ф. Ф. История античной культуры. М.: Вече, 2018. 448 с.
113. Зелинский Ф. Ф. История античных религий. Т. I – III. СПб.: Издательский проект «Квадривиум»; Алетейя, 2017. 864 с.
114. Зелинский Ф. Ф. Сказочная древность. М.: Изд.: «Культура», 1994. 367 с.
115. Зелинский Ф. Ф. Софокл и его трагедийное творчество: научно-популярные статьи. СПб.: Алетейя, 2019. 416 с.

116. Зильберман Д. Б. К пониманию культурной традиции. М.: Российская политическая энциклопедия, 2015. 623 с.
117. Золотухина-Аболина Е. В. Четыре пути протестантского модернизма в XX веке // Научная мысль Кавказа. 2017. №1 (89). 24–28 с.
118. Иванова О. С. Структура полифонической композиции и ее реализация в художественном тексте // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2016. №36. 108–114 с.
119. Ильенков Э. В. Философия и культура. М.: Политиздат, 1991. 464 с.
120. Ирицын Г. Э. Ф. Ницше как предтеча постмодернизма // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2004. №3. 3–5 с.
121. Ищук-Фадеева Н. И. Драма (жанр) / Тамарченко Н. Д (Глав. науч. ред.). ПОЭТИКА: словарь актуальных терминов и понятий. М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. 62–64 с.
122. Йегер В. Пайдейя. Воспитание античного грека. Том 1. / Пер. с нем. А. И. Любжина / М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2001. 594 с.
123. Йегер В. Теология ранних греческих философов. Гиффордские лекции 1936 года. СПб: Изд. Владимир Даль, 2021. 350 с.
124. Казначеева Т. А. Основные концептуальные подходы к пониманию культуры в культурологии и межкультурной коммуникации // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2010. №3. 204–206 с.
125. Камад И. М. Обрядовая сторона культов Древней Греции. М.: “Институт общегуманитарных исследований”, 2006. 176 с.
126. Каминская Е. А. Культурные смыслы мифов и их отражение в традиционном фольклоре // Вестник ЧГАКИ. 2015. №4 (44). 49–55 с.
127. Кант И. Сочинения в шести томах. Т. 5. [Под общ. ред. В. Ф. Асмуса. А. В. Гулыги, Т. И. Ойзермана], М., изд-во «Мысль», 1966. 564 с.
128. Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. В 4 томах. Том 1: Трактаты и статьи (1784 – 1796). М.: Издательская Фирма АО «Ками», 1993. 586 с.

129. Канто-Спербер. М (ред.). Греческая философия. Т. I. / [пер. с фр. В. П. Гайдамака]. М.: Греко-латинский каб. Ю. А. Шичалина (ГЛК), 2006. 499 с.
130. Капуто Дж. Как секулярный мир стал постсекулярным // Философско-литературный журнал «Логос», 2011. №3. 186–205 с.
131. Караева П. Т. Общественное сознание как объект социально-философского анализа. Автореферат дис. ... кандидата философских наук: 09.00.01. Черкесск, 2004. 26 с.
132. Карпицкий Н. Н. А.Ф. Лосев: феноменология мифологического сознания // Наука о человеке: гуманитарные исследования. № 2(6). 2010. 123–133 с.
133. Кассирер Э. Философия Просвещения / Пер. с нем. - М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 400 с.
134. Кассирер Э. Избранное: опыт о человеке. М., 1998. 784 с.
135. Келле В. Ж (ред.). Проблемы философии культуры: Опыт историко-материалистического анализа. М.: Мысль, 1984. 325 с.
136. Кереньи К. Боги греков. Кастилия, 2025. 252 с.
137. Кереньи К. Что такое мифология? / Мифология // М.: Три квадрата, 2022. 20–41 с.
138. Кернер Э. Ф. К. Вильгельм фон Гумбольдт и этнолингвистика в Северной Америке от Боаса (1894) до Хаймса (1961) // Вопросы языкознания. 1992. № 1. 105–113 с.
139. Кессиди Ф. Х. От мифа к логосу (Становление греческой философии). М.: «Мысль», 1972. 312 с.
140. Кессиди Ф. Х. О «Греческом чуде» и менталитете древних греков // Философия и общество. 2003. №1. 135–143 с.
141. Кессиди Ф.Х. Сократ. М.: Мысль, 1988. 220 с.
142. Кириллов А. А. Теопозитика и ее тропология: анализ религиозного воображения в постсекулярном обществе / Религия и постсекулярное мышление: российский контекст: монография. РнД.; Таганрог: Южный федеральный университет, 2021. 129–155 с.

143. Кириллов А. А., Французов Р. И. Феномен религиозного воображения и теопэтика в анализе диалогической философии Платона // Научная мысль Кавказа. 2021. №4 (108). 26–32 с.
144. Клеванов А. С. Философские беседы (диалоги): Евтифрон. Апология Сократа. Федон / Пер. С др.-греч., предисл. и примеч. А. С. Клеванова. М.: Книжный дом «ЛИБРИКОМ», 2018. 346 с.
145. Клейн Л. С. История антропологических учений / под ред, Л. Б. Вишняцкого. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2014. 744 с.
146. Клейн Л. С. Культура и эволюция. Теоретические исследования. СПб.: «Евразия», 2018. 316 с.
147. Климент Александрийский. Увещание к язычникам. Кто из богатых спасется. СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2006. 288 с.
148. Кожев А. Введение в чтение Гегеля. Лекции по Феноменологии духа, читавшиеся с 1933 по 1939 г. в Высшей практической школе. СПб.: Наука, 2003. 791 с.
149. Кожинов В. В. Литература / Николюкин А.Н. (Глав. ред. и сост.). Литературная энциклопедия терминов и понятий. М.: НПК «Интелвак», 2001. 453–457 с.
150. Козолупенко Д. П. Анализ мифопоэтического мировосприятия // Epistemology & Philosophy of Science. 2009. №2. 190–197 с.
151. Козолупенко Д. П. Мифопоэтическое мировосприятие и миф: принципы взаимодействия и проявления в культуре // Вопросы культурологии. 2009. №3. 12–16 с.
152. Козолупенко Д. П. Мифопоэтическое мировосприятие. Монография. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. 432 с.
153. Колеров М. А. Интеллектуальная среда и живое дыхание Русской Атлантиды. Предисловие / Антология журнала «Русская мысль» (1910-1918): философия и политика. Калининград Изд.: БФУ им И. Канта, 2024. 11–33 с.

154. Коначева С. А. "Бог без суверенитета" и "священная анархия" царства: "слабая" теология как теополитический проект // Социологическое обозрение. 2022. №2. 214–229 с.
155. Коснырева М. В. Основные идеи кембриджского неоплатонизма XVII в. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://plato.today/SUMMERSCHOOL/summerschool1/07.htm>. (Дата обращения 07.07.2023).
156. Кравец А. С. Соотношение личностных и общественных (общезначимых) смыслов // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. №2. 17–23 с.
157. Кравченко Э. Я. Диалог / Тамарченко Н. Д. (Глав. науч. ред.). ПОЭТИКА: словарь актуальных терминов и понятий. М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. 56–57 с.
158. Крёбер А. Избранное: Природа культуры. М.: РОССПЭН, 2004. 1006 с.
159. Кузищин В. И. (ред.). Историография античной истории. М., 1980. 415 с.
160. Кузнецов И. В. История "Истории антропологии" Франца Боаса // Этнографическое обозрение, 2002. № 6. 96–108 с.
161. Кулишова О. В. Война и религиозное сознание в Греции в V в. До н. Э // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2003. №1. 3–15 с.
162. Кун. Н. Легенды и мифы Древней Греции. Изд.: Эксмо, 2020. 579 с.
163. Курабцев В. Л. Платон: агатофилософия: монография. М.: Проспект, 2016. 160 с.
164. Куссе Х., Чернявская В. Е. «Культура: объяснительные возможности понятия в дискурсивной лингвистике» // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2019. №3. 444–462 с.
165. Лебедев А. В. (сост.). Фрагменты ранних греческих философов (Часть I). От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. М.: Наука, 1989. 576 с.
166. Леви-Строс К. Первобытное мышление. М.: Республика, 1994. 384 с.

167. Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии // Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 18. М.: Политиздат, 1968. 7–384 с.
168. Ленин В. И. Философские тетради // Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 29. М.: Политиздат, 1969. 1–620 с.
169. Ленин В. И. О значении воинствующего материализма // Ленин В. И. Полное собрание сочинений в 55 т. Т. 45. М.: Политиздат, 1970. 23–33 с.
170. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.: Институт экспериментальной социологии; Спб.: Алетейя, 1998. 160 с.
171. Лифшиц М. А. Маркс и Энгельс об искусстве / Лифшиц М. А. (сост. и авт. вст. стат.). Маркс К. и Энгельс Ф. в 2-х т. Т. 1. М.: Искусство, 1983. 5–47 с.
172. Лихт Г. Сексуальная жизнь в Древней Греции. М.: КРОН-ПРЕСС, 1995. 400 с.
173. Лобок А. М. Психология мифа: дис. ... док. Псих. наук в форме науч. докл.: 19.00.11. Москва, 1998. 55 с.
174. Лосев А. Ф. Античная философия истории. СПб.: Алетейя, 2000. 258 с.
175. Лосев А. Ф. Диалектика мифа. М.: Мысль, 2001. 558 с.
176. Лосев А. Ф. Мифология греков и римлян. М.: Мысль, 1996. 975 с.
177. Лосев А. Ф. Типы античного мышления / Античность как тип культуры. М.: НАУКА, 1998. 78–104 с.
178. Лосев А. Ф. История античной эстетики (в 8 томах). Т.1. Ранняя классика. М.: АСТ; Х.: Фолио, 2000. 624 с.
179. Лосев А. Ф. История античной эстетики (в 8 томах). Т.2. Софисты. Сократ. Платон. М.: АСТ; Х.: Фолио, 2000. 846 с.
180. Лосев А. Ф. История античной эстетики (в 8 томах). Т.3. Высокая классика. М.: АСТ; Х.: Фолио, 2000. 624 с.
181. Лосев А. Ф. История античной эстетики (в 8 томах). Т.4. Аристотель и поздняя классика. М.: АСТ; Х.: Фолио, 2000. 880 с.
182. Лосев А. Ф. История античной эстетики (в 8 томах). Т.5. Ранний эллинизм. М.: АСТ; Х.: Фолио, 2000. 960 с.

183. Лосев А. Ф. История античной эстетики (в 8 томах). Т.6. Поздний эллинизм. М.: АСТ; Х.: Фолио, 2000. 960 с.
184. Лосев А. Ф. История античной эстетики (в 8 томах). Т.7. К. 1. Последние века. М.: АСТ; Х.: Фолио, 2000. 512 с.
185. Лосев А. Ф. История античной эстетики (в 8 томах). Т.7. К. 2. Последние века. М.: АСТ; Х.: Фолио, 2000. 544 с.
186. Лосев А. Ф. История античной эстетики (в 8 томах). Т.8. Итоги тысячелетнего развития. К. 1. М.: АСТ; Х.: Фолио, 2000. 832 с.
187. Лосев А. Ф. История античной эстетики (в 8 томах). Т.8. Итоги тысячелетнего развития. К. 2. М.: АСТ; Х.: Фолио, 2000. 688 с.
188. Лосев А. Ф. От Гомера до Прокла: История античной эстетики в кратком изложении / СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. 332 с.
189. Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения. М.: Академический проект; Культура, 2017. С. 451.
190. Лосев А. Ф., Тахо-Годи А. А. Платон. Аристотель. М.: Молодая гвардия, 2005. 392 с.
191. Лосев А. Ф., Тахо-Годи А. А. Классическая эстетика / История эстетической мысли. В. 6-ти т. Т. 1. Древний мир. Средние века в Европе. М.: Искусство, 1982. 156–208 с.
192. Лосев А.Ф., Шестаков В.П. История эстетических категорий. М.: Искусство, 1964. 376 с.
193. Лосев. А. Ф. М. Из ранних произведений. М.: Правда, 1990. 558 с.
194. Лотман Ю. М. Лекции по структуральной поэтике. // Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М.: “Гнозис”, 1994. 11–431 с.
195. Любек Ф. Реальный словарь классических древностей. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <<https://ru.wikisource.org/wiki/ПСКД/Melissa>>. (Дата обращения 14.08.2024).
196. Мавринская Т. В., Калашникова Е. Б. Брачно-семейные отношения в Древней Греции // Интерактивная наука. 2017. No13. 35–36 с.

197. Магомедова Д. М. Полифония / Тамарченко Н. Д (Глав. науч. ред.). ПОЭТИКА: словарь актуальных терминов и понятий. М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. 174–176 с.
198. Малиновский Б. Научная теория культуры. М.: ОГИ, 2005. 184 с.
199. Маркс К. Энгельс Ф. Капитал: Критика политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения в 50 т. Т.23. М.: Политиздат, 1960. 15–784 с.
200. Маркс К., Энгельс Ф. Людвиг Фейербах, и конец немецкой классической философии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения в 50 т. Т. 21. М.: Политиздат, 1961. 269–317 с.
201. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения в 50 т. Т.3. М.: Политиздат, 1955. 7–544 с.
202. Маркс К., Энгельс Ф. Тезисы о Фейербахе. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения в 50 т. Т.3. М.: Политиздат, 1955. 1–4 с.
203. Марру А. И. История воспитания в античности. Пер. с франц. А. И. Любжина, М. А. Сокольской, А. В. Пахомовой. М.: «Греко-латинский кабинет» Ю.А.Шичалина, 1998. 425 с.
204. Марулис Д История определения античной греческой мифологии // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2018. №1 (212). 151–162 с.
205. Матузкова Е. П. Культурная идентичность: к определению понятия // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2014. №2. 62–68 с.
206. Матышак Ф. Греческие и римские мифы: От Трои и Гомера до Пандоры и «Аватара». М.: Манн, Иванов и Фербер, 2020. 272 с.
207. Маяцкий М. А. Спор о Платоне: Круг Штефана Георге и немецкий университет. Москва. Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 344 с.
208. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. 407 с.

209. Месянжинова А. В. К проблеме определения понятия модель культуры // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. №3. 114–123 с.
210. Мешков В. М. Об исторической последовательности создания произведений Платона и становлении его трансцендентальной философии // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2018. №4 (44). 458–475 с.
211. Миллер Д. Л. Ад и Святой дух. Теопэтика христианской веры. Изд.: «Кастилия», 2024. 230 с.
212. Мирандола де. Дж. П. Речь о достоинстве человека / В.П. Шестаков (сост.). Эстетика Ренессанса [2 тома]. Т. 1 // М., 1981. 248–299 с.
213. Миф // Новейший философский словарь Грицанова А.А. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://gufo.me/dict/philosophy_encyclopedia/%D0%9C%D0%98%D0%A4%D0%9E%D0%9B%D0%9E%D0%93%D0%98%D0%AF. (Дата обращения 02.01.2023).
214. Мифология // Новая философская энциклопедия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://gufo.me/dict/philosophy_encyclopedia/МИФОЛОГИЯ (Дата обращения 28.12.2023).
215. Монтескье Ш. Л. О духе законов. М.: Мысль, 1999. 674 с.
216. Муравьев А. Н. Логос и диалог: Платон о начале и методе познания Академия. /Материалы и исследования по истории платонизма. Межвузовский сборник. Выпуск 1. //Под ред. д-ра филос. наук Р. В. Светлова, А. В. Цыба. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1997. 56–73 с.
217. Найдыш В.М. Философия мифологии. От античности до эпохи романтизма. М.: Гардарики. 2002. 554 с.
218. Неретина С. С., Огурцов А.П. Пути к универсалиям. СПб.: РХГА, 2006. 999 с.
219. Никола М. И., Анохин А.В. Предисловие / Никола М.И., Анохин А. В. (автор. сост.) Древнегреческая литература: Хрестоматия. М.: Прометей, 2019. 3–5 с.

220. Никольский В. К. Начатки науки о первобытном обществе и его культуре / Тэйлор Э. Первобытная культура: в 2 кн. Кн. 1 // Пер. с англ. Вступ. с. В. Никольского. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2009. 5–18 с.
221. Нильссон М. Греческая народная религия. СПб.: Алетейя, 1998. 240 с.
222. Ницше Ф. Полное собрание сочинений: В 13 томах. Т. 3. Утренняя заря. Мессинские идиллии. Веселая наука. М.: Культурная революция, 2005. 640 с.
223. Ницше Ф. Полное собрание сочинений: В 13 томах. Т. 4. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого. М.: Культурная Революция, 2005. 432 с.
224. Ницше Ф. Рождение трагедии: Или: эллинизм и пессимизм / пер. с нем. Г. А. Рачинского. М.: Академ. Проект, 2007. 166 с.
225. Ноговицын О. М. Онтология художественной формы: реальность текста и призрачность реальности. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2016. 239 с.
226. Обдалова О. А., Левашкина З. Н. Понятие "нарратив" как феномен культуры и объект дискурсивной деятельности // Язык и культура. 2019. №48. 332–348 с.
227. Оболевич Т. От имяславия к эстетике. Концепция символа Алексея Лосева. Историко-философское исследование. М.: Изд.: ББИ, 2014. X, 443 с.
228. Овчаренко О. А. Сюжет, фабула, композиция // Теория литературы / Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН. М.: Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, 2011. 183–198 с.
229. Олизько Н. С. Постмодернизм: к проблеме определения понятия // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. 2006. №6 (61). 49–52 с.
230. Олимпиодор. Жизнь Платона / Пер. М. Л. Гаспарова. // Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль. 1979. 445–448 с.
231. Отто В. Греческие боги: Картина божественного в зеркале греческого духа. СПб.: Владимир Даль, 2019. 319 с.
232. Ошеров С. А. Первая ступень / С. А. Ошеров (сост.). Антология античной лирики. М.: Моск. рабочий, 1980. 3–28 с.

233. Павлов А. В. Постпостмодернизм: как социальная и культурная теории объясняют наше время. М.: Изд. Дом.: «Дело» РАНХиГС, 2023. 584 с.
234. Паткуль А. Б (ред.). Феноменологическое понятие мира: коллективная монография / под ред. А. Б. Паткуля. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд-во РХГА, 2024. 416 с.
235. Паунтни Л. Антропология. Всё, что нужно знать о происхождении, становлении и развитии человека. М.: АСТ, 2025. 608 с.
236. Петров М. К. Античная культура. М.: РОССПЭН, 1997. 352 с.
237. Петров М. К. Искусство и наука. Пираты Эгейского моря и личность. М.: РОССПЭН, 1995. 140 с.
238. Петров М. К. Проблемы детерминизма в древнегреческой философии классического периода: монография. Ростов н/Д.: Изд. ЮФУ, 2015. 397 с.
239. Петров М. К. Самосознание и научное творчество. РнД.: РГУ, 1992. 272 с.
240. Петров Н. В., Тимофеев В. Г. Миф как социокультурный феномен // Вестник ЧГУ. 2010. №4. 133–137 с.
241. Плакроуз Х; Линдси Дж. Циничные теории: Как все стали спорить о расе, гендере и идентичности и что в этом плохого. М.: Individuum, 2022. 384 с.
242. Платон Диалоги. М.: Мысль, 1986. 607 с.
243. Платон. Полное собрание сочинений в одном томе. М.: «АЛЬФА-КНИГА», 2018. 1311 с.
244. Платон. Сочинения в трех томах (четырёх книгах). Под общ. ред. Лосева А.Ф., Асмуса В.Ф. / Пер. с дре. греч. / Т. 1. М.: «Мысль», 1968. 623 с.
245. Платон. Сочинения в трех томах (четырёх книгах). Под общ. ред. Лосева А.Ф., Асмуса В.Ф. / Пер. с дре. греч. / Т. 2. М.: «Мысль», 1970. 611 с.
246. Платон. Сочинения в трех томах (четырёх книгах). Под общ. ред. Лосева А.Ф., Асмуса В.Ф. / Пер. с дре. греч. / Т. 3, Ч. 1. М.: «Мысль», 1971. 687 с.
247. Платон. Сочинения в трех томах (четырёх книгах). Под общ. ред. Лосева А.Ф., Асмуса В.Ф. / Пер. с дре. греч. / Т. 3, Ч. 2. М.: «Мысль», 1972. 676 с.
248. Платон. Сочинения Платона. Часть 1. /пер. В. Н. Карпов / Платон-М.: Книга по Требованию, 2013. 511 с.

249. Плутарх. Как юноше слушать поэтические произведения / Гаспаров М. Л (отв. ред.). Памятники поздней античной научно-художественной литературы. М., Изд-во «Наука», 1964. 11–47 с.
250. Подзюбан Е. В. Методологические положения Франца Боаса и его школы // МНКО. 2014. №2 (45). 328–331 с.
251. Позднев М. М. К вопросу об авторстве платоновских эпиграмм // АКАДЕМЕ1А. Материалы и исследования по истории платонизма. Вып. 1. СПб.: Изд. СПб. Унив., 1997. 83–987 с.
252. Позднев М.М Психология искусства. Учение Аристотеля. М. СПб.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. 816 с.
253. Поле Р. Платон как воспитатель. Платоновский ренессанс и антимодернизм в Германии (1890-1933). / Пер.с нем. Перцева А.В., Матвейчева О. А. Изд.: Владимир Даль, 2021. 656 с.
254. Полибий. Всеобщая история в сорока книгах. Т. I. (Кн. I-V). Пер. с Греч. Ф. Г. Мищенко. СПб., 2005. 496 с.
255. Попова Т. В. Информационная культура в контексте социокультурной динамики // ЭСГИ. 2018. №2 (18). 141–146 с.
256. Потапова Н. А. "Переоценка всех прежних ценностей" в метафизике Ницше // Научный вестник Омской академии МВД России. 2005. №2. 3–6 с.
257. Почтарева Е. Ю. Ценностно-смысловая сфера личности: сущность, детерминанты, механизмы развития // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. №4. 563–575 с.
258. Прилуцкий А. М. К вопросу о семиотическом анализе мифологических дискурсов // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2015. №3. 39 –47 с.
259. Приходько, Е. В. Двойное сокровище: Искусство прорицания Древ. Греции: мантика в терминах / Е.В. Приходько. М.: Прогресс-Традиция, 1999. 592 с.
260. Прокл. Платоновская теология / Пер. с древнегреч., сост., статья, примечания, указатели, словарь Л. Ю. Лукомского. СПб.: РХГИ; «Летний сад», 2001. 624 с.

261. Прокопов К. Е. Магическая лексика в диалогах Платона: *parmakon* и *epode* // *Schole, СХОЛЭ*. 2019. №1. 294–306 с.
262. Протопопова И. А. Прыгающий лебедь: о драматическом подходе к диалогам Платона // *Философско-литературный журнал «Логос»*. 2012. №6 (90). 85–100 с.
263. Пыхтина Т. Ф. Истина как социальная значимость (пути постмодернизма в трактовке познания) // *Вестник НГУЭУ*. 2012. №3. 289–294 с.
264. Ракитянская А. И. Ценностные аспекты духовной культуры // *Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования*. 2022. №6. 168–170 с.
265. Рейнхардт К. Мифы Платон. Изд.: СПб: Владимир Даль, 2019. 319 с.
266. Ренан Э. Собрание сочинений Эрнеста Ренана: в 12 т.: Т. 10: Воспоминание детства и юности. / пер. с фр. под ред. В. Н. Михайлова Киев: Б. К. Фукс, 1902. 211 с.
267. Россман В. И. Платон как зеркало русской идеи. *Вопросы философии*. 1968. №4. 38-50 с.
268. Рушкин И. П. Одно указание на распространенность мифа Гесиода о последовательных поколениях смертных // *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2022. №1 (75). 182–187 с.
269. Рыскельдиева Л. Т (отв. ред. и сост.). *Как действует философия: Монография*. М.: Академический проект, 2023. 319 с.
270. Рэдклифф-Браун А. Структура и функция в примитивном обществе. *Очерки и лекции*. Пер. с англ. М: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. 305 с.
271. Сарбашева А. М., Узденова Ф. Т. К проблеме взаимодействия фольклора и литературы в современном литературоведческом дискурсе // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2016. №4-2 (58). 38–41 с.
272. Светлов Р. В. Теология в горизонте драматургии платоновских ТЕКСТОВ // *Schole, СХОЛЭ*. 2021. №2. 856–867 с.

273. Силантьев И. В. Мотив / Тамарченко Н. Д (Глав. науч. ред.). ПОЭТИКА: словарь актуальных терминов и понятий. М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. 130–131 с.
274. Силантьев И. В. Поэтика мотива. М.: Язык славянской культуры, 2004. 296 с.
275. Смирнов А. В., Касавина Н. А., Никольский С. А. (отв. ред. и соств.). Цивилизация: контрапункты теории. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2024. 404 с.
276. Соболев Д. М. «Что такое литература?» и современная теория культуры // Международный журнал исследований культуры. 2011. №1 (2). 121–140 с.
277. Соловий Р. П. Теопоэтика и теополитика Джона Капуто // Антиномии. 2017. №3. 7–21 с.
278. Соловьев М. С. Жизненная драма Платона. Сочинение в 2 т. Т. 2. /Общ. ред. и сост. А. В. Гулыги, А.Ф. Лосева. М.: Мысль, 1990. 582–625 с.
279. Сороколетов Н. В. Радикальная теология Джона Капуто: Бог как событие. Вопросы богословия, 1. 5, 2021. 133–146 с.
280. Субботина Н. Д. Проблема «Естественного состояния» в истории философии // Вестник ТГУ. 2009. №10. 321–326 с.
281. Суриков И. Е. Полис, логос, космос. Мир глазами эллина. Категории древнегреческой культуры. М.: Вече, 2014. 400 с.
282. Тамарченко Н. Д. Мир персонажей / Тамарченко Н. Д (Глав. науч. ред.). ПОЭТИКА: словарь актуальных терминов и понятий. М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. 122–123 с.
283. Тамарченко Н. Д. Жанр / Тамарченко Н. Д (Глав. науч. ред.). ПОЭТИКА: словарь актуальных терминов и понятий. М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. 69–71 с.
284. Тамарченко Н. Д. Поэтика / Тамарченко Н. Д (Глав. науч. ред.). ПОЭТИКА: словарь актуальных терминов и понятий. М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. 182–186 с.

285. Тамарченко Н. Д. Событие сюжетное / Тамарченко Н. Д (Глав. науч. ред.). ПОЭТИКА: словарь актуальных терминов и понятий. М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. 239–240 с.
286. Тамарченко Н. Д. Сюжет / Тамарченко Н. Д (Глав. науч. ред.). ПОЭТИКА: словарь актуальных терминов и понятий. М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. С. 258.
287. Тахо-Годи А. А. Миф как стихия жизни, рождающая ее лик, или в словах данная чудесная личностная история / Мифология древних греков и римлян. М.: Мысль, 1996. 910–932 с.
288. Теология смерти Бога // Теологический энциклопедический словарь. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [https://1072.slovaronline.com/757-теология смерти бога](https://1072.slovaronline.com/757-теология%20смерти%20бога). (Дата обращения 28.12.2022).
289. Тертуллиан К. С. Ф. Апологетик. К Скапуле. СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2005. 256 с.
290. Тихо-Годи, А. А. Греческая мифология. М.: Искусство, 1989. 304 с.
291. Тихонов А. В., Французов Р. И. Постановка проблемы о понимании божественного у Платона // Schole, СХОЛЭ. 2023. №1. 217–225 с.
292. Тихонов А. В. Ранние диалоги Платона и феномен «невежества»: вопрос об онтологии // Schole, СХОЛЭ. 2008. №2. 195–206 с.
293. Токарев С. А. Ранние формы религии. М.: Политиздат, 1990. 622 с.
294. Трофимова И. В. Риторика и постмодерн // Записки Горного института. 2005. №1. 81–85 с.
295. Трубецкой С. Н. Учение о логосе в его истории / Сочинения. М.: Мысль, 1994. 44–204 с.
296. Тэйлор Э. Первобытная культура: в 2 кн. Кн. 1 // Пер. с. англ. Вступ. с. В. Никольского. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2009. 464 с.
297. Тюпа В. И. Дискурс / Тамарченко Н. Д (Глав. науч. ред.). ПОЭТИКА: словарь актуальных терминов и понятий. М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. С. 60.

298. Тюпа В. И. Литература художественная / Тамарченко Н. Д (Глав. науч. ред.). ПОЭТИКА: словарь актуальных терминов и понятий. М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. С. 115.
299. Тюрго А-Р-Ж. Избранные философские произведения. Пер. с францу. И.А.Шапиро. М.: государственное социально-экономическое издательство, 1937. 189 с.
300. Фарнсворт У. Метод Сократа: Искусство задавать вопросы о мире и о себе. М.: Альпина нон-фикшн, 2023. 352 с.
301. Фархитдинова О. М. Ирония: проблема определения и роль в философском познании. автореф. дис. ... кандидата философских наук: 09.00.01 / Екат. Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького, 2004. 26 с.
302. Фаустов. А. А. Мифопоэтика / Тамарченко Н. Д (Глав. науч. ред.). ПОЭТИКА: словарь актуальных терминов и понятий. М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. С. 124.
303. Фермёлен Х. Ф. Герард Фридрих Миллер и становление этнографии в Сибири // Этнография. 2018. №1. 40–63 с.
304. Фестюжер А-Ж. Личная религия греков СПб.: «Алетейя», 2000. 253 с.
305. Фестюжер А-Ж. Созерцание и созерцательная жизнь по Платону. СПб., «Наука», 2009. 497 с.
306. Фичино М. О платоническом понимании природы философа, его воспитания и образа жизни / Пер с лат. и комм. И.Г. Гурьянова // Антология педагогического наследия Средних веков, Возрождения и Реформации / под ред. В.Г. Безрогова, В.В. Рыбакова. М.: ООО «Русское слово – учебник», 2021. 553–559 с.
307. Флиер А. Я. Культура общества как системный феномен // Вестник ЧГАКИ. 2015. №4 (44). 21–27 с.
308. Фома Аквинский. Сумма теологии. Т.IV. Первая Часть Второй Части. Вопросы 68-114 Под ред. проф. д.ф.н. Н. Лобковица, к.ф.н. А.В. Апполонова пер. к.ф.н. А.В. Апполонова М: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 688 с.

309. Французов Р. И. Философия Платона: разумный миф или мифический разум? Южный полюс. Исследования по истории современной западной философии, 2022. №1-2. 36–43 с.
310. Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. М.: Академический проект, 2021. 781 с.
311. Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра. М.: Лабиринт, 1997. 445 с.
312. Фридеман Г. Платон и его гештальт. СПб.: "Владимир Даль", 2020. 388 с.
313. Фролов Э. Д. Русская наука об античности: историографические очерки. СПб.: Гуманитарная акад., 2006. 608 с.
314. Фролов Э. Д. Факел Прометея: очерки античной общественной мысли. Изд-во Ленинград. ун-та, 1991. 440 с.
315. Фукидид. История. М.: Ладомир; ООО «Фирма «Изд.: АСТ», 1999. 736 с.
316. Фуко М. СЛОВА и ВЕЩИ. Археология гуманитарных наук. М.: Прогресс, 1994. 408 с.
317. Хайдеггер М. Слова Ницше “Бог мертв” // Вопросы философии. 1990. № 8. 143–176 с.
318. Харви Д. Состояние постмодерна: Исследование истоков культурных изменений. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 576 с.
319. Харрисон Дж. Э. Искусство и ритуал древности. М., 2022. 156 с.
320. Хестанов Р. З., Сувалко А. С. Факультативные группы, невидимые индивиды: Трансформация социальных отношений в новой технологической реальности // Социологическое обозрение. 2022. №3. 174–201 с.
321. Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты / Пер. с нем М. Кузнецова. М.СПб.: Медиум, Ювента, 1997. 312 с.
322. Хюбнер К. Истина мифа. М.: Республика, 1996. 448 с.
323. Целлер Э. Г. Очерк истории греческой философии /Пер. с нем. С. Л. Франка, прим. М. А. Солоповой. М.:«Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012. 352 с.
324. Целыковский А. А. Мифология и идеология: роль рациональности в их взаимодействии: Липецк: Изд.: Липецкого государственного технического университета, 2014. 180 с.

325. Цицерон Марк Туллий. О природе богов. Тускуланские беседы. Речи / Пре. с лат. С. Блажеевского, М. Гаспарова, В. Горенштейна. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. 992 с.
326. Черданцева И. В. Философия иронии: от познавательной специфики к концептуальному конструированию.: автореф. дис. ... доктора филологических наук: 09.00.01 /Барнаул, Алтайский гос. ун-т., 2010. 48 с.
327. Чернявская Ю. В. Идентичность на фоне мифа // Антропологический форум. 2008. №8. 198–202 с.
328. Чижова И. А. Предметная форма духовной культуры. Автореферат дис. ... кандидата философских наук: 09.00.01. Нижний Новгород, 2010. 22 с.
329. Шахов Ю. А. Марциан Капелла и его произведения / Капелла М. Бракосочетание Филологии и меркурия // М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, Петроглиф, 2019. 6–51 с.
330. Шилихина К. М. Дискурсивная практика иронии: когнитивный, семантический и прагматический аспекты.: автореф. дис. ... доктора филологических наук: 10.02.19 /Воронеж, Воронежский гос. ун-т., 2021. 50 с.
331. Штраус Л. Город и человек / Пер. С англ. Н. Селиверстова. СПб.: «Владимир Даль», 2021. 502 с.
332. Шувалов А. В. Методологические аспекты психологического человекознания // Национальный психологический журнал. 2014. №3 (15). 6–26 с.
333. Эко У. О зеркалах и другие истории. Между поэзией и прозой. Кн II. М.: Слово / Slovo, 2020. 240 с.
334. Энгельке М. Думай как антрополог / Пер. с англ. А. Арамян, К. Митрошеников. М.: Ад Маргинем Пресс, 2024. 288 с.
335. Эннес Дж. Античная философия: очень краткое введение. / Джулия Эннес; [пер. с англ. А. Н. Ганор]. Москва: АСТ: Астрель, 2009. 190 с.
336. Яворский Д. Р. Символическая репрезентация социокультурной целостности в средневековом теоцентризме // Известия ВГПУ. 2007. №3. 51–55 с.

337. Яковлева Н. С. Влияние гуманистических идей на Джорджо Вазари историка и теоретика искусства // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2008. №67. 324–331 с.
338. Яковлева Н. С. Теоретические идеи Джорджо Вазари в контексте научного знания XVI века. Автореферат дис. ... кандидата искусствоведения: 17.00.09. Санкт-Петербург, 2012. 26 с.
339. Ирония // Новая философская энциклопедия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://gufo.me/dict/philosophy_encyclopedia/ИРОНИЯ. (Дата обращения 07.08.2024).
340. Abu Lughod L. Writing Against Culture / Fox R. G. Recapturing Anthropology: Working in the Present. Santa Fe, N.M.: School of American Research Press: Distributed by the University of Washington Press, 1991. 137–154 p.
341. Addey T. Myth. The Final Phase of Platonic Education. The Meadow, Issue 2 (Winter 2005). 24–35 p.
342. Adelung J. C. Vorrede / Adelung J. C. Versuch einer Geschichte der Cultur des menschlichen Geschlechts. Von dem Verfasser des Begriffs menschlicher Fertigkeiten und Kenntnisse. Leipzig 1782. Digitale Edition von Jochen A. Bär. Vechta 2014. IV–XXIV s.
343. Alves R. A. A theology of human hope. New York, Corpus Books, 1971. XV, 199 p.
344. Alves R. A. I believe in the resurrection of the body. Philadelphia: Fortress Press, 1986. 78 p.
345. Alves R. A. The Poet, The Warrior, The Prophet. Philadelphia: Trinity, 1990. 143 p.
346. Alves R. A. Theopoetics: Longing and Liberation / Getz L. M. & Costa R. O (eds.). Struggles for Solidarity: Liberation Theologies in Tension. Minneapolis: Fortress, 1992. 159–171 p.
347. Alves R. A. Tomorrow's child; imagination, creativity, and the rebirth of culture. New York, Harper & Row, 1972. 210 p.

348. Alves R. A. *Transparencies of Eternity*. Convivium Press; First Edition, 2010. 136 p.
349. Alves R. A. *What is religion?* Maryknoll, N.Y.: Orbis Books, 1984. IV, 99 p.
350. André Bonnard // *Le Dictionnaire historique de la Suisse (DHS)*. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://hls-dhs-dss.ch/fr/articles/016026/2002-11-21/>. (Дата обращения 10. 10. 2022).
351. Annas J. *Plato*. New York: Sterling Pub., 2009. 177 p.
352. Ausland H. W. On reading Plato Mimetically. *The American Journal of Philology*, V. 118, No. 3 (Autumn, 1997). 371–416 p.
353. Barfield R. *The ancient quarrel between philosophy and poetry*. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2011. 278 p.
354. Barreto R. C. The Prophet and the Poet: Richard Shaull and the Shaping of Rubem Alves's Liberative Theopoetics. *Religions* 12(4):251, 2021. 1–14 p.
355. Benson H.H. Problems with Socratic Method / Scott G. A (ed.). *Does Socrates have a method?: rethinking the elenchus in Plato's dialogues and beyond*. University Park, Pa. : Pennsylvania State University Press, 2002. 101–113 p.
356. Blondell R. *The Play of Character in Plato's Dialogues*. Cambridge University Press, 2002. 452 p.
357. Bossuet J. B. *Discourse on universal history*. Chicago: University of Chicago Press, 1976. XLVI, 376 p.
358. Bottici C. Mythos and Logos: A Genealogical Approach. *Epoché: A Journal for the History of Philosophy* 13 (1): (2008). 1-24 p.
359. Brickhouse T. C. and Smith N. D. The Socratic Elenchos? / Scott G. A (ed.). *Does Socrates have a method?: rethinking the elenchus in Plato's dialogues and beyond*. University Park, Pa. : Pennsylvania State University Press, 2002. 145–157 p.
360. Brisson. L. *Plato the myth maker*. University of Chicago Press, 1998. LIII, 188 p.
361. Brogan T. V. F, Preminger A (eds.). *The New Princeton Encyclopedia of Poetry and Poetics*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1993. 1383 p.
362. Brown D. «Human Universals». McGraw-Hill Companies, Incorporated, 1991. 160 p.

363. Calhoun C. J. *Dictionary of the Social Sciences*. New York: Oxford University Press, 2002. XVI, 563 p.
364. Caputo J. D. *On religion*. New York London, 2001. XII, 217 p.
365. Caputo J. D. *Radical Hermeneutics*. Indiana University Press, 1988. IX, 319 p.
366. Caputo J. D. *Spectral hermeneutics: on the weakness of God and the theology of the event* / Caputo J. D. & Vattimo G (eds.). *After the Death of God*. Columbia University Press, 2007. 47–85 p.
367. Caputo J. D. *The Folly of God: a theology of the unconditional*. Polebridge Press, 2015. 113 p.
368. Caputo J. D. *The Insistence of God: a theology of perhaps*. Bloomington: Indiana University Press, 2013. XII, 308 p.
369. Caputo J. D. *The Theopoetic Reduction: Suspending the Supernatural Signified Literature and Theology*. V. 33, №. 3, 2019. 248–254 p.
370. Caputo J. D. *The Weakness of God: A Theology of the Event*. Bloomington: Indiana University Press, 2006. XIV, 356 p.
371. Caputo J. D. *Theopoetics as Radical Theology* / Faber R. & Fackenthal J (eds.). *Theopoetic folds: philosophizing multifariousness*. New York London, 2013. 125–141 p.
372. Caputo J. D. *What to believe?: twelve brief lessons in radical theology*. New York: Columbia University Press, 2023. XVII, 190 p.
373. Clarke M. J. *Flesh and spirit in the songs of Homer: a study of words and myths*. Oxford classical monographs. Oxford: Clarendon Press, 1999. XV, 378 p.
374. Collobert C. *Poetry As Flawed Reproduction: Possession and Mimesis* / Destrée P., Herrmann F.-G (eds.). *Plato and the Poets*. Brill Academic Pub, 2011. 41–61 p.
375. Collobert C. *The Platonic Art of Myth-Making: Myth as Informative Phantasma* / Collobert C., Destrée, P. Gonzales, F. J (eds.). *Studies on the Use and Status of Platonic Myths*. Leiden-Boston: Brill, 2012. 87-108 p.
376. Corey D. D. *The Sophists in Plato's Dialogues*. State University of New York Press, Albany, 2015. XII, 316 p.

377. Cox H. Foreword / Alves R. A. A theology of human hope. New York, Corpus Books, 1971. I–XV p.
378. Culler J. Literary theory a very short Introduction. Oxford University Press, 1997. 149 p.
379. Dailey T. F. Eucharist & the Theopoetics of Encounter according to St. Francis de Sales / Chorpenning J (ed.). Human Encounter in the Salesian Tradition. Rome, 2007. 63–76 p.
380. De Sanctis D. The meeting scenes in the incipit of Plato's dialogue / Cornelli G (ed.). Plato's Styles and Characters: Between Literature and Philosophy. Walter de Gruyter GmbH, Berlin-Boston, 2016. 119–136 p.
381. Dewey A. J. Amos Niver Wilde / Byers P. K, Bourgojn S. M, Walker N. E (eds.). Encyclopedia of world biography. V. 16. Detroit: Gale Research, 1998. 273–274 p.
382. Edelstein L. The Function of the Myth in Plato's Philosophy Source: Journal of the History of Ideas, V. 10, No. 4 (Oct., 1949). 463–481 p.
383. Else G. F. Plato and Aristotle on poetry. Chapel Hill: University of North Carolina Press. XX, 221 p.
384. Erler M. Detailed Completeness and Pleasure of the Narrative. Some Remarks on the Narrative Tradition and Plato / Cornelli G (ed.). Plato's Styles and Characters: Between Literature and Philosophy. Walter de Gruyter GmbH, Berlin-Boston, 2016. 103–117 p.
385. Faber R. & Fackenthal J. Introduction: The Manifold of Theopoetics / Faber R. & Fackenthal J (eds). Theopoetic folds: philosophizing multifariousness. New York London, 2013. 1–11 p.
386. Faber R. Bodies of the Void: Polyphilia and Theoplicity / Boesel Ch. & Keller C. Apophatic bodies: negative theology, incarnation, and relationality. New York: Fordham University Press, 2010. 200–431 p.
387. Faber R. God as poet of the world: exploring process theologies. Louisville, KY: Westminster John Knox Press, 2008. X, 365 p.

388. Faber R. Introduction to Process Theology / Diller J. & Kasher A (eds.). Models of God and Alternative Ultimate. Springer Dordrecht Heidelberg. New York London, 2013. 311–322 p.
389. Faber R. On the Unique Origin of Revelation, Religious Intuition, and Theology. Process Studies. V. 28, Fall-Winter, 1999. 195-211 p.
390. Faber R. Polyphilic Pluralism: Becoming Religious Multiplicities / Boesel Ch. & Ariarajah W (eds.). Divine multiplicity: trinities, diversities, and the nature of relation. New York: Fordham University Press, 2014. 58–81 p.
391. Faber R. The becoming of God: process theology, philosophy, and multireligious engagement. Eugene, Oregon: Cascade Books, 2017. XVIII, 238 p.
392. Fagan P. Plato and Tradition. The Poetic and Cultural Context of Philosophy. Northwestern University Press, 2013. XVII, 143 p.
393. Ferrari G. R. F. The Freedom of platonic myth / Collobert C., P. Destrée, F. J. Gonzalez (eds.). Plato and Myth Studies on the Use and Status of Platonic Myths Ed. Brill Academic Pub, 2012. 67–86 p.
394. Ferrari G.R.F. Socratic irony as pretence. Oxford Studies in Ancient Philosophy, 2008. 1-33 p.
395. Flaceliere R. Daily life in Greece at the time of Pericles. New York, Macmillan, 1965. XVI, 310 p.
396. Fowlers R. L. Mythos and logos. The Journal of Hellenic Studies, V. 131, 2011. 45-66 p.
397. Friedlaender P. Plato an introduction / Translated from the German by Hans Myerhoff. Princeton University Press, 1969. XXIII, 443 p.
398. Garcia L.J.A. Plato's Poetics. SSRN Electronic Journal, 2004. [Электронный ресурс].
Режим доступа:
https://www.researchgate.net/publication/262183965_Plato's_Poetics. (Дата обращения: 13.07.2024).
399. Garland, R. The Greek Way of Death. Ithaca, NY: Cornell Univ. Press, 2001. P. 49. XVI, 192 p.

400. Gaster T. H. *Thespis: Ritual, Myth and Drama in the Ancient Near East*. New York: Henry Schuman, 1961. 520 p.
401. George Gemistos Plethon. *De Differentis* // Woodhouse C. M. *George Gemistos Plethon. The Last of the Hellens*. Oxford: Clarendon Press, 1986. 191–214 p.
402. Gernet L. *les grecs sans miracle*. Éditions La Découverte, Paris, 1983. 426 s.
403. Gonzales F. J. *The hermeneutics of madness: poet and philosopher in Plato's Ion and Phaedrus* / Destrée P., Herrmann F.-G (eds.). *Plato and the Poets*. Brill Academic Pub, 2011. 93–110 p.
404. Gonzalez F. J. *The Socratic Elenchus as Constructive Protreptic* / Scott G. A (ed.). *Does Socrates have a method?: rethinking the elenchus in Plato's dialogues and beyond*. University Park, Pa. : Pennsylvania State University Press, 2002. 161–182 p.
405. Gordon J. *Turning Toward Philosophy: Literary Device and Dramatic Structure in Plato's Dialogues*, University Park: Pennsylvania State University Press, 1999. 192 p.
406. Gottlieb A. *Socrates*. New York: Routledge, 1999. 58 p.
407. Grethlein J. *The Eyes of Odysseus. Gaze, Desire and Control in the Odyssey* / Kampakoglou A. & Novokhatko A (eds.). *Gaze, Vision, and Visuality in Ancient Greek Literature*. De Gruyter, Berlin/Boston 2018. 33–60 p.
408. Griswold Ch. L. *Irony in the Platonic Dialogues* / *Philosophy and Literature* 26 (1). /, 2002. 84–106 p.
409. Guynn M. *Theopoetics: That the Dead May Become Gardeners Again*. *Cross Currents*, 2006. 98–109 p.
410. Hagar S., Goldberg H. E. *Myth-Ritual-Symbol* / Bendix R. F, Hasan-Rokem G (eds.). *A Companion to Folklore*. Wiley-Blackwell Publishing Ltd, 2012. 119–135 p.
411. Halewood M. *Reality, Eternality, and Colors: Rimbaud, Whitehead, Stevens* / Faber R. & Fackenthal J (eds.). *Theopoetic folds: philosophizing multifariousness*. New York: Fordham University Press, 2013. 15–29 p.
412. Halliwell S. *Antidotes and incantations: is there a cure for poetry in Plato's republic?* / Destrée P., Herrmann F.-G (eds.). *Plato and the Poets*. Brill Academic Pub, 2011. 241–266 p.

413. Hamilton P. Knowledge and social structure: an introduction to the classical argument in the sociology of knowledge. By Peter Hamilton. Boston: Routledge & Kegan Paul, 1974. IX, 164 p.
414. Harris M. The rise of anthropological theory: a history of theories of culture. New York: Thomas Y. Crowell, 1968. 806 p.
415. Heinemann R. Plato: metaphysics and epistemology / Taylor C. C. W (ed.). Routledge History of Philosophy in 11 V. From the Beginning to Plato V. 1/, 1997. 329–363 p.
416. Holland S. A. Theopoetics of Seeking Cultures of Peace. *Theopoetics*. V.1. №. 1, 2014. 83–95 p.
417. Holland S. Theology Is a Kind of Writing: The Emergence of Theopoetics. Vol. 47, No. 3, *Understanding Václav Havel* (FALL 1997). 317-331 p.
418. Hopper S. R. Introduction / Miller D. L (ed.). *Interpretation: The Poetry of Meaning*. New York: Harcourt Brace, 1967. IX –XXII p.
419. Hopper S. R. Symbolic Reality and the Poet's Task. *Eranos-Jahrbuch*, №. 34, 1965. 167–218 p.
420. Hopper S. R. The Literary Imagination the Doing of Theology / Keiser R. M & Stoneburner T (eds.). *The Way of Transfiguration: Religious Imagination as Theopoiesis*. Louisville: Westminster/John Knox, 1992. 207–229 p.
421. Jacob M. C. *The Secular Enlightenment*. Princeton: Princeton University Press 2019. XI, 339 p.
422. Jacoby F. Introduction / Hesiod: *Theogony, Works and Days, Testimonia*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2006. XI– LXXV p.
423. Janaway Ch. Plato / Kelly M (ed-in-ch.). *Encyclopedia of Aesthetics* 4 vol. V. 3. Oxford University Press, 1998. 518–521 p.
424. Jaspers K. *Plato*. München: Piper. 95 p.
425. Jones N. F. *Politics and society in ancient Greece*. Westport, Conn.: Praeger, 2008. XII, 167 p.
426. Jong de I J.F. Homer / Jong de I. J. F., Nünlist R (eds.). *Time in Ancient Greek Literature. Studies in Ancient Greek Narrative*. V. 2. Leiden: Brill, 2007. 17–37 p.

427. Jong de I. J. F. Homer / Bakker de M., Jong de I. J. F (eds.). Speech in Ancient Greek Literature. *Studies in Ancient Greek Narrative*. V. 5. Leiden: Brill, 2022. 33–55 p.
428. Jong de I.J.F. Homer / Jong de I. J. F (ed.). Space in Ancient Greek Literature. *Studies in Ancient Greek Narrative*. V. 3. Leiden: Brill, 2012. 21–38 p.
429. Jong de I.J.F. Homer / Jong de I.J.F., Nünlist R., Bowie A. M (eds.). Narrators, narratees, and narratives in ancient Greek literature. V. 1. Leiden: Brill, 2004. 13–24 p.
430. Kahn Ch. Plato and the Socratic Dialogue. *The Philosophical Use of a Literary Form*, Cambridge: Cambridge University Press. 1996. XXI, 431 p.
431. Kearney R. M. *Anatheism: returning to God after God*. New York: Columbia University Press, 2011. XXII, 248 p.
432. Kearney R.M. *Epiphanies of the Everyday: Toward a Micro Eschatology* / Manoussakis J.P (ed.). *After God*. Fordham University Press. 2006. 3–20 p.
433. Kearney R.M. God making: an essay in theopoetic imagination. *Journal of Aesthetics and Phenomenology*. V.4. №. 1. 31–44 p.
434. Kearney R.M. My way totheopoetics through Eriugena. *Literature & Theology*. V. 33. №. 3, 2019. 233–240 p.
435. Kearney R.M. *On stories*. Routledge. London and New York, 2002. XII, 193 p.
436. Kearney R.M. *Poetics of imagining Modern to Post-modern*. New York: Fordham University Press, 1998. XIII, 234 p.
437. Kearney R.M. *The God Who May Be: A Hermeneutics of Religion*. Indiana University Press, 2001. IX, 173 p.
438. Kearney R.M. Time, Evil, and Narrative. *Ricoeur on Augustine* / Caputo J. D. & Scanlon M. J (eds.). *Augustine and postmodernism: confessions and circumfusion*. Bloomington: Indiana University Press, 2005. 144–158 p.
439. Keefe-Perry L. C. *Way to water: a theopoetics primer*. Eugene, Oregon: Cascade Books, 2014. XX, 220 p.
440. Keefe-Perry L.C. *Theopoetics: Process and Perspective*. *Christianity & Literature*. V. 58, №. 4, 2009. 579 –601 p.

441. Keller C. Richard Kearney's *Endless Morning*. *Philosophy & Social Criticism*, V. 30, №. 7, 2004. 890–896 p.
442. Keller C. *Theopoetics and the Pluriverse: Notes on a Process* / Faber R. & Fackenthal J (eds.). *Theopoetic folds: philosophizing multifariousness*. New York: Fordham University Press, 2013. 179–194 p.
443. Kennedy A.G (ed.). *The Cambridge history of literary criticism* 9 v. V. 1, Cambridge University Press, 1989. XVIII, 378 p.
444. Kierkegaard S. *The concept of irony with continual reference to Socrates: together with notes of Schelling's Berlin lectures*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1989. XXV, 633 p.
445. Kirk G.S. *Myth: Its Meaning and Functions in Ancient and Other Cultures*. University of California Press, 1973. XII, 299 p.
446. Kirk R. *Introduction* / Giovanni Pico della Mirandola. *Oration on the dignity of man*. Translated by A. Robert Caponigri. Introduction by Russell Kirk. Chicago: Gateway Editions: Distributed by Regnery Co., 1956. XX, 72 p.
447. Knight N., Kasinec E. *Faces of Russia's Empire*. The Bergholtz collection of ethnographic images from the early 18th century. *Baltic Worlds BW* 2021:1-2, 2021. 87–97 p.
448. Kohl B.G. The changing concept of the "studia humanitatis" in the early Renaissance. *Renaissance Studies*. V. 6, №. 2, 1992. 185–202 p.
449. Koning H. *Hesiod* / Temmerman de K., Boas van E. E (eds.). *Characterization in Ancient Greek Literature*. *Studies in ancient Greek narrative*. V. 4. Leiden: Brill, 2017. 46–63 p.
450. Krabbe S.C. *A Beautiful Bricolage: Theopoetics as God-Talk for Our Time*. Wipf and Stock, 2016. 162 p.
451. Kraut R. *Plato* / Zeyl D. J (ed.). *Encyclopedia of classical philosophy*. Daniel Devereux & Phillip Mitsis (Ass. Ed). Westport, Conn.: Greenwood Press, 1997. 387–413 p.
452. Kreeft P. *Socratic Logic: A logic text using Socratic method*. Previously published, 2010. X, 399 p.

453. Kristeller P. O. *Renaissance thought II: papers on humanism and the arts*. New York: Harper & Row. 1965. X, 234 p
454. Kroeber A.L., Kluckhohn C. *Culture; a critical review of concepts and definitions*. Cambridge, Mass., The Museum, 1952. X, 438 p.
455. Kuper A. *Anthropology and Anthropologists: The Modern British School*. London, Penguin, 1973. X, 228 p.
456. Lane M. *Reconsidering Socratic Irony* / Morrison D. R (ed.). *The Cambridge Companion to Socrates*. Cambridge University Press, 2011. 237–259 p.
457. Lenz J.R. *Deification of the Philosopher in Classical Greek* / Christensen M. J., Wittung J.A. (ed.). *Partakers of the Divine Nature: The History and Development of Deification in the Christian Traditions*. Madison, NJ: Fairleigh Dickson University Press, 2007. 47–67 p.
458. Levinson R.B. *A Plato reader*. Boston: Houghton Mifflin, 1967. XIV, 513 p.
459. Lindberg D.C. *The beginnings of western science: the European scientific tradition in philosophical, religious, and institutional context, prehistory to a.d. 1450.* / The University of Chicago Press, 2007. XVI, 488 p.
460. Livingston R. *Roland Faber: Process theology as theopoetics*. *Process perspectives*, Summer 2006. P. 12.
461. LoPresti M.S. *Poiesis, Fides, et Ratio in the Absence of Relativism* / Faber R. & Fackenthal J (eds.). *Theopoetic folds: philosophizing multifariousness*. New York: Fordham University Press, 2013. 81–96 p.
462. McCall R. *Liturgical Theopoetic: The Acts of God in the Act of Liturgy*. *Worship*. №. 71, 1997. 399–414 p.
463. McPherran M. *Elenctic Interpretation and the Delphic Oracle* / Scott G. A (ed.). *Does Socrates have a method?: rethinking the elenchus in Plato's dialogues and beyond*. University Park, Pa. : Pennsylvania State University Press, 2002. 114–144 p.
464. Miller D. L. *Theopoetry or Theopoetics?* *Cross Currents*, 2010. 6-23 p.
465. Miller I. W. *Knowledge, False, belief, and dialectic in Plato* / Whittemore R. C (ed.). *Tulane Studies in Plato V. XXVII*. New Orleans: Tulane University, 1978. 125–151 p.

466. Moravcsik, J. Plato on the Effects of Art / Kelly M (ed-in-ch.). *Encyclopedia of Aesthetics* 4 vol. V. 3. Oxford University Press, 1998. 527–529 p.
467. Morgan K.A. *Myth and Philosophy from the Presocratics to Plato*. Cambridge University Press, 2000. VIII, 313 p.
468. Most G.W. The poetics of early Greek philosophy / Long A. A (ed.). *The Cambridge Companion to Early Greek Philosophy*. Cambridge University Press, 1999. 332–362 p.
469. Most G. W. What Ancient Quarrel between Philosophy and Poetry? / Destrée P., Herrmann F.-G (eds.). *Plato and the Poets*. Brill Academic Pub, 2011. 1–20 p.
470. Nestle W. *Vom Mythos zum Logos; die Selbstentfaltung des griechischen Denkens von Homer bis auf die Sophistik und Sokrates*. Stuttgart: A. Kröner, 1942. VIII, 580 s.
471. Nünlist R. Hesiod / Jong de I. J. F., Nünlist R (eds.). *Time in Ancient Greek Literature. Studies in Ancient Greek Narrative*. V. 2. Leiden: Brill, 2007. 39–52 p.
472. Oden M. *Toward a Christian theopoetic*, PhD thesis, Faculty of The School of Theology at Claremont, 1974. IV, 146 p.
473. Olympiodorus // *Stanford Encyclopedia of Philosophy* // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://plato.stanford.edu/entries/olympiiodorus/>. (Дата обращения 07.08.2024).
474. Payment S. *Greek mythology*. New York: Rosen Pub. Group, 2006. 64 p.
475. Peterman J.E. *On Plato*. Wadsworth. Thomson Learning, 2000. I, 93 p.
476. Petraki Z.A. *The poetics of philosophical language: Plato, poets and presocratics in the “Republic”*. Berlin/Boston: de Gruyter, 2011. IV, 292 p.
477. Plochmann G.K. *Plato*. New York, Dell Pub. Co, 1973. 543 p.
478. Press. G. A. *From Plato’s Dialogues: New Studies and Interpretations*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 1993. 107–127 p.
479. Pufendorf S. F von. *Samuel Pufendorf 's On the natural state of men: the 1678 Latin edition and English translation*. Lewiston, N.Y.: E. Mellen Press, 1990. 140 p.
480. Puleo M. *The struggle is one: voices and visions of liberation*. Albany: State University of New York Press, 1994. XIII, 247 p.

481. Randall J.H. Jr. *Plato: dramatist of the life of reason*. New York, Columbia University Press, 1970. XIV, 274 p.
482. Reblin I.A. *Waves of Liberation Theology: God non-science since Rubem Alves*. *Educar em Revista* 27, 2012. 2–8 p.
483. Robinson R. *Plato's earlier dialectic*. New York Cornell University Press, 1941. VIII, 239 p.
484. Rodocanachi C.P. *Athens and the Greek Miracle*. The Beacon Press, 1951. IX, 194 p.
485. Rowe Ch. *Plato and the Art of Philosophical Writing*. Cambridge University Press, 2007. IX, 290 p.
486. Sansone D. *Plato and Euripides*. *Illinois Classical Studies*. V. 21, 1996. 35–67 p.
487. Santas G.X. *Socrates, philosophy in Plato's early dialogues*. London; Boston: Routledge & K. Paul, 1979. VIII, 343 p.
488. Schmid T.W. *Dialectic in the Charmides* / Scott G. A (ed.). *Does Socrates have a method?: rethinking the elenchus in Plato's dialogues and beyond*. University Park, Pa. : Pennsylvania State University Press, 2002. 235–251 p.
489. Schneider L.C. *Kierkegaardian Theopoiesis: Selfhood, Anxiety, and the Multiplicity of Human Spirits* / Faber R. & Fackenthal J (eds.). *Theopoetic folds: philosophizing multifariousness*. New York: Fordham University Press, 2013. 109–121 p.
490. Schneiders S. M. *Biblical Spirituality* / Lincoln A. T. *The Bible and Spirituality: Exploratory Essays in Reading Scripture Spiritually*. Eugene, OR: Cascade, 2013. 128–150.
491. Scolnicov S. *Beyond Language and Literature* / Cornelli G. (ed.). *Plato's Styles and Characters: Between Literature and Philosophy*. Walter de Gruyter GmbH, Berlin-Boston, 2016. 5–14 p.
492. Scott D. *Plato, Poetry and Creativity* / Destrée P., Herrmann F.-G (eds.). *Plato and the Poets*. Brill Academic Pub, 2011. 131–154 p.
493. Sealey R. *The Justice of the Greeks*. Ann Arbor: Univ. of Michigan Press. 1994. X, 164 p.

494. Šimić. K. Teopoetika: genealogija i perspektiva. *Diacovensia*. 28.2, 2020. 247–270 s.
495. Smit C.N., Meylahn J.-A. ‘Teopoëtika (radikale Godstaal) en I.L. de Villiers et gedigte’, *Verbum et Ecclesia* 41(1), a2140. <https://doi.org/10.4102/ve.v41i1.2140>. 509–517 s.
496. Smith R. *Dialectic* / Zeyl D. J (ed.). *Encyclopedia of classical philosophy*. Westport, Conn.: Greenwood Press, 1997. 174–177 p.
497. Song S. *The Subject of Multiculturalism: Culture, Religion, Language, Ethnicity, Nationality, and Race?* / Zurn F (ed.). *New Waves in Political Philosophy*, Boudewijn de Bruin and Christopher. London: Palgrave Macmillan UK, 2009. 177–197 p.
498. Stocking G. W. Jr. *Race, culture, and evolution; essays in the history of anthropology*. New York, Free Press, 1968. XXVIII, 380 p.
499. Tanner S. *In Praise of Plato’s Poetic Imagination*. Lexington Books, 2010. VIII, 255.
500. Tarrant H. *Elenchos and Exetasis: Capturing the Purpose of Socratic Interrogation* / Scott G. A (ed.). *Does Socrates have a method?: rethinking the elenchus in Plato's dialogues and beyond*. University Park, Pa. : Pennsylvania State University Press, 2002. 61–77 p.
501. Tarrant H. *Literal and Deeper Meanings in Platonic Myths* / Collobert C., Destrée P., Gonzalez F. J (eds.). *Plato and Myth Studies on the Use and Status of Platonic Myths*. Brill Academic Pub, 2012. 47–65 p.
502. Vermeulen H F. *Early History of Ethnography and Ethnology in the German Enlightenment*, 2008. Leiden. XXIII, 718 p.
503. Vlastos G. *Introduction: the paradox of Socrates* / Vlastos G (ed.). *The philosophy of Socrates; a collection of critical essays*. Garden City, N.Y., Anchor Books, 1971. 1–23 p.
504. Vlastos G. *Socrates, ironist and moral philosopher*. Ithaca, New York: Cornell University Press, 1991. XII, 334 p.
505. Vlastos G. *The Socratic Elenchus* / Annas J (ed.). *Oxford studies in ancient*. V. 1. Oxford: Clarendon Press, 1983. 27–38 p.

506. Vlastos G. The Socratic Elenchus / Fine G (ed.). Plato. In 2 V. / V. 1. Metaphysics and epistemology. Oxford; New York: Oxford University Press, 1999. 36–63 p.
507. Vlastos G., Burnyeat M. Socratic Studies. Cambridge University Press, 1994. XIII, 152 p.
508. Voltaire. Essai sur les mœurs, / Œuvres complètes de Voltaire. Texte établi par Louis Moland. Garnier, 1883 / V. 11. Garnier, 1878. 628 s.
509. Walton H. Theopoetics as challenge, change and creative making. Literature & Theology, V. 33. No. 3, September 2019. 229–232 p.
510. Weaver J.D. Foreword / Gundry J. G. Songs from an Empty Cage: Poetry, Mystery, Anabaptism, and Peace. Telford, PA: Cascadia, 2013. 1–22 p.
511. West T.G. Preface / Plato's "Apology of Socrates": an interpretation, with a new translation. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1979. 9–12 p.
512. Wilder A. N. Theopoetic: Theology and the Religious Imagination. Philadelphia: Fortress, 1976. VI, 106 p.
513. Wilder A.N. Early Christian rhetoric: the language of the Gospel. Cambridge, MA.: Harvard University Press, 1971. XXX, 135 p.
514. Wilder A.N. Grace Confounding: Poems. Philadelphia: Fortress Press, 1972. XIII, 52.
515. Wilder A.N. Kerygma, Eschatology and Social Ethics / Davies W. D & D. Daube. The Background of the New Testament and its Eschatology: Studies in Honor of C.H. Dodd. Cambridge: Cambridge University Press, 1956. 509–536 p.
516. Wilder A.N. New Testament faith for today. New York: Harper, 1955. 186 p.
517. Wilder A.N. Scholars, Theologians, and Ancient Rhetoric. Journal of Biblical Literature, V. 75, No. 1, 1956. 1–11 p.
518. Wolfsdorf D. Socratic philosophizing / Bussanich J., Smith N. D (eds.). The Bloomsbury Companion to Socrates. London; New York: Bloomsbury Academic, 2013. 34–67 p.
519. Λογος // Древнегреческо-русский словарь Дворецкого И.Х. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.вокабула.рф/словари/древнегреческо-русский-словарь-дворецкий/λογος>. (Дата обращения 02. 05. 2023).

520. Μυθος // Древнегреческо-русский словарь Дворецкого И.Х. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.вокабула.рф/словари/древнегреческо-русский-словарь-дворецкий/μυθος>. (Дата обращения 02. 05. 2023).